

№2 (25) 2017

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ
ВУЗОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Выходит четыре раза в год.
Издается с 2008 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Культурные процессы и явления

Марков А. П.

Глобальные вызовы и сценарии будущего
европейской цивилизации 5

Сараф М. Я.

Формирование культурной компетенции как необходимое
условие сохранения целостности культурного пространства
и его креативного потенциала 22

Синявина Н. В.

История как предмет рефлексии русского общества
первой трети XIX века 31

Шилехина М. С.

Культурное пространство современного города
как объект междисциплинарного исследования.....39

Крухмалева О. В., Крухмалев Е. В.

Современные игровые устройства в жизни детей и подростков:
социокультурный анализ 47

Образование в контексте современной эпохи

Козловцева Н. А.

Продвижение образования на русском языке
как гуманитарная практика формирования образа Русского мира.....61

Технологии социально-культурного воспитания

Климкович Е. В.

Развитие социально-культурной активности
московского студенчества в условиях проектной деятельности.....69

Тихоновская Г. С.

Актуальные проблемы реализации народных традиций
в деятельности учреждений культуры 77

Герасимова И. А., Гусенкова С. С.

Формирование этнокультурной идентичности молодежи.....85

Семак Т. Ю.

Семейное творчество – ведущая форма организации
досуга семьи 93

Майорова В. М.

Значение русского танца в процессе обучения студентов
хореографических специализаций 100

Личность в культуре

Сбитнева А. А.

Памяти Учителя и друга 106

№2 (25) 2017

КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

SCIENTIFIC INFORMATION JOURNAL FOR
UNIVERSITIES OF CULTURE AND ARTS

Published four times a year.

Published since 2008.

CONTENTS

Cultural processes and phenomena

Markov A. P.

Global challenges and future scenarios for European civilization 5

Saraf M. Ya.

Formation of the cultural competence
as the necessary condition of preservation of integrity
of cultural space and its creative potential 22

Sinyavina N. V.

History as a subject of reflection of Russian society
in the first third of the XIX century 31

Shilekhina M. S.

Cultural space of the modern city as an object
of interdisciplinary research 39

Krukhmaleva O. V., Krukhmalev E. V.

Modern gaming devices in the lives of children and adolescents:
a sociocultural analysis 47

Education in Modern Era

Kozlovtseva N. A.

Promotion of education in Russian as a humanitarian practice
of forming the image of the Russian world 61

Technologies of Social and Cultural Education

Klimkovich E. V.

Development of social and cultural activity of Moscow students
in the context of project activities 69

Tikhonovskaya G. S.

Actual problems of the implementation of national traditions
in the activities of cultural institutions 77

Gerasimova I. A., Gusenkova S. S.

Formation of the young's ethnocultural identity 85

Semak T. Yu.

Family work is a leading form of leisure of the family 93

Mayorova V. M.

The value of Russian dance in the process
of teaching students dance majors 100

Personality in Culture

Sbitneva A. A.

To the memory of Teacher and Friend 106

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

24.00.00 – Культурология

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Александр Петрович МАРКОВ,

доктор педагогических наук, доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии факультета культуры Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

e-mail: markov_2@mail.ru

В статье даётся характеристика глобальных проблем европейской цивилизации, которые свидетельствуют об исчерпанности проекта модерна и делают неизбежной смену культурно-антропологических матриц. Трансформация европейской культуры в фазу постмодерна, активно отвергающего гуманистические ценности христианства и Просвещения, становится условием для экспансии язычества, деформирующего ключевые атрибуты бытия человека и общества, такие как функции социальных институтов, смыслообразующие сценарии, жизненные стратегии. Миссия русской цивилизации в мировой истории состоит в сохранении традиций Логоса, составляющего христианскую доминанту европейской культуры.

Ключевые слова: культура и цивилизация, европейский модерн, антропологический кризис, логос и хаос, цивилизационные матрицы, эра язычества.

GLOBAL CHALLENGES AND FUTURE SCENARIOS FOR EUROPEAN CIVILIZATION

A. P. Markov, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Full Doctor of Cultural Studies, Professor of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Culture, Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, Honored worker of science of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

e-mail: markov_2@mail.ru

---

¹ В основу статьи положено выступление автора на XVII Международных Лихачёвских научных чтениях «Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» (Санкт-Петербург, 18–20 мая 2017 года). При реализации проекта «XVII Международные Лихачёвские научные чтения» были использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 05.04.2016 года № 68-рп и на основании конкурса, проведённого Общероссийской общественной организацией «Российский союз ректоров».

The article describes the global problems of the European civilization, which testify to the exhaustion of the modernist project and make the inevitable replacement of cultural and anthropological matrices. The transformation of European culture into a phase of postmodernism, actively rejecting the humanistic values of Christianity and the Enlightenment, is becoming a condition for the expansion of paganism, deforming the key attributes of the existence of man and society: the functions of social institutions, sense creating scenarios, life strategies. The mission of Russian civilization in world history is to preserve the traditions of the Logos, which is the Christian dominant of European culture.

Key words: culture and civilization, European modernity, anthropological crisis, logos and chaos, civilizational matrices, era of paganism.

Закат христианской эры европейского мира

Современный мир стремительно меняется, и масштабы перемен не только поражают воображение, но и вызывают тревогу. Нервом публикаций и научных конференций последнего времени становится осознание тревожного факта: мир переживает «минуты роковые» – приближающийся пик глобального кризиса по своим масштабам и последствиям превосходит «осевое время» в истории человеческой цивилизации.

Рвутся цивилизационные нити преемственности, деформируются социальные структуры и отмирают нормативные механизмы, удерживающие социум как целостность, расширяется зона аномии и пространство институциональной дисфункции. Рушится единая картина мира, цементируемая вековыми усилиями философии и естествознания. Разум уступает место рассудочности и прагматизму, а место морали, вытесненной в сферу абстракции, занимает «релятивистская Вселенная», не имеющая «верха» и «низа», центра и окраин, целого и частей. Наружу хлынул хаос, пустота, «втягивающая в разрастающуюся воронку “знакомые до слёз” знаки и символы культуры: добро, любовь, красоту, дом, истину, природу. Всё то, что составляло духовную азбуку культуры, поле её гравитации, удерживающее человека в антропосообразном мире и преодолевающее разнообразие симптомы “родового безумия” [18]».

Растёт опасность цивилизационных рисков, связанных с экстенсивным развитием новейших нано-, био-, когнитивных и информационных технологий. Всё очевиднее становится культурно-историческая тупиковость вектора развития мировой цивилизации, которая обнаруживается как в крушении глобального социалистического «эксперимента», так и в исчерпанности культурно-исторических ресурсов западного «общества всеобщего благоденствия» – глобальный неолиберальный капитализм, пережив «предагональную» вспышку 1970–2000-х годов, исчерпал возможности своего развития.

Основным свидетельством кризиса полуторатысячелетней европейской цивилизации является растущая острота проблем культурно-

антропологического характера [11]. Гуманитарное знание фиксирует, как минимум, пять проблемных зон: угроза национальным культурам как ценностно-нормативным системам, упорядочивающим жизнь человека и общества; деформация культурно-антропологических матриц, сформированных на базе христианских ценностей; глубинный кризис национально-культурной идентичности; экспансия языческих стихий, энергий и практик; деформация фундаментальных смысловых ключевых концептов, формирующих интеллектуальное европейское пространство.

Базовые причины духовной агонии европейского мира связаны с утратой системообразующего статуса христианской антропологии, которая традиционно определяла ценностное и смысловое пространство европейской культуры, обеспечивая духовные приоритеты личностного развития и основания солидарности этносов. Серьёзные вызовы настоящему и будущему европейской культуры исходят из глубинного кризиса национально-культурной идентичности. В антропологической плоскости сущность кризиса состоит в анализе той неделимой субстанции, которая определяла историческую устойчивость культуры и вектор развития антропоса как существа, стремящегося к небу, в сферу духа.

Последствия разрушения базовых оснований национально-культурной идентичности для личности и социума имеют крайне негативный (и нередко катастрофический) характер:

- размываются основы гражданской солидарности и ответственности;
- происходит снижение степени политической мобилизованности граждан и превращение их в индивидуализированную массу;
- расширяется пространство и репертуар нетрадиционных самоидентификаций и негативных идентичностей, выполняющих компенсаторные функции в ситуации «идентификационной пустоты»;
- на развалинах идентичности и руинах распадающегося социума стремительно растёт интерес к этнической составляющей человеческого бытия – языку, фольклору, быту, традициям и обычаям, идёт активное возрождение язычества с его расовыми архетипами и этническими стереотипами.

О кризисе духовных оснований европейской культуры свидетельствует деформация фундаментальных смысловых концептов, ранее обеспечивающих целостность интеллектуального европейского пространства.

Перед лицом серьёзных вызовов оказался идеал гуманизма, претерпевающий значительные деформации в контексте европейской культуры, вытесняемый постмодернистскими проектами человека и активно утверждающими себя идеями трансгуманизма.

В новых акцентах нуждается трактовка свободы как неотъемлемого компонента гуманистического идеала. В классической парадигме достижение свободы связывалось с преодолением внешних ограниче-

ний человеческой деятельности, прежде всего со стороны природного и социального окружения. Это породило, во-первых, идеологию покорения природы, использования её в интересах человека, контролирования естественных процессов; во-вторых, идею рационализации и гуманизации общественных отношений путём контроля и конструирования новых форм человеческих взаимоотношений. Дальнейшее развитие данной антропологической стратегии чревато усилением глобальных экологических, социальных и духовных кризисов. Учёные говорят о необходимости осмысления и утверждения в рамках гуманитарного знания образа человека, соответствующего сегодняшним реалиям, включённого в системные отношения с природной и социально-культурной средой своего обитания на основании принципов диалога и законов коэволюции (В. А. Лекторский).

Глобальной экзистенциальной проблемой последнего времени становится дефицит жизненных смыслов. В стремлении заполнить смысловой вакуум человек обращается к религиозным и квазирелигиозным идеологиям (в том числе исповедующим конфессиональный, национальный и прочие фундаментализмы), которые формировались на основе ментальных матриц «мы – они» и потому обречены на разделение мира по критерию «свои – чужие» [10, с. 416]. В качестве ключевых причин тотального обесмысливания жизни в современном социуме всё чаще называются деформация религиозного сознания, истощение онтологической энергии веры, ведущие к утрате связи с Богом. Всё это свидетельствует об истерзанности проекта модерна и трансформации европейской культуры в новую фазу постмодерна¹. «Смерть модерна <...> становится глобальным вызовом западной цивилизации, которая вступает в стадию постмодерна, отказывающегося от гуманистических ценностей христианства и Просвещения и активно утверждающего антропологический спектр жизненных стратегий нового язычника»².

Глубинные причины переживаемого европейской цивилизацией антропологического кризиса связаны с модификацией духовных оснований бытия, неспособностью культуры сохранить жизненно важные параметры в пределах исторически сложившейся нормы. Деструкцию нормативной функции культуры провоцирует распад интеграционных связей прошлого, настоящего и будущего. Разрыв времён в глобальном мировом простран-

---

¹ Кризис модерна ощущался уже на рубеже XIX–XX веков – не случайно уже с XIX века на смену историческому оптимизму с его верой в светлое будущее пришёл исторический пессимизм, а историческое сознание «определяется осознанием кризиса, которое в течение последних ста лет или более постепенно углублялось и теперь характеризует мышление почти всех людей [22, с. 240]».

² Проект модерна, который концептуально обосновали и легитимировали европейские философы XVIII века (прежде всего Кант и Гегель, которых Ю. Хабермас называет философами модерна), приходится на акматическую фазу в истории западных народов, которая в значительной степени исчерпала свои ресурсы [21, с. 390].

стве обусловлен высоким темпом обновления знаний, интенсивным развитием информационных технологий, порождён быстрой сменяемостью социальных структур и институтов, типов и способов коммуникации, динамизмом и плюрализмом социальной и культурной жизни, разрушением традиционных ценностно-нормативных матриц культуры, выступающих ресурсом смыслополагания.

Смена цивилизационных матриц происходит в результате накапливания внутри культурного организма непреодолимых противоречий, деформирующих мировоззренческое ядро и ментальные матрицы культуры, обеспечивающие её целостность в историческом времени. В частности, глубинным источником мировоззренческих противоречий европейской культуры (и причиной кризиса христианского духа европейской цивилизации) являются деформирующие проекты европейской истории: Возрождение (которое утверждало антихристианский антропологический проект, составивший основу европейского гуманизма) и протестантская Реформация (особенно в своей кальвинистской ветви), отождествившая христианскую святость с трудом и земным успехом и открывшая дорогу капитализму, который утвердился в качестве доминанты европейского мира на много веков¹. Реформация осуществила десакрализацию христианских «заветов», отказавшись от «заповедей блаженств» Христа в пользу Человека, заложив тем самым основание для будущей культурной парадигмы эпохи Просвещения.

«Постхристианский» человек Европы эпохи модерна открыто отрекается от идеала Нагорной проповеди Христа, исповедуя ценности индивидуализма и сытости, статуса и успеха. «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьёзный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдётся хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань... Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. Мы живём, мыслим, действуем в конце сияющего дня, длившегося семь веков. Лучи заходящего солнца всё ещё освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам всё труднее различать это величие и искать надёжные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с её кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами [17, с. 427]».

---

¹ Реформация религиозно освящает труд и ставит его в центр человеческой жизни, видит в нём единственный путь к его духовному спасению. Для протестантов труд становится «абсолютной самоцелью, призванием», при этом религиозная ценность труда совпадает в глазах протестанта с его экономической эффективностью, со способностью приносить прибыль [5, с. 82].

Кризис западной цивилизации в зеркале гуманитарного знания

Европейский кризис – авангардная часть общемирового кризиса, в котором общий вектор экспансии катастроф проявляется обнажённо и остро. В таком социально-психологическом и духовном контексте теряют реалистичность «проекты спасения», выработанные в системе позитивистского знания, при этом всё большие возможности для осмысления происходящего и понимания перспектив грядущего обнаруживает дискурс религиозного характера и эзотерической традиции, сочетающий в себе рациональные аргументы и иррациональные способы проникновения в логику метаистории (вроде «Откровений святого Иоанна Богослова»). И это закономерно – если эпохам «линейного» исторического развития соответствовал рационалистический метод познания, то понимание «времени катастроф» требует иной методологии. Понять весь трагизм переживаемого момента мешает «исторический оптимизм» человека эпохи модерна – вера в прогресс, незыблемость существования привычного мира¹.

Глобальную катастрофу приближают не только объективные факторы, но и катастрофическое сознание – массовые апокалиптические настроения, которые провоцирует массовый «комплекс катастрофофилии», которая, как правило, предшествует мировым потрясениям (А. Назаретян). «К перспективе гибели своей культурной системы человек во все времена адаптирован плохо. Здесь ужас не физический, а метафизический ... Слишком велика психологическая и экзистенциальная привязанность к своей культуре. Но чашу сию испить придётся [14]». Действительно, национальная («родная») культура для человека – это как родительский дом, в котором происходит не только первое, но и второе, главное по своей сущности – метафизическое – рождение личности (Н. Бердяев). Этот дом обеспечивает первичную социализацию и межпоколенческую трансляцию культурного и социально-поведенческого опыта, даёт уроки любви, добра и понимания, рождает чувство защищённости, которое помогает человеку пережить удары судьбы. «Культура на уровне глубинных психологических установок блокирует осознание своей смертности в историческом времени, отвечая на смутную метафизическую тревогу человека разнообразными формулами вроде: всё будет хорошо, всё наладится, всё вернётся на круги своя, и т.д. и т.п. Внушения эти столь сильны, что даже мысль о собственной смерти для человека более переносима, чем мысль о смерти культуры, которую он гонит от себя всеми силами и, как правило, ценой потери адекватного восприятия действительности. Особенно в закатные эпохи [14]».

---

¹ С другой стороны, гуманитарное знание эпохи «духовных революций» становится не только средством познания мира, но и способом конструирования действительности – создаваемые в пространстве гуманитарной мысли образы мира и проекты его улучшения становятся «самосбывающимся пророчеством».

Особенно остро проблематика кризиса западноевропейской цивилизации звучит в гуманитарных текстах последнего времени, которые становятся своеобразными пророчествами о «конце истории» – в них начинают откровенно доминировать темы негативизма, тревоги, растерянности, воинствующего нигилизма – типичными для философского дискурса стали метафорические конструкции, фиксирующие антропологический кризис, кризис самоидентичности, экзистенциальный вакуум, исчерпанность энергий, «ситуацию Освенцима» [3]. Центральная мысль такого рода прогнозов – *современная европейская цивилизация вступает в новый этап – эпоху постмодерна*, которая по ключевым характеристикам отвергает предыдущую эпоху модерна.

На наш взгляд, этот прогноз не в полной мере отражает весь спектр и глубину надвигающихся перемен. Дело в том, что «линейная» методология анализа (и соответствующее мышление, которое каждый следующий этап рассматривает как отрицание или развитие предыдущего) в данном случае не объясняет сути всего происходящего. По совокупности глобальных тенденций и процессов современной цивилизации можно утверждать, что мир вступает (точнее, возвращается) в ту культурную эпоху, которую человечество трудно и мучительно преодолевало примерно две–три тысячи лет тому назад.

Это был тот исторический период (К. Ясперс назвал его «осевым временем»), когда выдающиеся мыслители (древнегреческие философы, поэты, библейские пророки) смогли произвести фундаментальную метафизическую революцию в сознании человека: они бросили вызов погрязшему в «заблуждениях» нечестивому и неразумному языческому миру; осуществили разрыв сущего и должного, показывая греховность и несовершенство человека и мира, который нуждается в преображении. Эта эпоха разрывает языческий круг времени, привнося в человеческую историю эсхатологические мотивы, она укрощает агрессивность языческого, родового человека, обеспечивая «баланс силы и мудрости».

В религиозных и философских текстах того времени была сформирована нравственная направленность духовного опыта: были поставлены радикальные цели спасения, в том числе путём поиска Истины, которая делает человека свободным; открыты идея всечеловеческого единства и понимание всемирного характера человеческой истории. Человек впервые начинает осознавать масштаб бытия, понимать себя и свои границы, трансцендентные миры и глубину самосознания, он теперь способен различать добро и зло, рассматривая эти энергии как проекцию в земное измерение универсальных антиподов мира – Бога и Дьявола.

Возникает феномен «обращения» в религиозную веру или философскую доктрину, с вытекающими отсюда жизненными смыслами и нормами поведения. Религиозная мораль обретает личностный характер (в Новом

Завете «оскверняет» не то, что входит в уста, а что выходит, и очищает только то, что «идёт из сердца»). Человеку впервые предоставлена великая свобода выбора смысла бытия в сфере духа, которая даёт ему шанс выбраться из «оков рода»¹.

«Осевое время» в глобальном масштабе формирует культурную матрицу, которая по отношению к миру язычества выступает как «антисистема» – «осознавая порочность самой онтологии», она стремится её взорвать, «революционно исправить её»². Великие культуры древности заложили основы социально-культурных институтов передачи духовного опыта. Выдающиеся религиозные и этические доктрины того времени девальвировали архаическое сознание, утвердив культ Логоса (Слова, Книги), который выступил главным орудием борьбы с хаосом.

Великим достижением «осевого времени» становится утверждение в структуре ментальности принципов рационализма, которые впоследствии стали отправной точкой для мыслительных техник, возникших на основе формализуемых правил, развития рефлексии как способа самопроверки правильности мысли, обращённой не только на процесс мышление (логика), но и на его результаты в слове (поэтика, риторика). Революция в мышлении разрушает авторитет традиций рода и утверждает ценность свободы выбора и ответственности; освобождает от житейской инерции, порабощённости безличными силами, от страха и животных страстей; открывает дорогу власти Идеи, противостоящей ритуальному автоматизму обыденности (С. Аверинцев). Великие философы и пророки «осевого времени» своими текстами и проповедями сформировали духовные контуры человека – тот «неделимый атом», который обеспечивал более двух тысяч лет устойчивость мира и «вертикальную» устремлённость человека «к небу».

Сегодня мы являемся свидетелями мистической неизбежности «эволюционной спирали», когда отвергнутое возвращает свои права, а победители терпят поражение. Иными словами, логоцентрическая Культура (Традиция) пророков (Г. Джемаль), которая в те далёкие времена совершила метафизическую революцию и отвергла Культуру (Традицию) жрецов (Г. Джемаль), сегодня системно исчерпала свой потенциал (и прежде всего в духовной сфере и предметном творчестве), и образовавшийся на её месте метафизический вакуум притягивает Культуру жрецов, мощная жизнеутверждающая стихия которой тысячелетиями ждала своего часа.

¹ «Враги человека – домашние его»; «Нет пророка в своём отечестве»; «Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её»; «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня» – эти новозаветные формулы зовут личность преодолевать свободным выбором инерцию рода.

² «Отличие духа от реальности заключается в том, что “дух несёт в себе мысль об ином”. Иное – это то, что не переживается (в отличие от реальности), это то, что дано в нулевом опыте. Таким образом, дух в своей сущности ориентируется на внереальность [6]».

Языческие искушения европейского человека

Выпадение западной цивилизации из христианской системы координат и переход на модель язычества можно рассматривать как неизбежный итог антропологической катастрофы европейского мира. При этом коренная ломка затрагивает основополагающие атрибуты бытия человека и общества – меняется картина мира, этический идеал, смыслообразующие сценарии, критерии идентичности, представления о добре и зле, сущем и должном¹. Происходит «смена знака» ключевых ментальных характеристик и мировоззренческих доминант культурной матрицы. Расширяется социально-культурное пространство аффективных энергий, а также зона проявления архаического сознания: всё большее распространение получают элементы ментальности древних – иррациональность, мифологизм, мистицизм (с амплитудой от объяснения событий действием мистических и оккультных сил до веры в духов и посмертное существование). Получает распространение концепция мира (жизни, природы, космоса) как обладающего изначально гармонией и полнотой. В мире язычника нет должного, поэтому в нём нет и этической драмы, которая связана с движением от того, что есть, к тому, что должно быть². Усиливаются этнокультурные тенденции – прообраз тотальной включённости древнего человека в структуру рода, исключающей свободный выбор личностью иных критериев идентичности. Расширяется социальная база «любителей» магических и мистических практик и верований, которые в те далёкие времена составляли репертуар жрецов.

Увлечение язычеством не обошло и отечественную культуру первой половины XX века. В частности, идеолог Серебряного века Вяч. Иванов «полноту культуры» усматривал в единстве аполлонического и дионисийского, подчёркивая сходство онтологического статуса Диониса и Христа. Он утверждал, что мировая душа представлена хаосом, который находится в тесных отношениях с Творцом. Бессознательному хаосу – «душе

---

¹ Идеализированные контуры утраченной Традиции жрецов и предчувствия наступающего мира сегодня являют нам и сюжеты, и символика западной кинопродукции – в фильмах-катастрофах, постапокалиптических картинах, «фэнтези» для взрослых: «Высокая метафизика, безальтернативная реальность, гармония и простота, справедливость и воздаяние здесь и сейчас, магия как норма, стремление к Абсолюту, взаимодействие старых и новых богов, полубогов и героев, возрождённая пирамида варн, где каждый делает своё и уважаем на своём месте [1, с. 64]».

² Именно в силу этого обстоятельства певец язычества Зигмунд Фрейд ненавидел христианство – за высокую и недостижимую планку нравственного идеала. Фрейд считал, что культура изначально проявляет себя исключительно репрессивно; она – враг любых проявлений человеческой индивидуальности. Её цель состоит в защите общества от свободного индивида, утратившего биологические и социальные регуляторы. Базовые запреты культуры связаны с необходимостью отказа от «оков рода», от удовлетворения разрушающих социум инстинктов: инцеста и агрессивности. Порочность современной культуры Фрейд видел в провокационности её запретов, толкающих на мучительный путь личностного саморазвития человека, независимо от его индивидуальной предрасположенности.

мира» – Бог является в виде Диониса, языческого божества оргийного, очищающего экстаза, а в душе человека Бог открывается в виде кроткого Христа, Бога Слова, обращённого к разуму¹. Бог спасает природу личным действием, просветляющим тёмное движение материи, а человек спасается сам, своей разумной волей, лишь косвенно поддерживаемой словом и волей Бога. Поэтому приобщение к природе становится условием непосредственного приобщения к живому Богу. Путём «нисхождения к хаосу» достигается приобщение «к единству я вселенского в его волении и страдании, полноте и разрыве, дыхании и воздыхании ... [9, с. 9]».

Обретённый в «оргийном экстазе» синтез истин Диониса и Христа, считал кумир символистов, позволит создать обновлённую догматику «новой Церкви», будущего вселенского христианства, синтезирующего языческую и христианскую образность. «Для наших земных перспектив нисхождение есть поглощение частного общим. Нужен и свят первый миг дионисийских очищений: соединение с низшим, глубинным богом, говорящим Да Природе, как она есть. Всё нужно принять в себя, как оно есть в великом целом, и весь мир заключить в сердце. Источник всей силы и всей жизни – это временное освобождение от себя и раскрытие души живым струям, бьющим из самых недр мира. Только тогда человек, утративший свою личную волю, себя потерявший, находит своё предвечное истинное воление и делается страдательным орудием живущего в нём бога, – его носитель, тирсоносец, богоносец [9, с. 246]».

Высшая мудрость, которую могут обрести и донести до людей избранные, поэты-теурги, заключается в соединении истины Диониса с истиной Христа в цельное знание, которое и позволит преобразовать мироздание в «земной рай». Волей теургов, полностью овладевших «глаголами вечной жизни», земля преобразится в новый рай, в мистическом средоточии которого будет объединившийся с Христом Дионис [9, с. 246].

Таинственная природа смены цивилизационных матриц

Маятникообразная смена антропокультурных матриц в большом историческом времени обусловлена феноменом «культурно-полевой индукции», выступающей «незримым каналом» хранения и трансляции «квинт-эссенции исторического опыта» человечества (А. Пелипенко). В ситуации «инволюционных откатов» доминирующие культурные программы «теряют» свой энергетический потенциал и становятся неактуальными, невостребованными. Но они не исчезают полностью с драматической арены истории – под давлением возрождающихся матриц конкурирующей системы они «оттесняются» – уходят в «тень коллективного подсознания», и ждут там своего часа. В формировании механизмов востребованности

¹ Вл. Соловьёв считал, что пророком грядущего торжества человечества во Христе-Дионисе был Тютчев – «певец Хаоса», «мифотворец» и «тайновидец мировой души» [16, с. 174].

иных культурных парадигм ведущую роль играют ментальные матрицы субъекта культуры: испускаемые из «полевого пространства культуры» интенции (импульсы) «здесь» могут быть считаны структурами определённого онтологического порядка и уровня сложности «принимающих устройств и настроек». В пространстве «здесь и теперь» опредмечиваются (эксплицируются) лишь те потенциальные характеристики феномена, которые «релевантны» онтологической природе «агента связи», – их «оживление» происходит в результате резонанса с интенционально-эмпатическим импульсом «вызова» [15]. Воистину: «Зови, зови ночную тьму, и тьма придёт» (В. Шаламов) – мы способны вызвать из потенциального мира лишь то, что соответствует экзистенциальным пластам нашей ментальности и природе доминирующего мировосприятия (добро зовёт добро, любовь к миру и людям возвращается увеличенной энергией любви, а ненависть и зло способны вызвать лишь аналогичные энергии).

Сегодня, как и во времена Ветхого Завета, мир переживает *теогонический* период – смену цивилизационной парадигмы. Прежняя историко-культурная модель исчерпала себя¹, и эта исчерпанность переживается (и в гуманитарном знании, и в массовом сознании) как духовный кризис, «метафизическая пустота» (О. Шпенглер). Это время, когда «близко великое падение, великие перевороты. Но и не это – самое страшное. Страшны не обстоятельства, которые делают возможным великое падение, страшна расшатанность в более глубоких слоях действительности, – гнилость корней страшна. Пусть сдёргивают пестро-затканые покровы, пусть сумятица уничтожит одежды! Но когда стражи намекают, что за покрывами мы не увидим ничего, кроме чёрной трухи из гнилого ореха, то тогда есть от чего содрогаться. Грядущие перевороты – только симптом основной, “центральной” гнилости. Подгнили не только люди с их личной волей; подгнили не только внешние порядки; подгнило не только исполнение правды, – сама правда подгнила, подгнил принцип жизни, подгнил, страшно сказать, Бог, и пустыми очами глядит в такие моменты серое небо. Безверье – охлаждение – равнодушие. Бог перестаёт быть безусловной правдой для сознания, Бог делается нечистым, Бог готов перейти не сегодня-завтра в нечисть, побораемый новыми порождениями теогонического процесса, прикрывающий своё бессилие хмурой маской небесных покровов. Но тут назрела религиозная революция, лучше сказать <...> переворот на небе. Вспыхнет борьба, озарятся серые облака красными вспышками молниевых ударов. Колеблются престолы, новое молодое племя рвётся к миро-

---

¹ «Всякая культурная система стремится развернуть свою структурную матрицу во времени и пространстве, то есть реализовать всё, на что она потенциально способна в материнской природно-исторической среде». «Ключевую интригу культурно-исторической эволюции» составляет «восхождение культурно-исторических матриц от более простых и, соответственно, менее гибких и жизнеспособных к более сложным, подвижным и лабильным» [14].

властительству, вырывает скипетры и державы. А старые бога готовы пасть в чёрный Тартар, чтобы колебать оттуда почву нового религиозного сознания. Тёмной нечистью “экс-боги” станут подыматься из безднностей; мрачными Духами, – так напоминающими бывшее, когда-то милое, станут тревожить молодое мирозерцание. Генерация небожителей, оттеснённая от власти над сознанием, превращается в своё противоположное; носители правды делаются нечистью [19, с. 272–273]».

Сегодня элементы языческого прошлого, помимо «легальных» способов утверждения, врываются в чуждый для них логоцентрический мир христианской культуры, с его линейным временем и драматической напряжённостью сущего и должного, в «капсулированной», вирусной форме «мемов» – единиц культурной наследственности, аналогичных гену. В культурной коммуникации свойствами мема обладают идеи, самоорганизующиеся в единицу информации, способную к самостоятельному воспроизводству в общественном сознании. Мир прошлого врывается в современность через актуализацию коллективного бессознательного, которое хранит универсальные архетипы и символы, присущие всему человечеству и обеспечивающие его интеграцию в единую семиотическую целостность (К. Юнг). Этот «архивированный» тысячелетиями символический опыт прошлого, «разговаривающий» с человеком на «мягком» языке архетипов и символов, запускает неподвластный сознанию идентификационный резонанс пробуждения «спящих» экзистенциальных энергий¹. Языческие символы и образы являются в наш мир героями и сюжетами искусства, мифологемами общественного сознания.

Грядущие опасности реванша Культуры жрецов

Язычество – это по-своему Космос, который упорядочивался гармонией человека с природой, инстинктом сохранения «заданной онтологической программы», её порядком, иерархией и гармонией, «естественной религией», традицией, мифом и ритуалом (Г. Джемаль).

Но становящемуся язычеству предшествует непростая и длительная эпоха торжествующего хаоса – и внешнего, и внутреннего, который есть распад души человеческой. Сегодняшний этап европейского постмодерна – это последняя стадия распада Традиции и социально-культурных институтов модерна – завершающей фазы Культуры пророков.

Опасность расширения социальной базы новоязыческой антропологии состоит в том, что, разрушая духовно-нравственную матрицу куль-

---

¹ Коллективное бессознательное К. Юнг метафорически трактовал в виде зарослей мангровых деревьев: на поверхности множество отдельных деревьев, а в подземной глубине они все переплетены корнями и являются единым целым. Ключевыми архетипическими символами Юнг считал архетипы мужчины, женщины, маски, «другого», «самости», «тени», «ребёнка», матери, отца, шута, мудрого старца.

туры, она делает неизбежным общецивилизационный крах. Не случайно глобальный проект формирования «нового язычника» символически обозначается *«антропологической этаназией»* европейской культуры. Под мощным воздействием различных форм массовой «кентавр-культуры» (Ж. Т. Тощенко), с их романтикой аморализма и демонстрацией нравственных табу, снижающих планку духовности и способствующих «дебилизации» общества, активно утверждается антропология «нового язычника», объединяющая в границах человеческой экзистенции случайные или даже принципиально несовместимые элементы, импульсы и энергии. В публичном пространстве кумирами становятся личности, обеспечившие своё материальное благополучие и социальный статус откровенным аморализмом и предельной распущенностью, напоминающей образ жизни избранных в обществах древнего мира. Утверждение языческой антропологии создаёт условия для реставрации националистической идеологии, которая становится естественным ответом западноевропейской цивилизации на агонию культуры эпохи постмодерна и в значительной степени выполняет компенсаторную функцию, замещая утраченные основания национально-культурной солидарности¹. Реабилитация нацизма на пространстве европейской цивилизации возникает в вакууме идентичности, в ситуации аномии и распада традиционных для христианской культуры антропологических и ментальных матриц.

Разгул языческих стихий на пространстве европейской культуры становится условием для зарождения и реализации деструктивных и античеловеческих проектов. Трагический опыт XX века показывает, что природа, почва, факт рождения неустранимы и непреодолимы: они ждут своего часа, взрываясь в ситуации кризиса идентичности. Западноевропейская цивилизация прошла длительный и драматичный путь возвышения по ступеням идентичности: от природы и рода – к духу, идее, всеобщему. Сегодняшняя тенденция возврата к идентичности по критериям «почвы и крови» свидетельствует об очевидной регрессии западного мира.

Опасность язычества состоит в способности его мировоззренческой и «ритуальной составляющей» растлевать человеческие души и развращать человеческие сердца. В результате «духовной порчи» посредством адаптированных языческих практик человек погружается в низшие круги бытия, лишаясь мотивации и энергии продвижения вверх по ступеням духовного восхождения. Духовная атмосфера язычества провоцирует худ-

---

¹ Всплеск традиционализма в форме националистических идеологий – это и реакция культуры на глобальный проект «разборки» мира, направленный на уничтожение национальных государств. В национализме осуществляется выход из мировоззренческого хаоса, распада и разлома духовных матриц западноевропейской культуры. Дело в том, что цивилизационное поле национально-культурного удерживается в равновесии благодаря второй составляющей – полюсу культурного, пространство которого в современном западноевропейском мире стремительно сокращается [8].

шие человеческие качества и энергии – алчность, зависть, агрессивность, мстительность¹.

Утверждение культурной модели неоязычества в её окончательном варианте требует инверсии культовых оснований, в том числе предполагает реабилитацию (и соответствующую культурную легитимацию) «божественного пантеона» древнего человека. И процесс этот в недрах европейской культуры наблюдается уже несколько веков: история европейской цивилизации (особенно начиная с эпохи Нового времени) изобилует примерами «культурной реабилитации» демонических фигур язычества: Аполлона, Диониса, Гелиоса, Люцифера, Гермеса, Меркурия и т.д. Период утверждения христианской матрицы сопровождался в Европе всплеском антисистем – религиозных сект преимущественно сатанинского характера².

Вызовы времени и миссия русской цивилизации

Сегодня российская цивилизация на поле вселенской битвы двух антропокультурных матриц – пока на стороне традиций христианского Логоса (который, как отмечал П. Флоренский, является ключевым условием противостояния хаосу; мыслитель рассматривал всемирную историю в эсхатологическом ракурсе – как поле битвы, на котором сражаются два противоположных космических начала: «Логос и хаос», или, на богословском языке, «Христос и антихрист»). Культура на этом поле есть специфически человеческое выражение борьбы Логоса против хаоса, против «мирового уравнивания», против равенства и смерти³.

¹ Образом-метафорой сегодняшнего периода служит шекспировский Гамлет, переживающий глубинную расколотость сознания: между зовом вырождающегося рода и требованием христианского духа, между духом прошлого и рождающейся новой правдой, неизбежностью языческого отщепенца и христианского прощения. В монологе, завершающем первое действие, Гамлет, поклявшийся тени своего убитого отца отомстить за него, восклицает: «Распалась связь времён. Зачем же я связать её рождён!» (А. Кронеберг, 1844); «Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить!» (Б. Пастернак); «Век расшатался – и скверней всего, Что я рождён восстановить его!» (М. Лозинский); «Век вывихнут. О злобный жребий мой! Век вправить должен я своей рукой» (А. Радлова). Все эти формулы фиксируют обрыв традиции в области морали, катастрофическое переживание резкого перелома, катаклизма.

² В частности, в пространстве европейской культуры действовали известные «анти-системы» офитов и гностиков (эти секты сформировались в древнем мире ещё во времена язычества – в зоне контакта Ветхого Завета и эллинистической мифологии). Офиты (змеепоклонники) утверждали культ знаний и Сатаны, как их источника, в противоположность библейскому Богу, который устами пророка провозгласил: «во многом знании много печали», потому познание «приумножает скорбь». Культ тайных знаний был характерен и для гностиков (по-гречески гносис – «знание»; гностик – «знающий» или «стремящийся к знанию»).

³ Культура – это способ борьбы Логоса с Хаосом. «Дольний мир» стремится к беспорядочности, основной его закон – второй закон термодинамики – закон энтропии. Миру противостоят Логос – начало эктропии (которая есть изменение в сторону упорядочения, большей организованности, сложности, – в сторону, противоположную энтропии, ведущей к хаотизации и деградации). Культура есть сознательная борьба с мировым уравниванием, её миссия состоит в «задержке уравнивательного процесса вселенной, в повышении разности потенциалов во всех областях, как условие жизни, в противоположность равенству – смерти [19, с. 39]».

Драматизм сегодняшней ситуации усиливает тотальная несовместимость (и даже непримиримость) метафизических ориентаций противоборствующих антропологий Логоса и Хаоса: лежащих в их основе мировоззрений, областей сакрального, духовных референтов, смыслообразующих сценариев. Европейская цивилизация на несколько столетий раньше вступила в стихию язычества (начиная с эпохи Возрождения), поэтому вражда и непримиримость западной элиты по отношению к русскому миру носит глубинный, метафизический характер. И эта длящаяся не один век битва антропокультурных матриц исключает возможности компромисса.

Модификация христианской антропологии стала результатом действия в пространстве западноевропейской культуры «гуманитарных» стихий, оппонировавших христианским энергиям справедливости, милосердия, добра, истины. В структуре массовой культуры, в западноевропейской гуманитарной мысли эпохи постмодерна всё большую популярность обретают идеи и практики «негативного антропологизма», набирает обороты постмодернистский дискурс, пронизанный энергиями негативизма и пессимизма.

У России остаётся шанс выйти из катастрофического для европейской культуры исторического тренда, а именно: оставаться в границах исторически оправданного и выстраданного народом духовного пространства русской цивилизации (и по возможности не участвовать в тех инициативах и проектах западного мира, которые олицетворяют агонию христианского духа европейской культуры).

Губительным фактором, убивающим душу сегодняшней России, стало нравственное падение народа в результате бездумных (а по сути – преступных) попыток войти в чужой для нас в ментальном и духовном смысле «европейский дом». Трансграничные вызовы и угрозы духовной безопасности требуют не только консолидированных усилий государственных институтов, но и высокого уровня национальной идентичности граждан, они придают возрастающую значимость приоритету духовно-нравственной составляющей в разработке сценариев минимизации глобальных проблем.

Культурно-антропологическое измерение современного кризиса, проявляющееся в глубинной трансформации цивилизационных матриц, позволяет охарактеризовать подлинные гуманитарные масштабы надвигающейся катастрофы и разработать методологию выработки мер предупреждающего характера. Фундаментальные вызовы времени, продиктованные сменой цивилизационной парадигмы, требуют адекватного ответа, условием которого является системное понимание сущности русской цивилизации (её души, ментального склада) как субъекта мировой истории, в поток которой она включена.

Литература

1. *Алтуфьев Д.* Зеркало Иблиса // Острог : альманах. – 2017. – № 14. – С. 57–65. – URL: http://vk.com/doc354704131_441745887
2. Анонимная война : от аналитиков Изборского клуба / [К. А. Черемных, М. В. Восканян, А. Б. Кобяков]. – Москва : Алгоритм, 2014. – 222 с.
3. *Богданов Е. В.* Об актуальности исповеди // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова : материалы международной конференции (Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.). – Санкт-Петербург : Изд-во Института Человека РАН (СПб отделение), 1997. – С. 14. – URL: <http://anthropology.ru/ru/text/bogdanov-ev/ob-aktualnosti-ispovedi>
4. *Бьюкенен П. Дж.* Смерть Запада / [пер. с англ. А. Башкирова]. – Москва : АСТ, 2003. – 446 с.
5. *Вебер М.* Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. [с. 736–769] Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденоко [с. 5–41 ; коммент. А. Ф. Филиппова]. – Москва : Прогресс, 1990. – 804 с.
6. *Джемаль Г.* «Ориентация – Север». За пределами постмодернизма [Электронный ресурс] // Революция Пророков. Собрание философских работ и лекций Гейдара Джемала. – URL: http://www.kontrudar.com/sites/default/files/revolyutsiya_prorokov.pdf
7. *Жаринов С.* Глашатай радикально Иного [Электронный ресурс] // Поистине : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 14.12.2016. – URL: <http://poistine.org/glashatay-radikalno-inogo#.WUJchaAzpSE>
8. *Запесоцкий А. С., Марков А. П.* Между нацизмом и империей. Драма выбора европейской цивилизации // Историческая психология и социология истории. – 2016. – Том 9, № 1. – С. 189–215.
9. *Иванов Вяч.* По звёздам : статьи и афоризмы. – Санкт-Петербург : Оры, 1909. – 448 с.
10. *Лекторский В. А.* Гуманизм в контексте диалога культур // Диалог культур и партнёрство цивилизаций : XIV Международные Лихачёвские научные чтения, 15–20 мая 2014 года / Российская академия наук, Российская академия образования, Конгресс Петербургской интеллигенции, Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов ; [науч. ред. А. С. Запесоцкий]. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. – С. 93–96.
11. *Марков А. П.* Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2017. – 453 с. – (Новое в гуманитарных науках ; Вып. 69. Электронное издание).
12. *Назаретян А. П.* Национальная идея в «век бифуркаций» // Диалог культур и партнёрство цивилизаций : XIV Международные Лихачёвские научные чтения, 15–20 мая 2014 года / Российская академия наук, Российская академия образования, Конгресс Петербургской интеллигенции, Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов ; [науч. ред. А. С. Запесоцкий]. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. – С. 415–417.
13. Острог : альманах. – 2017. – № 14. – URL: http://vk.com/doc354704131_441745887

14. *Пелипенко А.* Русская матрица: последний путь // Острог : альманах. – 2017. – № 14. – С. 5–18. – URL: http://vk.com/doc354704131_441745887
15. *Пелипенко А. А.* Психосфера [Электронный ресурс] // Семь искусств : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 2011. – № 1. – URL: <http://7iskusstv.com /2011/Nomer1/Pelipenko1.php>
16. *Соловьёв В. С.* Сочинения : в 2 томах / составление, общая ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. – Москва : Мысль, 1988. – Т. 2. – 822 с.
17. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с.
18. *Суханцева В. К.* Музыка Как Мир Человека (от идеи вселенной – к философии музыки). – К. : Факт, 2000. – 176 с.
19. *Флоренский П.* Сочинения : в 4 томах / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева) и др. – Москва: Мысль, 1994. – Том 1. – 797 с.
20. *Фурсов А.* На пороге нового мира – есть ли субъект стратегического действия? или Железные требования исторического процесса [Электронный ресурс] // Информационно-образовательное сообщество «Мировоззрение Русской цивилизации» : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – URL: <http://www.razumei.ru/lib/article/1698>
21. *Хренов Н. А.* Ориенталистский дискурс как порождение Запада и национальные интересы России // XV Международные Лихачёвские научные чтения, 14–15 мая 2015 года. Современные глобальные вызовы и национальные интересы / Российская академия наук, Конгресс Петербургской интеллигенции, Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2015. – С. 389–393.
22. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории : пер. с нем. / [вступ. ст. П. П. Гайдено, с. 5–26]. – Москва : Политиздат, 1991. – 528 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОХРАНЕНИЯ ЦЕЛОСТНОСТИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕГО КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Михаил Яковлевич САРАФ,

доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры, г. Москва, Россия

e-mail: ssaraf@yandex.ru

В статье анализируется понятие культурной компетенции. В её структуре выделяются четыре уровня: информационный, технологический, эвристический и аксиологический. Формирование культурной компетенции обеспечивает целостность культурного пространства. Особое внимание уделяется культурной инновации как главному механизму динамики культуры. Снижение уровня культурной компетенции может вызвать процессы инволюции, что представляет собой большую опасность для общественного производства.

Компетентность субъекта деятельности означает наличие у него необходимого уровня знаний, сведений и владения деятельностьюными технологиями в этой области, что даёт ему право и возможности по своим познаниям или полномочиям ставить и решать актуальные задачи её функционирования и развития, объективно оценивать результаты.

В настоящее время появляются обнадеживающие новые формы социальной и культурной самодеятельности (например, сетевые структуры), способные противостоять процессам манипулятивизма и дегуманизации, хотя ещё немного рано судить об их культуротворческом потенциале.

Ключевые слова: культурная компетенция, культурное пространство, культурная инновация, инволюция.

FORMATION OF THE CULTURAL COMPETENCE AS THE NECESSARY CONDITION OF PRESERVATION OF INTEGRITY OF CULTURAL SPACE AND ITS CREATIVE POTENTIAL

M. Ya. Saraf, Full Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of the theory of culture, ethics and aesthetics, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: ssaraf@yandex.ru

The article examines the notion of cultural competence. In its structure there are four levels: information, technological, heuristic and axiological. The development of cultural competence ensures the integrity of the cultural space. Special attention is

paid to cultural innovation as the main engine of the dynamics of culture. The decrease in the level of cultural competence can cause the process of involution that represent a great danger to social production.

Competence of the subject of activity means the presence of the required level of knowledge, information and possession of technologies in the field, giving him the right and opportunities according to their knowledge or authority to formulate and solve actual problems of its functioning and development, to objectively assess the results.

There are encouraging new forms of social and cultural performances (e.g., network structure), able to resist the processes of dehumanization and manipulative, although it's a bit early to judge their cultural and creative potential.

Key words: the cultural competence, cultural space, a cultural innovation, involution.

Понятие «компетенция», как известно, выражает круг вопросов или дел, порученных определённому учреждению или лицу, наделяемому соответствующими полномочиями для их решения. Соответственно, *компетентность субъекта деятельности* означает наличие у него необходимого уровня знаний, сведений и владения деятельностью технологиями в этой области, что даёт ему право и возможности по своим познаниям или полномочиям ставить и решать актуальные задачи её функционирования и развития, объективно оценивать результаты.

В этом плане понятие культурной компетенции выражает способность субъекта строить свою деятельности таким образом, чтобы независимо от её предметной области и от её объёма получать результаты, объективно способствующие такому воспроизводству социума, при котором расширяются возможности сотрудничества его членов и институтов как самостоятельных, свободных и творческих субъектов.

Компетентность субъекта деятельности определяется характером и качеством его образования, опытом работы в данной области, общей восприимчивостью к инновациям. Показателем компетентности является стабильность в получении положительных результатов, а её мерой выступают высшие достижения субъекта на избранном поприще.

В структуре феномена компетенции можно выделить, по крайней мере, три уровня.

Первый, легко различимый и понимаемый – *информационный*. Он представляет собой систему прямых и опосредованных знаний о сущности объекта целенаправленной деятельности. Что касается культурной компетентности, то в её структуре этот уровень обеспечивается, прежде всего, образованием и сформированным интересом к расширению информационного поля (изучение языков, чтение, интерес к художественному и научному творчеству, расширение сфер собственной положительной активности и т.п.).

В силу чрезвычайного разнообразия составляющих этот уровень элементов и структурных уровней, трудностей различения в них случай-

ного и необходимого, бесконечного множества возможных толкований и интерпретаций этот уровень зачастую понимается как *совокупность* его составляющих.

Такое понимание является существенной методологической ошибкой, ибо совокупность означает внешнюю механическую рядоположенность. Следствием становится формирование мнемотехнического многознания, которое может выглядеть весьма эффектно, но представляет собой не более как информационный пузырь. Поэтому информационный уровень компетентности весьма легко фальсифицируется, распространяется, внедряется и закрепляется в структуре деятельности всякого рода дипломами, сертификатами и прочими правовыми документами, давно ставшими рыночным товаром.

Системность же предполагает фундаментальное знание о причинно-следственных связях, то есть о законах функционирования и развития определённой предметной области деятельности. В культурной компетенции – это знание об объективных законах истории, об истории культур и цивилизаций, о системном характере культуры и её интегративных функциях. Здесь кстати заметить, что нынешний характер образования, особенно гуманитарного, больше толкует о законах развития, в то время как законы функционирования зачастую оставляет в тени или вовсе не раскрывает.

А это содержание как раз и является сутью второго уровня компетентности, который назовём *технологическим*. На этом уровне информация (знания и сведения) преобразуется в материальные формы и результаты деятельности. В философии и науковедении эта проблема давно и хорошо известна как проблема соотношения теории и практики. Но новейшая история, и не только российская, просто вопиет от полного пренебрежения технологическим уровнем компетентности. Здесь массовой ошибкой становится абсолютизация такого элемента компетенции, как право субъекта решать и делать, когда оно выводится и вводится совсем не из понимания объективной необходимости развития системы, а скорее, по предвзятым представлениям. Культурная компетенция при таком подходе подменяется злобой дня, нетворческим традиционализмом или субъективистским произволом, в основе которых лежит механическая комбинаторика.

Третий уровень структуры компетенции я бы назвал *эвристическим*. Его важнейшей функцией является моделирование будущих потребных состояний предмета деятельности. Основная трудность здесь состоит в том, что эвристичность, то есть построение виртуальной модели нужного решения, может подменяться и фальсифицироваться комбинаторикой, что прекрасно показано концепциями семиотического постмодернизма (деконструкции, симулякра, семиотической равнозначности и т.п.). При всех успехах современной философии и психологии творчества, меха-

низмы инновационного мышления всё ещё остаются понятными, хотя условия, его обеспечивающие или, по крайней мере, необходимо способствующие, вполне известны – это актуальная социальная и гносеологическая потребность, высокий уровень образования, творческая среда и высокая личностная мотивация.

Четвёртый уровень структуры компетенции понимается, осознаётся и востребуется далеко не всегда и далеко не всеми. Более того, этот уровень зачастую приглушается, а то и вовсе элиминируется из структуры деятельности и, что особенно опасно и тревожно, из деятельности профессиональной, поскольку она в настоящее время является ведущей и определяющей в системе общественного воспроизводства.

Это уровень – *аксиологический*, в сути своей, *нравственный*. Этим уровнем определяются границы предметной области деятельности. Не её возможностей, а её целеполагающих смыслов и содержания. Эта сторона дела в настоящее время достаточно широко обсуждается, поскольку составляет основное содержание того феномена, который называют культурологическим поворотом в науке и который вызван сильным преувеличением значения технистского мышления, приведшего и в теории, и в практике к значительному ослаблению гуманитарного фактора в общественном воспроизводстве. Нравственные основания компетентности составляют меру социокультурной ответственности её субъекта.

Именно это обстоятельство даёт нам возможность говорить об актуальности задачи целенаправленного формирования культурной компетенции, поскольку нравственность является фундаментом культуры. Разумеется, решение этой задачи всегда входило в функции общественного воспроизводства, но до последнего времени осуществлялось стихийно. Констатируемый кризис современной культуры и цивилизации в целом, собственно говоря, и возник вследствие глубокого противоречия между способами управления современными социоэкономическими, социополитическими и социокультурными процессами и их стихийностью. Стремительный научно-технический прогресс прошлого века привёл к гипертрофии технистского мышления и поведения, а массовое распространение информационных технологий, и особенно их внедрение в быт, вызвало неожиданную и всё усиливающуюся тенденцию к предпочтению виртуальной реальности, а не сложной, не всегда понятной и потому пугающей реальности человеческого мира.

Техногенная цивилизация, с её культом индивидуального успеха и престижности, сделала средства их достижения главным мотивом поведения и регулятором социальных связей. Сбитая система ценностей и критериев оценок, ориентированная на потребительство, выдвинула в качестве ведущего мотива произвольные, субъективные (а чаще корпоративистские) представления о благе. Это приводит не только к разрушению куль-

турной традиции и даже отказу от неё, но и к разрушению общественной нравственности, в которой благо выступает как высшая ценность.

Культура, если понимать её как способ бытия человека, главной своей функцией имеет воспроизводство человека как общественного существа, способного не только к воспроизводству достигнутых содержательных форм, но и, что принципиально важно, к культурной инновации.

Поскольку общепризнанно, что культура выполняет интегративную функцию, то содержание понятия культурной инновации сопряжено со всяким изменением в способах и формах общественного воспроизводства. Прежде всего это относится к изменениям в духовной сфере, что более или менее быстро проявляется в изменении образа жизни, в сфере социальных отношений и социальных структур. В традиционном обществе механизм этот действовал весьма медленно и даже незаметно для многих сменявших друг друга поколений.

Цивилизационные же формы культуры резко усилили, ускорили и до чрезвычайности усложнили их действие. Более того, культурная инновация, будучи осознанной и обретая высокий ценностный статус, по этой же причине оказалась трудноразличимой и легко фальсифицируемой. Это произошло вследствие существенного опережения скорости культурных процессов скоростью процессов социальных, или, другими словами, вследствие подчинения динамики культуры динамике социальной. Но именно из-за единства социального и культурного всякий дисбаланс между ними выступает и как причинение взаимных изменений: в социальных процессах выявляются и материализуются культурные смыслы, проходя, так сказать, проверку на действительную воспроизводственную пригодность и ценность; в процессах же культурных изменение социального опыта побуждает изменение ментальности и её новые конструкции.

Действие культурной инновации может быть скрытым, а её последствия выступать несколько неожиданными и не всегда желаемыми и принимаемыми существующим конкретным сообществом. В качестве культурной инновации может выступать явление, внешне с ней сходное, но не совпадающее с ней содержательно и структурно, однако воспринимаемое и внедряемое как культурная инновация.

Подобная социокультурная ситуация возникает в двух случаях: или как проявление стихийности в движении культуры, или как целенаправленно организованное.

В первом случае причиной того, что общество обманывается в распознавании культурной инновации, является нечёткость, размытость ценностных представлений, увлечение чисто внешней стороной явления и упрощённым применением методов сравнения.

Во втором случае мы встречаемся с сознательной фальсификацией культурной инновации, которая производится или в утилитарных, мер-

кантильных целях сбыта определённой продукции, или в целях идеологических и пропагандистских – для манипулирования общественным сознанием и поведением.

Культурная компетенция обеспечивает воспроизводственный потенциал культуры. В локальных социумах (в этносах и нациях) она форсируется системами общественного воспитания и образования стихийно, но более или менее надёжно. Но при внешних столкновениях разный уровень потенциалов может приводить в одних случаях к взаимообогащению культур, в других – к взаимному (иногда тотальному для одной стороны) разрушению. Таких случаев в истории предостаточно. Социокультурные противоречия современности, вызванные процессами глобализации и сопряжённой с нею массовой миграцией населения, послужили основанием для выдвижения концепции мультикультурализма, основной идеей которой было требование толерантности. Кризис, который нынче переживает эта теоретическая концепция и основанная на ней социально-политическая практика, связан как раз с отсутствием механизмов приведения в соответствие разности потенциалов культурной компетентности оказавшихся в новых и неожиданных условиях существования значительных социальных контингентов. Пресловутая толерантность, означающая прежде всего терпимость, но расширительно толкуемая как сотрудничество, оказалась не механизмом интеграции и сотрудничества, а скорее – механизмом формирования анклавности и вытеснения чужого. Стала разрушаться целостность исторически сложившихся национальных культурных пространств, что привело к сильным социальным напряжениям.

Снижение уровня культурной компетенции субъектов деятельности чрезвычайно опасно для общества и чревато его инволюцией. Инволюция есть процесс затухания воспроизводственных функций того или иного структурообразующего элемента культуры, снижения его информационной значимости и инновационной потенции. Или, по-другому сказать, инволюция есть процесс свёртывания некоторой части культурного пространства или всего культурного пространства, если дело доходит до социокультурного (этнического или национального) коллапса.

Можно выделить объективные и субъективные предпосылки и факторы, запускающие инволюцию.

К объективным предпосылкам следует отнести те изменения, которые происходят в природе и по её законам. Это такие объективные обстоятельства, масштаб противодействия которых бытию сообщества намного превосходит его креативные и деятельностные возможности и относительно быстро исчерпывает их.

Куда более значительными являются предпосылки инволюции, создаваемые социальностью. К таковым можно отнести изменения численности сообщества, его половозрастной и поселенческой структуры, уровня

безопасности существования сообщества, которые своей масштабностью подавляют воспроизводственные возможности.

К субъективным факторам, способным вызывать инволюцию, можно отнести изменения интересов и способностей субъектов культурного процесса, возникающие на основе изменения содержания и структуры потребностей. Ключевым фактором инволюции, по моему мнению, является снижение мотивации и интереса к определённой части социокультурной деятельности. Оно может выражаться двояким образом – или как снижение общей активности в том или ином направлении воспроизводства культуры, или как существенное сокращение социального объёма субъектов деятельности при любой степени активности каждого из них. В первом случае процесс воспроизводства всё больше и больше сводится к самым рутинным и упрощённым формам, насколько они сохраняют свою необходимость, инновационная составляющая становится крайне слабой, практически исчезает. Во втором случае формы культурного воспроизводства или продолжают утратившую социальную значимость традицию и тем самым омертвляются, или же представляют некоторую сферу духовной элитарности, всё более и более замыкающуюся на себя самое и, возможно, становящуюся маргинальной.

Система образования, в его нынешнем процессе реформирования, значительно сократила свои возможности воспитания и развития креативности мышления. Сложилась весьма парадоксальная ситуация, когда жизненный успех практически стал не зависеть от уровня и качества образования. Разумеется, не в абсолютном смысле, однако с тревожной масштабностью. Образовательные дипломы и сертификаты стали карточками на предъявителя, и при их громадном количестве предъявители, во-первых, избыточны, а во-вторых – неквалифицированы.

Сфера образования давно больна флюсом, производя специалистов не по принципу нужности, а по коммерческому принципу наименьшей затратности и наибольшей прибыли. Не нужно проводить специальных экономических и социологических анализов, чтобы понять, что это – путь к исчерпанию интеллектуального ресурса. Добавим к этому тот факт, что в настоящее время студентов едва ли не в полтора раза больше, чем выпускников средней школы, и что высшая школа давно уже дублирует методику школы средней. Это заставляет беспокоиться о достаточности творческого потенциала, создаваемого высшей школой, которая всё более формализуется, особенно с введением кредитной системы.

Когда-то одним из аргументов советской пропаганды было утверждение (кстати, подкреплённое статистикой), что у нас самое большое число граждан с высшим образованием, и это тот творческий потенциал, который с неизбежностью выведет нас в авангард общественного прогресса. Сегодня к подобным аргументам никто не прибегает, ибо пустота его

содержания стала очевидной. И если в системе образования, а значит, и в системе науки – в этих ключевых элементах структуры социокультурного пространства, нарастают нивелировочные и редуционистские тенденции, следовательно, инволюционность составляет его существенный момент.

Универсализм культуры всё более и более ограничивается утилитарностью интересов и узким горизонтом форм анклавного, кланового, сословного бытия. Показательно, что мультикультурализм, который ещё совсем недавно представлялся как новая и, может быть, прорывная форма социальной организации, сегодня оказался одним из самых деструктивных факторов, и не только в Европе. Потребительский подход, утилитаризм и прикладность разрушают важнейшие отрасли культуры: образование, науку, искусство, спорт. Сегодня уже всерьёз говорят не просто о кризисе гуманизма, но о постчеловеческом этапе истории.

Инволюционные тенденции и процессы сопровождают существование каждого сообщества, но их место и роль очень различны. Собственно, то, что называется мудростью народа, и состоит в умении сдерживать и ослаблять такие тенденции. Ту же функцию выполняет и социальное управление, если оно, конечно, социальное, то есть направлено на достижение общенационального интереса. Однако не всегда дело обстоит таким благополучным образом. Инволюционные тенденции высосали громадный социально-творческий потенциал советского периода нашей истории, и августовская революция 1991 года зафиксировала этот факт. Но вопреки обещаниям и надеждам эта революция отнюдь не стала «локомотивом истории». На протяжении двух десятилетий наблюдаются процессы усиления инволюционных тенденций в социокультурной сфере, в сфере духовного производства, которые проявляют себя в постоянном понижении качества жизни большей части населения, общего уровня образования, уровня инновационности, доли фундаментальных научных работ (соответственно, признания в виде премий и цитирований). Нельзя также сказать, что заметный импульс к расцвету творчества мы наблюдаем в сфере искусства и спорта. На почве весьма вялой общественной психологии импульс к открывающей перспективу национальной идее может возникнуть совсем не оттуда, откуда его ожидают. Если у нации ещё достанет сил на такой импульс.

Что позволяет надеяться на возможность решения сложных задач устойчивого общественного воспроизводства?

Во-первых, формирование специальных инструментов обеспечения безопасности целостного национального культурного пространства, поскольку, как мы старались показать, исторически выработанные культурой механизмы самозащиты уже недостаточны для её воспроизводства.

Во-вторых, разработка и внедрение инновационных систем образования и образовательных технологий.

В-третьих, продолжение и развитие международного, межрегионального, межэтнического культурного сотрудничества.

В-четвёртых, формирование стойкого иммунитета против идей изоляционизма, национально-культурной обособленности, равно как и нивелирующего космополитизма.

Появляются обнадеживающие новые формы социальной и культурной самодеятельности (например, сетевые структуры), способные противостоять процессам манипулятивизма и дегуманизации, хотя ещё немного рано судить об их культуротворческом потенциале.

ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ РЕФЛЕКСИИ РУССКОГО ОБЩЕСТВА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Наталья Владимировна СИНЯВИНА,

кандидат культурологии, доцент кафедры истории, истории культуры социально-гуманитарного факультета Московского государственного института культуры, г. Москва, Россия

e-mail: cleo2401@mail.ru

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать причины интереса русского общества к национальному прошлому в 1800 – 1830-е годы. Как исходную точку автор выбирает эпоху Петра I, поскольку именно на время его правления приходится окончательный отказ от средневекового мировоззрения, основанного на православной системе взглядов и ценностей, и переход к светской, секулярной культуре. Далее в статье прослеживается динамика идеи Великой России, сформировавшейся при Петре I, её распад на идею Великой России и идею отечества и актуализация в связи с этим понятий «государство», «отечество», «национальная самобытность», «народность». Автор отмечает, что причины интереса к русской древности были вызваны влиянием Отечественной войны 1812 года и философии романтизма. В статье выявляется своеобразие отношения к историческому прошлому различных общественных групп и рассматриваются направления в осмыслении истории (становление истории как науки, коллекционирование), анализируются тенденции, приведшие к смыканию истории и философии.

Ключевые слова: история, идея Великой России, идея отечества, «национальная самобытность», историософия, эстетический гуманизм, эстетический оптимизм.

HISTORY AS A SUBJECT OF REFLECTION OF RUSSIAN SOCIETY IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

N. V. Sinyavina, Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of Department of history, cultural history, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: cleo2401@mail.ru

This article attempts to identify and analyze the reasons for the interest of Russian society to the national past in the 1800s and 1830s. As a starting point, the author chooses the era of Peter I, because it is at the time of his rule has to the final abandonment of the medieval world view, based on the orthodox system of views and values, and the transition to a secular, secular culture. Further, the article traces the dynamics of the idea of Great Russia, formed under Peter I, and the causes of its collapse on the idea of Great Russia and the idea of the fatherland, as well as updating caused by these concepts of "state", "country", "national identity", "nationality". The author notes that the causes of interest to Russian antiquity were due to the influence of the Patriotic War of 1812 and the philosophy of Romanticism, it reveals the uniqueness

of the relationship to the historical past among the various social groups and examines trends in understanding of history (the history of the formation as a science, collecting), analyzes the trends that have led to the closing of the history and philosophy.

Key words: history, the idea of Great Russia, the idea of the fatherland, "national identity", historical philosophy, aesthetic humanism and aesthetic optimism.

Эпоху правления Петра I следует рассматривать как заключительный этап процесса секуляризации русской культуры. Однако идеи, генезис которых восходит к предшествующим периодам отечественной истории, не исчезли из культурного пространства, а лишь мигрировали из его центра на периферию или трансформировались. В 1710–1720-е годы шёл активный процесс выработки национальной идеологии. В основу политической доктрины Петра I была положена идея Великой России, генетически связанная с известной идеологемой «Москва – Третий Рим». Однако она представляла собой противоположность формуле монаха Филофея, поскольку теургическая идея, основанная на желании преобразовать действительность в Царство Божие, главным инструментом видела благочестие, в секулярной же доктрине XVIII века данная роль отводилась внецерковным силам. Другими словами, освободившись в процессе обмирщения от религиозной составляющей, идея Великой России продолжала сохранять элементы провиденциализма и мессианизма, что гарантировало цельность обществу, единство которого ранее обеспечивало православие. Можно добавить, что «русский XVIII века исходит из идеи государства, говоря определённое – религии государства [8, с. 70]». Данный факт свидетельствует об окончательной замене средневекового религиозного мировоззрения секулярным.

Но уже к концу XVIII века можно говорить о расщеплении идеи Великой России и отделении от неё идеи отечества. Например, для автора «Бесед о том, что есть сын отечества?» (1798) понятия «государство» и «отечество» перестают быть тождественными. «Перенесение акцента с государства на отечество меняло идеологическую перспективу и значительно расширяло границы общественной инициативы <...> в построении идеологии [8, с. 71]». К 1810-м годам в России выросло новое поколение дворян – именно из их среды и выйдут будущие декабристы, способное отказаться от личного благополучия ради всеобщего блага. Последним толчком для размежевания этих понятий выступила война 1812 года, получившая название «Отечественная». Её результатом было не только крушение многих иллюзий, сопоставление порядков западных и российских, но также рост патриотизма и национального самосознания. Поэтому одним из последствий борьбы с французской армией выступает тенденция, зарождающаяся в среде просвещённой части дворянства, – желание помочь своему отечеству, другим же – интерес к собственному историческому прошлому, осознание собственной самобытности. Можно конста-

тировать, что «историзм – мировоззренческая категория определённой исторической эпохи, XIX века [3, с. 403]».

Ещё одной причиной интереса к отечественной истории стало влияние философии романизма. Если в рамках классицистической традиции вопрос о национальном прошлом не являлся актуальным, поскольку эстетическим идеалом виделась Античность, то в романтизме важна проблема индивидуальности, её национальной идентичности. Поэтому прошлое начинает соотноситься с современностью, а героические персонажи выступают примером для подражания (например, таковыми в начале 1800-х годов выступали Минин и Пожарский). Осознание политической мощи России после победы над Наполеоном, чувство собственного достоинства, рост национального самосознания в соединении с художественным языком романтизма рождает в 1810–1820-е годы русский ампир.

Кроме того, в романтизме, особенно в его немецком варианте, который и был заимствован Россией, превалирует эстетическая составляющая в религии, аксиосистеме, социально-политических отношениях. Подобная ориентация была присуща и древнерусской культуре, в которой эстетическое сливалось с религиозным. Таким образом, можно говорить о том, что в начале XIX века вновь обнаруживается стремление выявить и показать красоту того или иного явления культуры, что влечёт за собой уход от излишней утилитарности и функциональности, присущей эпохе Петра I. Среди русских деятелей культуры особое отношение к эстетике демонстрирует Н. М. Карамзин (который и ввёл это понятие в отечественный научный оборот). Карамзина справедливо считают одним из самых ярких в России представителей эстетического гуманизма, для которого характерен эстетический оптимизм, вера в победу добра. Даже в его исторических работах просматривается любование укладом и повседневной жизнью русского общества, русской историей.

Особым своеобразием отличалась и декабристская эстетика (А. А. Бестужев, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев и другие), которая отражала особенности мироощущения своего времени. Одна из главных её черт заключается в неразрывной связи стоящих перед современным искусством задач с общественными проблемами, литературной деятельности – с политической борьбой. Декабристы полагали, что одной из главных обязанностей деятеля культуры выступает его личное участие в переустройстве существующего государственного порядка. В работе «Об историческом ходе свободомыслия в России» (1825), написанной А. А. Бестужевым в каземате Петропавловской крепости, автор прослеживает процесс нарастания чувства патриотизма в русском обществе, кульминация которого приходится на Отечественную войну 1812 года. Однако ярче всего Бестужев проявил себя как литературный критик, продолживший традиции Карамзина. В статье «Взгляд на старую и новую словесность

в России» (1823), посвящённой истории становления русской литературы от дохристианского периода до 1820-х годов, Бестужев сокрушается о том, что русскому языку отказано в праве быть использованным при дворе императора и в среде высшего общества. Но автор сохраняет оптимизм, поскольку «новое поколение людей начинает чувствовать прелесть языка родного и в себе силу образовать его. Время невидимо сеет просвещение, и туман, лежащий теперь на поле русской словесности, хотя мешает побегу, но даёт большую твёрдость колосьям и обещает богатую славу [1, с. 101]».

В русском обществе первой половины XIX века осмысление истории происходило в нескольких направлениях. Именно в этот период можно говорить о становлении в России истории как науки. Лидирующая роль в этом принадлежит Н. М. Карамзину, который ещё в конце XVIII века проявил интерес к исторической теме, в частности – уже в набросках к «Слову о Петре Великом» (1798). Для развития исторической науки важен критический подход учёного при оценке того или иного источника, его споры с известными отечественными и зарубежными специалистами в этой области. К началу XIX века русские просветители (Н. И. Новиков, А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский) сумели издать ряд летописей (в частности, Радзивилловскую, Никоновскую, Софийскую, Воскресенскую) и сочинений древнерусской литературы («Русскую правду», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве»), поэтому историк имел возможность опираться на многочисленные письменные памятники древнерусской культуры. Главный же труд Н. М. Карамзина – «История государства Российского» – помимо примера работы с источниками, показал просвещённому русскому обществу новый вектор в выстраивании его идеологии – секулярное понимание жизни, ибо развитие российской государственности и отечественной истории переставало коррелировать с промыслом Божиим, а объяснялось деятельностью правителей и представителей высшего сословия. «У Карамзина, как историка, начинает воскресать идея “священного” характера власти, оживает утопическая идеология XVI века, – но уже, конечно, без церковного пафоса. В охранительном патриотизме Карамзина церковное обоснование учения о власти подменяется заботой о славе России, мощи и величии её [7, с. 133]».

Говоря об отношении русского просвещённого общества к истории, необходимо затронуть важный для рубежа XVIII–XIX веков аспект – интерес к философии: «XVIII век в России окончательно отвоевал для философии её особое место, окончательно закрепил её секулярный характер [7, с. 115]». Таким образом, философия в этот период приобретает новый статус, поскольку в её принципах и методах заложены потенции к воссозданию цельности и единства общества, которые были утрачены в процессе обмирщения мировоззрения. Философию в России многие называли

любомудрием, что свидетельствовало об изменении отношения к таким понятиям, как «знание», «мудрость». В начале 1800-х годов «ум определяется не информированной наполненностью, что соответствует более идеалам эпохи Просвещения, а определённым нравственным состоянием человека, что действительно оказывается в духе древнерусского образования [9, с. 28]». То есть философия позволяла вернуть оказавшиеся на периферии национальные традиции, встроить их в контекст актуальных идей и смыслов русской культуры этого периода. В связи с этим совершенно логично выглядит соединение истории с философией и превращение первой в историософию. «Всё это было созвучно тому основному процессу в русской культуре, который весь состоял в кристаллизации новой секулярной идеологии [7, с. 135]».

В 1820–1840-е годы можно говорить о формировании нескольких течений философской и историософской мысли. Уже в 1810-е годы начался процесс дифференциации русского общества, который выражался в появлении различных партий, противостоящих друг другу в политике, искусстве. Война с Наполеоном лишь ускорила формирование различных групп, которые по-разному смотрели не только на национальное прошлое, современность, но и на сферу идеологии. Однако многочисленные сообщества можно разделить на две категории, и их противостояние захватит не только первую половину XIX века, но и выйдет за её пределы, а именно – традиционалисты (консервативно-охранительное направление) и новаторы (либерально-реформаторское). Начало этого спора лежало в сфере филологии – в столкновении из-за разности взглядов на развитие русского языка «карамзинистов» (новаторов, отстаивавших стремление русского языка к обогащению новыми словами) и «шишковистов» (консерваторов, выступавших за сохранение существующих норм и отказ от галлонизмов) в начале 1800-х годов.

Однако позже спор между партиями перешёл в политическую плоскость и касался не только выработки государственной идеологии, но и отношения к историческому прошлому России. Одним из главных церковных представителей консервативно-охранительной тенденции следует считать митрополита Филарета (Дроздова), благодаря которому «начинается возврат к истокам, к узнаванию и переосмыслению богатого церковного прошлого уже в новых исторических условиях. Это было именно переосмысление, при котором исходные импульсы и знаки Веры и Церкви не переиначивались, а как бы возвращались в текущее время <...> потому, что они вечны и нетленны [2, с. 263–264]». Именно он одним из первых, выступая в «Обществе любителей российской словесности», устанавливает взаимосвязь между победой над Наполеоном и нравственным духом русского общества, который способен проявить себя лишь в единстве царя и народа. В своих проповедях он предостерегал от увлечения запад-

ными рационалистическими и атеистическими теориями. «Православная концепция государства Филарета – противовес секулярным этатистским теориям, в первую очередь руссоистского толка, где у государства не существовало трансцендентного измерения [2, с. 266]».

Другая точка зрения принадлежала М. М. Сперанскому, издавшему в 1809 году «Введение к уложению государственных законов». В этой работе автор «нигде ни полусловом не обмолвился о многовековом русском опыте, как будто его не существовало в природе. Такие понятия, как “Бог”, “Царь”, “Церковь”, “Православие”, вообще отсутствовали в лексиконе его преобразовательских проектов [2, с. 257]». Ответом на это сочинение стала знаменитая работа Н. М. Карамзина «О древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях» (1811). Однако необходимо отметить, что полный текст этой «Записки» был опубликован лишь в 1861 году в Берлине (в России ещё позже, в 1870 году), в русском же обществе 1810-х годов она вращалась лишь в узком кругу консервативно настроенной части дворянства. «Если несколькими словами выразить смысл карамзинской “Записки”, то это будут “самодержавие, православие, отечество” [6, с. 45]», поэтому она и выступала для последующих поколений русских консерваторов точкой отсчёта в их исканиях и размышлениях, а знаменитая триада С. С. Уварова, появившаяся уже при Николае I (кстати, в его документах работа Карамзина «О древней и новой России» присутствовала), фактически созвучна положениям историографа.

В триаде президента Академии наук и министра просвещения С. С. Уварова «православие, самодержавие, народность» ясен был смысл лишь первых двух понятий, поскольку они однозначны и тесно взаимосвязаны. С трактовкой третьего – «народность» – возникали сложности, ибо его смысл не столь прямолинеен. Таким образом, последнее понятие оказалось самым «свободным» и допускало в своей интерпретации множество коннотаций. Поэтому, анализируя документы того времени, можно встретить многочисленные рассуждения относительно понятия «народность» (от «официальной народности», целью которой выступала необходимость сохранить существующий строй, до демократического аспекта «народности»). Часть дворянства и интеллигенции видела в народной культуре истоки современного искусства и отправлялась в этнографические экспедиции. Другие проводили археологические изыскания, чтобы составить представление об истории и повседневной культуре древнерусского общества, третьи занимались реставрацией памятников архитектуры (например, восстановление Московского Кремля после нашествия французов, реконструкция Ипатьевского монастыря и поновление фресок Софийского собора в Киеве и Софийского собора в Новгороде).

Теория официальной народности предписывала создавать произведения на русские сюжеты, находя их в отечественной истории и жизни

народа. Например, студенты исторического класса живописи Академии художеств обращаются к прошлому России, в русской драматургии появляются пьесы, главными персонажами которых выступают деятели русской истории.

Однако самым значительным событием в этом ряду выступает открытие в 1818 году памятника Минину и Пожарскому в Москве, все этапы работы над которым подробно освещались в прессе. Более того, деньги на него собирала вся страна, а имена всех жертвователей были перечислены в специальной брошюре, выпущенной к открытию памятника. Эта работа И. Мартоса уникальна ещё и тем, что впервые в истории русского искусства героями становятся не правители, а граждане России, вставшие на её защиту.

Николай I позиционировал себя в качестве «русского человека», придворные были обязаны говорить только по-русски, во время официальных приёмов платья фрейлин стилистически должны были напоминать русский национальный костюм. В это же время по поручению императора поэт В. А. Жуковский и композитор А. Ф. Львов создают российский гимн «Боже, царя храни!». Во время разговора с авторами будущего гимна император пожелал, чтобы музыка напоминала молитву.

Интерес к отечественной истории проявился и в коллекционировании памятников древности. Знаковой фигурой в среде собирателей был граф Н. П. Румянцев, объединивший вокруг себя историков, археологов, лингвистов (П. М. Строев, К. Ф. Калайдович, А. Х. Востоков, Ф. И. Круг, И. Ф. Крузенштерн и другие). Задача, стоявшая перед членами этой группы, заключалась в поиске и дальнейшей публикации древнерусских раритетов. Известно, что Строеву было поручено изучение монастырских библиотек и архивов, а по результатам данного исследования (1817–1818) был издан «Софийский временник». Историк Ф. И. Круг, по просьбе Румянцева, искал в английских, испанских и итальянских архивах неизвестные византийские сочинения о Древней Руси. Румянцев не жалел средств для публикации обнаруженных памятников литературы («Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», 1818, «Памятники российской словесности XII века», 1821 и другие). Став председателем Государственного совета, он в 1811 году создал Комиссию печатания государственных грамот и договоров, задача которой состояла в публикации документов внутренней и внешней политики России. Всю свою коллекцию (библиотека в 28 тысяч томов, 810 единиц хранения рукописей, 1 200 исторических сочинений, монеты, медали, чертежи) граф завещал Петербургу.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что идея отечества актуализировала новую ценностно-смысловую систему, частью которой выступали и идея нации, и рост патриотизма, а история становится предметом рефлексии русского общества 1800–1830-х годов.

Литература

1. *Бестужев А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // Декабристы : Эстетика и критика : сборник / сост. и примеч. Л. Г. Фризмана ; подгот. текста и вступ. ст., с. 10–34, Г. Г. Назарьяна, Л. Г. Фризмана. – Москва : Искусство, 1991. – С. 83–101.
2. *Боханов А. Н.* Русская идея. От Владимира Святого до наших дней. – Москва : Вече, 2005. – 396 с.
3. *Верещагина А. Г.* Критики и искусство : очерки истории русской художественной критики середины XVIII – первой трети XIX века / [Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств]. – Москва : Прогресс-Традиция, 2004. – 744 с.
4. *Воеводина Л. Н.* Философия культуры: проблемы и перспективы // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2014. – № 4 (15). – С. 25–31.
5. *Гриненко Г. В.* Семиосфера и семиотика культуры // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2013. – № 1 (10). – С. 32–39.
6. *Гросул В. Я.* и др. Русский консерватизм XIX столетия : Идеология и практика / В. Я. Гросул, Б. С. Итенберг, В. А. Твардовская и др. ; под ред. В. Я. Гросула ; [Институт российской истории РАН]. – Москва : Прогресс-традиция, 2000. – 439 с.
7. *Зеньковский В.* История русской философии. – Москва : Академический проект : Раритет, 2001. – 880 с.
8. *Киселева Л. Н.* К формированию концепта национального героя // Лотмановский сборник. 3 / ред. Л. Н. Киселева, Р. Г. Лейбов, Т. Н. Фрайман. – Москва : ОГИ, 2004. – С. 69–92.
9. *Радомская Т. И.* Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в. : опыт духовного, семейного, государственного устройства : [монография]. – Москва : Совпадение, 2006. – 238 с.
10. *Флиер А. Я.* Гибкость и вариативность культурной социодинамики // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2015. – № 2 (17). – С. 16–26.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Марина Сергеевна ШИЛЕХИНА,

аспирант Московского государственного института культуры, г. Москва,
старший преподаватель кафедры дизайна и инженерной графики
Архитектурно-строительного института Тольяттинского
государственного университета, г. Тольятти, Россия

e-mail: marina_artdesign@mail.ru

В статье рассматривается современное городское пространство через призму культурного пространства. Также даётся обзор подходов, в рамках которых исследуется культурное пространство города. Рассматривается культурное пространство города как объект междисциплинарного исследования. Междисциплинарный подход помогает целостно рассмотреть такой сложный и динамичный объект исследования, как культурное пространство современного города. Данный подход имеет потенциал для считывания как можно больше различных, противоречивых условий и факторов формирования современного культурного пространства города, но при этом повышает сложность исследовательского процесса, так как каждая наука имеет свою теоретическую базу, свой контекст. В рамках исследовательского процесса междисциплинарный подход может помочь современным исследователям выйти на более глубокий уровень изучения культурного пространства города – за счёт более целостного синтетического подхода.

Ключевые слова: культурное пространство, культурное пространство города, идентичность города, междисциплинарный подход, междисциплинарность, городская среда.

CULTURAL SPACE OF THE MODERN CITY AS AN OBJECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

M. S. Shilekhina, doctoral student of the Moscow State Institute of Culture, Moscow, senior lecturer of the Department of Design and Engineering Graphics, Institute of Architecture and Construction, Togliatti State University, Togliatti, Russia

e-mail: marina_artdesign@mail.ru

The article examines the modern urban space through the prism of cultural space. In addition, an overview of the approaches within which the cultural space of the city is explored is given. The cultural space of the city is considered as an object of interdisciplinary research. The interdisciplinary approach helps to more comprehensively consider such a complex and dynamic research object as the cultural space of a modern city. This approach has the potential to read as many different, contradictory conditions and factors as possible for the formation of the modern cultural space of the city. However, at the same time it increases the complexity of the research process, since each science has its own theoretical basis, its context. Within the framework of the research process, an interdisciplinary approach can help

modern researchers reach a deeper level of studying the cultural space of the city, at the expense of a more holistic synthetic approach.

Key words: cultural space, cultural space of the city, city identity, interdisciplinary approach, interdisciplinary, urban environment.

В современном мире и число городов, и число их жителей постоянно увеличивается, городские пространства разрастаются, и именно город становится носителем современной культуры. В результате город сегодня аккумулирует в себе и активно транслирует существующие в обществе культурные процессы, воспроизводя ключевые культурные смыслы общества и раскрывая ценностно-нормативную систему данной культуры. Грамотная интерпретация текста городского ландшафта позволит увидеть глубинные структуры человеческого общества [2, с. 27]. В связи с этим можно утверждать, что изучение культурного пространства современного города становится актуальной темой для современных исследователей.

По мнению культуролога С. Н. Иконниковой, пространство является жизненной и социокультурной сферой общества, «вместилищем» культурных процессов, главным фактором человеческого бытия. При этом культурное пространство имеет территориальную протяжённость, в нём очерчены контуры культурных центров и периферии, столицы и провинции, городских и сельских поселений [13, с. 246]. Культура, существуя как набор элементов множества, объединяется в целостную систему, где все части целого взаимозависимы и дополняют друг друга. При этом культурное пространство взаимодействует и пересекается с географическим, экономическим, этническим, лингвистическим, политическим, социальным, архитектурным, знаковым и другими пространствами.

Культурное пространство современного города корректнее рассматривать как объект междисциплинарного исследования, так как данное понятие находится на пересечении различных профессиональных дисциплин. Комплексный подход к изучению города поможет взглянуть на сущность объекта исследования более целостно, учитывая его различные проявления. Такой сложный для исследования синтетический характер культурного пространства современного города с трудом поддаётся достаточно полному исследованию с позиций какой-либо отдельно взятой науки, теории или практики. В связи с этим его изучение и интерпретация требуют комплексного междисциплинарного подхода.

Комплексный междисциплинарный подход (М. Вебер, Ф. Бродель, И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, Н. А. Гейнике) появился на рубеже XIX–XX веков, когда наука проходила путь синтеза раздробленных знаний, существующих в различных дисциплинарных областях. В своих трудах авторы изучали проблемы города как особого социального, исторического и культурного феномена. Именно в тот период был выдвинут принцип о пони-

мании города как модели мироздания, которая может стать уникальным образовательным пространством, развивающей средой [11, с. 135].

Междисциплинарный характер исследования понятия «город» сформировал различные подходы: социологический, семиотический, синергетический, культурологический, архитектурно-эстетический и другие.

Культурологический подход (М. Вебер, И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, Л. Мамфорд, А. С. Кармин и другие) отличают разнообразие характеристик и разносторонний подход к исследованию культурного пространства города. Основоположниками культурологического изучения города в отечественной науке является И. М. Гревс, а также его ученик Н. П. Анциферов. И. М. Гревс впервые вводит понятие «биография города» и предлагает изучать городскую культуру путём изучения биографии города как биографии условной коллективной личности. По мнению исследователя, «город является источником, очагом духовной работы в науке и технике, в праве и нравах, в просвещении и искусстве, в религиозных исканиях и культовых вдохновениях [4]». И. М. Гревса и Н. П. Анциферова можно совершенно справедливо назвать предшественниками и даже основоположниками культурологического и семиотического подходов к изучению культуры в выделенных ими разновидностях: городской (урбанистической) и пригородно-усадебной (пасторальной) [11, с. 135–136].

Советский культуролог, историк, графовец и краевед Н. П. Анциферов, ученик И. М. Гревса, активно продвигал комплексность в рамках изучения города и в своей работе «Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода» рассмотрел город как синтетический объект изучения, как социальный организм [1, с. 3–4]. Город, по его мнению, являет собой многоликий живой организм, который наиболее полно и ярко воплощает культуру общества. При разработке научной методологии исследования города и его культуры Н. П. Анциферов исследует предмет целиком, как единую взаимосвязанную систему, при этом растворяясь в объекте исследования с целью устранения грани между изучающим субъектом и объектом исследования.

Данный подход можно назвать также *системным* (И. М. Гревс, Н. П. Анциферов, М. С. Каган и другие), в рамках которого город рассматривается как особый исторический, социальный и культурный феномен. Главной задачей познания города в рамках данного подхода является задача рассмотрения культуры города в качестве процесса и результата пересечения всех системных элементов. Однако вопрос о том, какие же компоненты составляют культуру современного города и какое структурирование городского культурного пространства способно отразить специфику различных городов, по-прежнему остаётся дискуссионным.

В рамках *социологического подхода* (М. Вебер, В. Л. Глазычев, В. Вагин, Б. Ерасов и другие) культура понимается как фактор организации жизни

общества. Таким образом, город трактуется как система человеческих связей и взаимодействий. В этом подходе содержится стремление рассмотреть общество как целостность и определить его структуру и функции, выявить систему ценностей общества, но при этом данный подход предполагает абстрагирование от субъективных особенностей поведения человека и общества. Современный город, в контексте данного подхода, является своеобразным социологическим институтом, связывающим различные общности людей.

В контексте *семиотического подхода* (Р. Барт, Ю. М. Лотман, Н. П. Анциферов, Э. Кассирер, Г. Г. Почепцов, Ч. Дженкс, В. Н. Топоров, Д. Л. Спивак, Г. Зиммель и другие) город исследуется как носитель и транслятор культурной информации. В рамках семиотической концепции культура определяется в качестве знаково-символической системы, поэтому город здесь рассматривается как текст, а именно – как своеобразная знаковая система. Пространственная среда города является в контексте данного подхода не физической средой, а источником информации; имея символический характер, она формирует культурную городскую среду. Н. П. Анциферов трактует город как определённый «текст» культуры, который имеет свой «язык», то есть является единым организмом, состоящим из кодов, знаков, символов, – язык, который содержит в себе информацию о прошлом, настоящем и будущем культуры. Позже данное направление в изучении городской среды будет развито и разработано семиотической школой Тартуского университета и в особенности Ю. М. Лотманом, который изучал городское пространство как знаковую и символическую природу. Семиотический подход к изучению культурного пространства города имеет практическую значимость для формирования идентификационного лица города. Формирование идентичности города является сложным и междисциплинарным процессом, исследуя городскую среду невозможно не учитывать весь комплекс, который формирует данную среду. Каждый город имеет свой семиотический язык, разговаривая с нами своими улицами, людьми, памятниками, зданиями, историей, на основе которых может быть реконструирована некая система знаков. Поэтому семиотический анализ городской среды является одним из базовых и обязательных для создания точного и глубокого образа города.

Город как особая пространственная организация специфических структурных элементов рассматривается в рамках *архитектурно-эстетического подхода* (В. Л. Глазычев, А. В. Иконников, Д. С. Лихачев, К. Линч и другие). В данном подходе большое внимание уделяется проблеме эстетического восприятия города людьми, на основе которого формируется образ города. Исследования в этой области изучения образа города провёл американский архитектор К. Линч, и он утверждает, что именно личностное восприятие горожан делает образ города выразительным,

оживляет прошлое города, делая его доступным, близким и вызывающим любовь, и в итоге формирует патриотизм.

В трудах А. В. Иконникова используется комплексный подход к исследованию архитектурной среды, форм, функций – в эстетическом ракурсе в контексте города. Исследователи современной городской среды фиксируют проблему унификации, стандартизации современных городов, что неблагоприятно влияет на многообразие культурного пространства городов [15, с. 105]. В связи с этим исследования процесса восприятия городской среды в эстетическом ракурсе и выявление идентичности города обладают высокой значимостью и актуальны для формирования культурного пространства современного города.

Таким образом, проанализировав подходы к исследованию культурного пространства города можно увидеть постоянное пересечение их между собой и взаимопроникновение друг в друга, что подчёркивает междисциплинарный характер предмета исследования.

Далее хотелось бы обозначить дисциплинарные области, которые также активно участвуют в анализе культурного пространства города. Ключевая роль культурных процессов в формировании городской среды открыто признаётся научными специалистами в области современного градостроения.

Доктор архитектуры, заведующий отделом урбанографии ЦНИИП градостроительства РААСН Л. Б. Коган в своих работах подчёркивает, что особое место в урбанизации принадлежит городской культуре. При этом культурный процесс в русле урбанизации имеет свою специфику, позволяющую выделить её в общем русле культуры. В этом смысле приобретают значение фактор пространства, сама пространственная среда, её структура. Автор подчёркивает, что специфика городской культуры сильно связана с большой силой воздействия пространства на все стороны человеческой деятельности. Раскрытие специфических механизмов воздействия социальных и пространственных факторов городской культуры может быть плодотворно в том случае, если в них будет отражена природа урбанизации, её общий характер и наиболее фундаментальные особенности и черты [9].

Известный специалист в области изучения урбанистических, культурных и экономических трансформаций современных городов, профессор социологии Шарон Зукин рассматривает различные аспекты «городских культур» через призму самых неожиданных феноменов [см.: 7]. Автор выявляет изменение роли культуры в современных городах в сторону повышения её значимости и влияния на процесс формирования городской среды. Свои выводы автор делает на основе исследований культурного пространства мегаполисов Америки 1990-х годов, но данные процессы распространились и на культурное пространство городов Рос-

сии, что, несомненно, делает полезными его научные наблюдения в контексте исследования современного городского пространства российских городов.

Следует отметить, что в научной литературе имеются публикации российских учёных (Э. А. Орловой, Л. И. Михайловой, В. А. Есакова, И. А. Скрипачевой), посвящённые анализу городской культуры. Базирующиеся в значительной степени на общефилософском и конкретно-социологическом материале, они раскрывают ведущую роль современного города, со всеми его характерными особенностями, в процессе духовного производства. В области философии города и коммуникации работали такие учёные, как В. Л. Глазычев, М. К. Левитин, А. Г. Зосимов, Т. М. Дридзе, М. Вебер, Г. Зиммель, О. Шпенглер и другие. Данные учёные представили историю современной цивилизации как историю становления городского образа жизни, рассматривая город как качественно новую форму объединения людей на базе общественных отношений.

Оригинальная концепция городского культурного пространства была предложена исследователем современной городской культуры В. Л. Глазычевым, в рамках которой он утверждает, что каждая точка в пространстве является значимой. Исследователь подчёркивает способность городского сообщества развиваться «через осознание самого себя», и ведущую роль в данном процессе автор отводит активному деятельному меньшинству населения. Таким образом, изучение культурного пространства города призывает к изучению городских сообществ, их взаимодействия с городской средой и непосредственного влияния на неё.

Также многие исследователи выявляют актуальные проблемы современного города. Например, Г. Зиммель обратил внимание на проблему равнодушия современных горожан, что становится признаком особого культурного приспособления, с помощью которого индивиды защищают себя. Автор считает, что современное городское окружение состоит из множества возможностей, впечатлений, товаров, образов и звуков, которые сливаются в пёстрый и непостижимый хаос, где средством самозащиты становится процесс формирования определённого типа личности, которая сосредоточена на своих индивидуальных процессах и равнодушна к социальным процессам [см.: 14].

При исследовании культурных пространств современных городов невозможно обойти вниманием конфликтную составляющую, которая возникает между современным городом и его жителями. Поэтому при анализе современных городов очень важно выявить проблемные зоны и источники конфликтов, в которые попадает современный человек, живущий в городе.

Изучением города через междисциплинарный подход занимается современный исследователь городской среды Е. Г. Трубина. В своей работе, посвящённой изучению городской среды – «Город в теории: опыты

осмысления пространства [14, с. 50–51]», автор отмечает, что нужна «методологическая рефлексия той совокупности парадигм, школ, течений, теорий, что образуют урбанистические исследования [14, с. 50–51]». По мнению этого автора, «город – это и главное пространство, в котором происходят социальные изменения, и ключевое место, в котором социальная теория создаётся [14, с. 50–51]». Поэтому город может рассматриваться как множество сетей интенсивного социального взаимодействия. По мнению автора, в настоящее время приходит понимание того, что современная урбанистическая теория возможна только как междисциплинарная теория и её можно считать частью социальной теории. Данный подход помогает более целостно охватить объект исследования, позволяет учитывать как можно больше различных, противоречивых условий и факторов формирования современного культурного пространства города. Но при этом повышается сложность исследовательского процесса, так как каждая наука имеет свою теоретическую базу, свою терминологию, свой контекст.

Ещё одним из междисциплинарных подходов к изучению феноменов городов является подход, названный «*городской экологией*». Данный подход объединил таких исследователей, как Роберт Парк, Роберт Маккензи, Луиса Уирт, Эрнест Берджес, Харви Зорбах. Данные исследователи как раз работали на стыке различных дисциплин, сочетая биологизм с эволюционизмом.

Также формирование современного культурного пространства города невозможно без медиасреды. «В перспективе важно, чтобы городская среда стала целостной логико-смысловой культурной средой, где медиакультурному пространству принадлежит доминирующая роль [12, с. 73]».

В контексте исследования конкретных территорий городской среды очень трудно создать универсальную методику научной работы, но, с другой стороны, можно утверждать, что междисциплинарный подход помогает исследователю выйти на более глубокий уровень – за счёт более целостного синтетического подхода. Таким образом, используя в своей работе междисциплинарный подход, применение которого позволяет выявить многослойный и сложный характер культурного пространства современного города, можно охарактеризовать культурное пространство города как многоуровневую целостную систему, характеризующуюся не только особенностями содержания каждой из них, но и их соотношением и взаимодействием.

Литература

1. *Анциферов Н. П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. – 2-е изд., испр. и доп. – Ленинград : Сеятель, 1926. – 150 с.

2. *Бабаева А. В.* Человек в городском культурном пространстве // *Философия XX века: школы и концепции* : Научная конференция к 60-летию философского факультета СПбГУ, 21 ноября 2000 г. Материалы работы секции молодых учёных «Философия и жизнь». – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 26–28.
3. *Глазычев В. Л.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. – Москва : Наука, 1984. – 180 с.
4. *Гревс И. М.* Путешествия в жизни учителя-краеведа // *На путях краеведения*. Статьи: Н. П. Анциферова, Н. С. Берсенева, Н. Д. Владимирского... [и др.]. – Москва : Мир, 1926. – С. 141–150.
5. *Есаков В. А.* Мегалополис в зеркале социальной философии : монография. – Москва : ИНФРА-М, 2016. – 175 с.
6. *Есаков В. А.* Мегалополис и его культура на примере Москвы. – 2-е изд., перераб. – Москва : Альфа-М, 2009. – 208 с.
7. *Зукин Ш.* Культуры городов / пер. с англ. Д. Симановского. – Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – 424 с.: ил.
8. *Каган М. С.* Культура города и пути её изучения // *Город и культура* / [науч. редакторы С. Н. Иконникова, Г. В. Скотникова]. – Санкт-Петербург : СПбГИК, 1992. – С. 19–21.
9. *Коган Л. Б.* Городская культура и пространство: проблема «центральности» // *Развитие городской культуры и формирование пространственной среды* : сборник научных трудов / Центральный научно-исследовательский и проектный институт по градостроительству ; под ред. канд. архитектуры Л. Б. Когана. – Москва : ЦНИИП градостроительства, 1976. – С. 6–7.
10. *Линч К.* Образ города / перевод с английского В. Л. Глазычев ; составитель А. В. Иконников ; под редакцией А. В. Иконникова. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с.
11. *Мастеница Е. Н.* Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход // *Петербургские исследования*. – 2011. – № 3. – С. 128–147.
12. *Ремизов В. А., Садовская В. С.* Культурная антропология : учебное пособие. – Москва : МГИК, 2017. – 188 с.
13. *Теория культуры* : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031401.65 «Культурология» / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. – Москва [и др.] : Питер, 2008. – 592 с.
14. *Трубина Е. Г.* Город в теории : опыты осмысления пространства. – Москва : Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.
15. *Шилехина М. С.* Современные тенденции формирования культурного пространства города: проблемы и возможности? // *Культурное наследие России*. – 2016. – № 4 (15). – С. 103–109.

СОВРЕМЕННЫЕ ИГРОВЫЕ УСТРОЙСТВА В ЖИЗНИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Оксана Валерьевна КРУХМАЛЕВА,

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия

e-mail: kruhoks@yandex.ru

Егор Владиславович КРУХМАЛЕВ,

магистр Института автоматизации и робототехники Московского
государственного технологического университета «Станкин», г. Москва, Россия

e-mail: ekruh@yandex.ru

В статье анализируются социокультурные особенности вхождения электронных устройств и технологий в повседневную жизнь младших поколений – детей и подростков. Большой статистический и эмпирический материал иллюстрирует влияние в первую очередь игровых и коммуникационных возможностей гаджетов на жизнь детей. Приводятся особенности отношения детей разных возрастов к применению электронных устройств. Делается общий вывод об исторической неизбежности изменений социокультурной реальности под влиянием информационных технологий. Статья адресована всем интересующимся проблемами трансформации современных социокультурных процессов и особенностями нового информационного общества.

Ключевые слова: электронные устройства, гаджет, дети, подростки, социокультурные процессы, информационное общество, социализация, коммуникация, семья, образование.

MODERN GAMING DEVICES IN THE LIVES OF CHILDREN AND ADOLESCENTS: A SOCIOCULTURAL ANALYSIS

O. V. Krukhnaleva, Ph.D. (Sociology), Associate Professor
of the Department of sociology, Faculty of Humanities and Social Sciences,
People's Friendship University of Russia (PFUR), Moscow, Russia

e-mail: kruhoks@yandex.ru

E. V. Krukhnalev, master of Institute of Automation and Robotics (AR),
Moscow State University of Technology "Stankin" (MSTU), Moscow, Russia

e-mail: ekruh@yandex.ru

The article examines the social and cultural peculiarities of entering into the everyday life of younger generations, children and adolescents electronic devices and technologies. Large statistical and empirical material illustrates the effects of gadgets on children's lives from the point of view of using them primarily gaming and communication options. Especially given the attitudes of children of different ages in the use of and requirements for electronic devices. There is a General conclusion

about the historical inevitability of changes in the sociocultural reality under the influence of information technologies. The article is addressed to all interested in the problems of transformation of contemporary social and cultural processes and features of the new information society.

Key words: electronic device, gadget, children, adolescents, sociocultural processes, information society, socialization, communication, family, education.

В настоящее время процесс преемственности культуры приобрёл новые аспекты теоретического анализа, вызванные кардинально изменившейся практикой современной жизнедеятельности любого общества, в том числе и в России. Важное, если не определяющее место в новом понимании идущих социокультурных процессов занимает информационная культура.

Началом нового этапа в жизни человечества стала середина XX века, когда в жизнь общества, во все его сферы активно начали входить информационные технологии. Тема становления информационного общества является междисциплинарной. Её анализу посвящено значительное количество работ социологов, философов, культурологов и представителей других областей знания.

Теоретико-методологической основой современного анализа информационного общества является философия постмодерна. Многие известные западные социологи понимают постмодерн как философию и культуру нового постиндустриального, или сетевого, общества, доминирующими характеристиками которого являются эклектизм и конформизм, вырастающие из методологических принципов постмодерна – толерантности и плюрализма.

Для общества постмодерна неприемлема классическая социология, в которой доминирует социальное над индивидуальным. Именно поэтому известный исследователь Ж. Бодрийяр предлагает философски переосмыслить и создать новый тип теоретизирования об обществе. Его теория базируется на анализе процесса потребления, в котором осуществляется постоянный контроль – как над предметами, вещами, знаками, так и над каждым индивидом-потребителем. Осуществлённый Ж. Бодрийяром экономический, психоаналитический и лингвистический анализ процесса потребления совершенно определённо показывает, что в современном мире постоянно происходит циркуляция знаков, которые вполне поглощают собой объекты и создают гиперреальность, где исчезает граница между реальным и воображаемым и любой симулякр в новой реальности не менее значим для человека, чем сама та или иная вещь [2].

Однако современные культурологи, опираясь на анализ текстов философов постмодерна, считают главным в постмодерне его стремление развенчать Просвещение, особенно – либерально-демократическую идеологию, которая подчинила интересы и потребности человека обще-

ству и сделала нормы и ценности индустриального общества обязательными для всех, независимо от воли и желания каждого индивида [15].

Л. Мамфорд, в частности, отмечает, что в двадцатом столетии произошли существенные технико-технологические изменения, которые обусловили не только качественно новый уровень развития науки и техники, но и потребовали серьёзного переосмысления роли и места человека в этом новом обществе, изменения его сознания, что ведёт к определённым трансформациям личности и социокультурных связей [11].

М. Кастельс фиксирует тенденцию к становлению нового типа общественного развития – информационного. Он отмечает, что в этом новом типе общества определяющими являются «технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации [8]». М. Кастельс вводит термин «сетевое общество», в котором успешность человека определяется не только его личными умениями и навыками, но и мерой включённости в современные коммуникации, которые становятся значимым социальным индикатором новой культуры.

Одним из первых анализировать и строить прогнозы относительно изменения привычного мира человека под влиянием новых компьютерных технологий стал М. Маклюэн. В работе «Галактика Гутенберга» [10] он предложил по-новому рассматривать эволюцию человечества, опираясь на такой показатель, как технология коммуникаций. Маклюэн считает, что всё многообразие культур человечества можно свести к трём историческим периодам: «племенной человек», который осуществлял активную коммуникативную деятельность с помощью собственных сенсорных средств или анализаторов; «книжный человек», который благодаря чтению преобразовывает технику и технологию, обеспечивая прогресс во всех сферах бытия, создаёт индустриальное общество; наконец, «информационный человек», осуществивший новую коммуникацию, основанную на информации, её циркуляции и распространении в масштабах всего человечества [10].

Важное место в этом информационном обществе занимает виртуальная культура, основной характеристикой которой является мозаичность, связанная с особенностями процессов познания, структурирования и ценностного отбора социального опыта жизнедеятельности. Как следствие интенсивного внедрения компьютерных информационных технологий в повседневную культуру, непрерывного и беспорядочного потока информации, распространяемого главным образом средствами массовой коммуникации, формируется определённый тип виртуальной культуры, сочетающий в себе случайные элементы культур разных народов и эпох [16].

Таким образом, теоретическое осмысление процессов, связанных с изменением привычного мира и вхождением в информационную эпоху,

позволило взвешенно и аргументированно подойти к адекватному и достаточно утилитарному анализу новых явлений действительности.

***

Термин «гаджет» – устоявшийся и общепринятый для понимания особенностей современной информационной культуры. В прямом переводе с английского он означает ‘устройство, приспособление’. Но обычно под гаджетом понимается устройство, созданное с использованием цифровых технологий и специально для какой-то определённой сферы.

Основным предназначением этого устройства является облегчение, усовершенствование жизни человека. Классификация современных гаджетов многообразна. Условно их можно разделить на три большие группы: коммуникативно-игровые, бытовые и программные. К бытовым относятся устройства, которые не связаны с прямой коммуникацией и предназначены для повышения комфортности бытовой жизни, здоровья. Среди них, например, фитнес-браслеты, электронные пластыри, экзоскелеты, «умная» одежда, «умные» часы и т.п. К коммуникативно-игровым можно условно отнести все те устройства, которые помогают осуществлять коммуникацию, то есть, как правило, такие устройства снабжены выходом в Интернет, что позволяет их владельцу общаться, играть, существовать в виртуальном мире: это планшеты, смартфоны, игровые приставки. Программные гаджеты ещё называют виджеты – это небольшие компьютерные приложения, с помощью которых можно получать дополнительную информацию или осуществлять доступ к услугам – прогноз погоды, вызов такси, бытовые услуги, время прибытия автобуса и т.п.

Различные гаджеты играют большую роль в жизни современного молодого поколения. В данной статье наиболее подробно анализируется социокультурный смысл, жизненная ценность коммуникативно-игровых гаджетов.

Представляется уместным отметить, что игровые гаджеты и, соответственно, компьютерные игры весьма популярны у пользователей практически всех возрастных групп. По данным опроса Фонда «Общественное мнение» за 2013 год, в них играли 44% интернет-пользователей среди взрослой аудитории. В частности, 39% играли в компьютерные игры на планшетах, смартфонах и приставках чаще, чем раз в месяц, и ещё 18% интернет-пользователей регулярно играли в онлайн-игры. Среди молодых людей в возрасте от 18 до 30 лет в компьютерные игры играл каждый второй (49%). При этом 32% респондентов в данном опросе отмечали, что в компьютерные игры у них играют дети¹ [см.: 13]. С учётом темпов развития цифровых и электронных технологий с большой долей вероятности можно

---

¹ ФОМ: Данные ТелефОМ – телефонный опрос граждан РФ от 18 лет и старше. Объём выборки – 1 000 респондентов, 25–26 мая 2013 года.

предположить, что на сегодняшний день эти распределения будут ещё выше. По имеющимся данным на 2014 год, активными пользователями онлайн-игр являлось более 46 млн россиян. Среди них практически 20% составляла молодёжь¹.

Целью данной работы является проведение социокультурного анализа такого нового явления действительности, но уже прочно вошедшего в нашу обыденную жизнь, как компьютерные технические устройства, приспособления – гаджеты, а также освещение их влияния на представителей самой незащищённой и уязвимой части общества – детей и подростков.

***

Сегодня уже практически невозможно представить современного ребёнка без электронной игрушки, планшета, смартфона. Принято считать, что дети информационной эпохи уже рождаются с «мышкой» в руке. Знакомство с электронными устройствами начинается для ребёнка довольно рано, практически с рождения. Сначала это различные удобные и функциональные средства, позволяющие маме следить за малышом на расстоянии (видеоняни, видеокамеры и т.п.). Чуть позже появляются различные игрушки, которые помогают маме осуществлять коммуникацию с малышом на расстоянии, развлекать и занимать ребёнка. А потом ребёнок очень быстро осваивает мамин смартфон и папин планшет и органично входит в электронную жизнь семьи. К 4–5 годам современный ребёнок уже уверенно разбирается с множеством устройств: от телефона до компьютера, комфортно чувствует себя в этой электронной среде, зачастую даже увереннее своих старших родственников.

Данные исследования, проведённого специалистами ВШЭ совместно с компанией «Твиди» среди детей и подростков в возрасте 6–15 лет, показали, что пользуются различными гаджетами порядка 80% опрошенных детей и подростков². Наиболее популярны у детей обследуемой возрастной группы смартфоны и планшеты (58 и 51% соответственно ответили, что пользуются ими часто и ещё 20 и 26% – пользуются иногда). Гораздо менее популярны интерактивные игрушки и электронные книги (ими пользуется с разной степенью частоты только треть опрошенных респондентов).

В связи с этим уместно предположить, что интерактивные игрушки привлекают детей помладше, а электронные книги, наоборот, востребованы

¹ Данные агентства Insight ONE о состоянии игровой индустрии в России на 2014 год. Автор – CEO агентства Insight ONE Андрей Подшибякин. Статистика основана на данных Mail.ru Group, J'son & Partners, NewZoo, RBK Money, White Label Statistics, Advertising Age, VirtualGiveaway, Jupiter Communications, МТС, «Евросети», Nielsen, The Esa. См.: <https://vc.ru/pgam>

² Research “Kids & gadgets” (VSMRB & Tvidi 2014), совместный проект ВШЭ и компании «Твиди». В опросе приняло участие более 900 детей в возрасте 6–15 лет. См.: <https://www.slideshare.net/VSMRB/research-kids-gadgets-vsmrb-tvidi-2014>

более взрослой аудиторией. К сожалению, исследований по предпочтениям детей и подростков в области электронных устройств крайне мало. Маркетинговые и социологические замеры проводятся в основном на более старшей аудитории – 18+. Информация из имеющихся исследований подтверждает нашу гипотезу о предпочтениях в выборе электронных устройств среди взрослых. Так, по данным опроса, проведённого ВЦИОМ, за четыре года удвоилась популярность электронных книг: в 2011 году их читали 9% россиян, в 2015 году – 17%. Среди потребителей этого устройства прежде всего молодёжь (18–24 лет, 34%) и люди с высшим образованием (26%)¹ [см.: 6].

Опираясь же на данные указанного исследования ВШЭ, можно отметить, что подавляющее число респондентов в возрасте 6–15 лет, принявших участие в опросе, указали, что имеют свои собственные гаджеты, в основном это смартфоны и планшеты – 67 и 60% соответственно. У взрослых дети берут в основном электронные книги, но доля таковых пользователей невелика – 22%. Родительскими смартфонами пользуется 15% опрошенных, а планшеты берут у родителей 20%.

Результаты российских исследователей подтверждают и их зарубежные коллеги. Британская исследовательская компания “Ofcom” в аналогичном исследовательском проекте использования детьми электронных устройств, осуществляемом на протяжении ряда лет [17], выявила следующие тенденции. С каждым годом растёт число детей, пользующихся смартфонами и имеющих собственные электронные устройства. Дети в возрастной группе 8–11 лет в основном играют на устройствах, поэтому коммуникативные возможности гаджетов им не столько важны. Дети более старшей группы – 12–15 лет – уже заинтересованы в общении и установлении аудиовизуальных контактов, поэтому они предпочитают планшеты и смартфоны (62% имеют их в своём распоряжении). Исследователи также фиксируют то, что использование детьми в возрасте 5–15 лет планшетов с 2012 года выросло в три раза – с 14% до 42%. Стремительный рост пользователей планшетов фиксировался во всех возрастных группах, но наиболее заметен он в группе 8–11-летних (на 44% – с 13% в 2012 году).

Основным требованием, которое выдвигают пользователи от 8 лет к электронным устройствам, является наличие выхода в Интернет: другими словами, уже выросло компьютерно-сетевое поколение, для которого информационные технологии – это образ жизни. Поэтому стационарный компьютер, начиная с 2012 года, неизбежно уступает место мобильным устройствам – планшетам, смартфонам и ноутбукам [17]. Таким образом,

---

¹ ВЦИОМ. Инициативный всероссийский опрос ВЦИОМ проведён 23–24 мая 2015 года. Опрошено 1 600 человек в 130 населённых пунктах в 46 областях, краях и республиках России. Статистическая погрешность не превышает 3,5%.

можно сделать вывод об исторической неизбежности изменений социокультурной реальности под влиянием информационной революции.

По данным американской исследовательской компании “Common Sense Media” об использовании детьми электронных устройств, за гаджетами дети в среднем проводят до трёх часов в день. Это время резко увеличивается с возрастом ребёнка. Дети до двух лет проводят за гаджетами около 53 минут в день. К семи годам это время увеличивается до трёх-четырёх часов.

Интерес представляют также данные, иллюстрирующие изменение интереса и предпочтений детей разных возрастных групп. По данным исследования, 65% детей до 8 лет смотрят телевизор ежедневно до 100 минут в день. Почти половина детей в возрасте от 2 до 4 лет играет в электронные игры. К 8 же годам предпочтения меняются: просмотр телевизора отходит на второй план. 81% детей от 8 лет играют в видеоигры и 90% используют компьютер. В отличие от игр, на образовательные программы приходится существенно меньшая доля времени – только 10% детей в возрасте до 8 лет используют образовательные возможности электронных устройств и ещё 6% пользуются ими при выполнении домашних заданий. Детализация использования различных устройств показывает, что в возрасте от 8 лет 90% обследуемых детей использовали компьютер, 81% играли в игры на консоли или приставке, а 60% играли в игры или использовали приложения на переносном устройстве (сотовый телефон, карманный игровой системы) [3].

В целом надо отметить, что переоценить влияние технологий на детей сложно. Вместе с безграничными возможностями познания мира и процессов, протекающих в нём, ребёнок встречается и с более простыми путями познания и развития – через игровое и визуальное восприятие информации об окружающей действительности. Попадая в школу, ребёнок приобщается к культуре массовых портативных технологий, развивается вместе с ними, попадает как под позитивное, так и под негативное влияние различных аспектов современных технологий. Нельзя отрицать, что за последние десятилетия технологии совершили такой невиданный скачок вверх по лестнице прогресса, что уже сложно представить современную жизнь без них, следовательно, их уже можно считать определённым инструментом первичной социализации современных поколений.

На сегодняшний день частота использования электронных устройств по всему миру достигает миллионов часов в сутки, почти каждый человек с трудом представляет свой день без смартфона или ноутбука. Дети также уже не могут жить без своих электронных устройств, которые имеют для них, возможно, даже большее, чем для взрослого человека, значение. Дети эмоциональнее и трепетнее относятся к мобильным устройствам. Для взрослого человека зачастую неважно само устройство – оно

является просто инструментом для выхода в глобальную сеть или же устройством для выполнения рабочих функций и обязательств, игровой и познавательный аспект отходят на второй план.

У детей и подростков всё иначе. Гаджет для ребёнка – это не только инструмент, это ещё и любимая игрушка, как машинка или кукла для предыдущих неинформационных поколений. В то же время это и способ выделиться из толпы, или же наоборот – элемент принадлежности к своей социальной группе. Когда только получали распространение смартфоны и мультиустройства, счастливые обладатели таких устройств оказывались в центре внимания сверстников, желающих посмотреть, пощупать новый продукт компьютерных технологий, приобщиться к этой культуре.

Естественно, что такое активное вхождение и присутствие электронных устройств, прежде всего игровых, в жизни детей вызывает самые противоречивые суждения их родителей, учителей, специалистов. О влиянии игровых устройств на детей написано достаточно много работ в самых разных областях знаний [см.: 1; 12]. Специалисты пытаются сопоставить и сравнить позитивные и негативные последствия этого присутствия в жизни детей.

***

Рассмотрим основные претензии к электронным устройствам со стороны специалистов различных областей знания.

С точки зрения медиков, к главным недостаткам игровых гаджетов следует отнести влияние на зрение ребёнка; усиление гиподинамии; очевидное развитие сколиоза; задержки развития речи и мелкой моторики, ухудшение сна и немало других негативных последствий.

С точки зрения психологов – проблемы намного сложнее. Среди наиболее негативных последствий использования планшетов, смартфонов и приставок называется односторонность развития, при котором у ребёнка начинает развиваться клиповое (мозаичное), образное мышление. Он привыкает видеть картинки, которые, как в калейдоскопе, сменяют друг друга, его мозг воспринимает их образно, просто запоминая, но не выстраивая никаких логических цепочек. Когда ребёнок активно осваивает мир предметов, важно, чтобы у него были задействованы все каналы восприятия: аудиовизуальные и тактильные. Чтобы понять, какой формы предмет, ребёнку надо не только посмотреть на его изображение, но и потрогать его, ощупать, покрутить в руках. Только тогда он начнёт связывать в своём восприятии форму и название. Электронные устройства такой возможности не дают, хотя и позволяют рассматривать предмет в трёхмерном изображении и даже изнутри, но картинка всё равно остаётся плоской [9].

Следующий негативный момент – это снижение творческой активности субъекта. Электронная игра, какая бы красочная и реалистичная она

ни была, не может заменить настоящих материалов, клея, бумаги, кубиков и т.п., то есть не может заменить творчества и фантазии. Виртуальное пространство игры лишает ребёнка творческого поиска, поскольку позволяет ему действовать и существовать только в рамках тех возможностей, которые заложены в программе разработчиками, оперировать теми материалами и инструментами, которые предусмотрены создателями игры, находить решения, исходя из тех опций и предложений, которые ему доступны в соответствующем интерфейсе.

Крайне опасной становится проблема подмены индивидуально-личностной реальной жизни играющего человека виртуальной реальностью. Ребёнок, много времени проводящий за электронными устройствами, хуже взаимодействует с окружающим миром, «выпадает» из него, начинает испытывать сложности во взаимоотношениях с социальным окружением.

Социологи же обращают внимание на ещё одну негативную сторону присутствия электронных игровых устройств в жизни детей. Это нарушение процессов социализации, то есть нарушение во взаимодействии традиционных институтов общества, отвечающих за этот процесс – семьи и образования. В любой семье в процессе первичной социализации подрастающих поколений в рамках межпоколенческих контактов и взаимодействий закладываются не только определённые, одобряемые членами семьи стандарты поведения и культура общения, но и последовательно формируется целая система ценностных ориентаций человека, его интересов и потребностей. Постепенно складывается общее представление обо всём существующем, о месте каждого в этой общей системе. С тотальным вхождением гаджетов в жизнь ребёнка – акценты смещаются, нарушается связь поколений и зачастую авторитетами становятся не старшие поколения, а виртуальные герои, персонажи игр, с характерными для них другими системами ценностей, нормами морали и представлениями о мире.

Это в полной мере касается и института образования, когда процесс вторичной социализации идёт не в традиционном взаимодействии учитель – ученик, а начинает в значительной степени зависеть от присутствия виртуального пространства, мнения и знаний его авторитетов.

Однако наряду с тревожными и негативными последствиями вхождения в жизнь детей различных электронных устройств, нельзя не видеть и их полезные, положительные возможности. Ведь именно благодаря сервисам, которые предоставляют современные информационные и электронные технологии, дети повсеместно получают доступ к мировому банку знаний, к накопленным достижениям культуры, искусства, литературы и науки. Сегодня они имеют возможность развиваться, совершенствоваться, самообразовываться, практически не испытывая влияния временных, территориальных или национальных границ.

Современные дети гораздо более свободны, во всех смыслах, в формировании своих интеллектуальных способностей, духовных талантов и разнообразных склонностей, чем представители предшествующих поколений. Как писал Й. Хейзинга: «всякая игра есть прежде всего свободная деятельность ... первый основной признак игры: она свободна, она есть свобода [14]».

Активно вошли электронные технологии и в процесс обучения. На государственном уровне активно разрабатываются и внедряются различные образовательные программы и технологии – удалённые программы по обучению, контролю за успеваемостью, участию в олимпиадном движении, то есть те проекты, которые требуют постоянного присутствия новых технологий, наличия навыков и умений использовать их.

Однако основное время во взаимодействии детей и электронных устройств приходится всё же на игры и социальные сети. С развитием технологий и в результате их общедоступности дети получили почти безграничные возможности в плане игр и объединения в команды, кружки по интересам, выбора способов общения и коммуникации друг с другом. Также во всём мире набирает обороты и уровень вовлечения подростков в мобильные и интерактивные развлечения – киберспорт. Ещё в 2004–2005 годах он не был столь популярным и широко известным видом спорта, однако сегодня, всего за 12 лет, он превратился в гигантскую индустрию с многомиллионными армиями поклонников, в которых заметную часть составляют именно подростки.

Отношение к игровым возможностям гаджетов и типам игровых технологий меняется с взрослением ребёнка. Так, дети младшего возраста, как правило, предпочитают играть в электронные игры индивидуально. Детям постарше уже необходимо общение и признание своей группы, поэтому они предпочитают играть уже в сетевые игры, дающие возможность коммуникации во время игры с соперниками и в своей команде.

О вреде и пользе электронных игр для развития и психики ребёнка написано достаточно большое количество работ. Среди несомненных позитивных возможностей называется влияние на формирование логического мышления ребёнка, развитие мелкой моторики рук и координации движений, тренировка внимательности и памяти, стимулирование аналитических способностей, воспитание упорства, усидчивости, стремления к достижению цели, развитие организаторских способностей, умения работать в команде, навыков ведения переговоров и поиска компромиссных решений, а также возможность изучать иностранные языки в интерактивной среде и непосредственном общении.

Среди наиболее серьёзных негативных процессов, помимо обозначенных ранее и вполне справедливых медико-биологических проблем и психологических последствий, называется также формирование опреде-

лённого искажённого представления о реальности. Здесь имеется в виду наличие у типового героя игр, с которым отождествляет себя игрок, например, нескольких жизней, суперспособностей, каких-то нечеловеческих свойств, которые позволяют ему быть сильнее и успешнее других.

Надо отметить, что все эти обозначенные проблемы фиксируются родителями и не остаются незамеченными. Так, по данным опроса Фонда «Общественное мнение», только 20% респондентов-взрослых, участвующих в исследовании, относятся положительно к игровой активности своих детей и ещё 12% – нейтрально. При этом исследователи ФОМ отмечают, что «многие родители придерживаются принципа “из двух зол выбираем меньшее”, и говорят, что лучше играть в игры дома, чем на улице в плохой компании. Очень часто компьютерная игра используется в качестве инструмента поощрения и мотивационного стимула ребёнка ¹[см.: 13]».

Проблемы взаимодействия детей и игровых электронных устройств достаточно полно описаны в работе К. Керделлан и Г. Грезийон «Дети процессора: как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых» [7]. Проведя широкий теоретико-прикладной анализ, авторы обобщили основные проблемы взаимодействия детей и гаджетов и сделали ряд выводов о влиянии электронных устройств на психологическое самочувствие ребёнка и его социальную позицию. Относительно игровой активности детей авторы отмечают, что следует различать два типа игровых практик: с одной стороны – это простые игры на портативных игровых гаджетах типа Game Boy или PSP, где игрок сражается с машиной, а с другой – это современные игры с использованием сетевых технологий, когда борьба ведётся не только с машиной, но и с реальными игроками в режиме онлайн. Естественно, что второй вариант требует более сложной инфраструктуры: наличия подключения к Интернету, хорошей скорости передачи данных, качественной видеокарты, периферийных устройств (джойстиков, наушников, шлемов, релей и т.п.). Соответственно, и навыки пользователя должны быть более «продвинутыми», то есть он должен разбираться и ориентироваться в этих сложных устройствах, а значит, развиваться, приобретать новые знания.

Как уже было отмечено, дети достаточно много времени проводят за электронными устройствами. Так, по данным уже цитируемого исследования ВШЭ, отвечая на вопрос о том, сколько времени родители позволяют им пользоваться гаджетом, ответили, что их не ограничивают в пользовании смартфонами – 64% опрошенных, планшетами – 56% и другими электронными устройствами (аудиоплеером, электронной книгой и т.п.) – более 70%. При этом исследователи фиксируют, что дети, говоря о реальном времени пользования гаджетом, отмечают, что реально используют его

¹ ФОМ: Данные ТелеФОМ – телефонный опрос граждан РФ от 18 лет и старше. Объём выборки – 1 000 респондентов, 25–26 мая 2013 года.

более 3 часов в день – 40% смартфон, 32% – планшет. От 1 до 3 часов – 25% и 36%¹.

Вторым по популярности у детской и особенно подростковой аудитории способом применения электронных устройств является доступ в социальные сети. Это относительно новое явление в общественной жизни стало популярным в достаточно короткое время и настолько прочно вошло в повседневную жизнь всех его возрастных групп, что стало неотъемлемой частью жизни социума. По данным опроса Фонда «Общественное мнение», только 10% детей старше 6 лет не пользуются социальными сетями (вопрос задавался взрослым респондентам, у которых есть проживающие с ними дети старше 6 лет, – отвечали 36% интернет-пользователей)² [13].

О проблемах виртуального общения написано достаточно много работ, и в целом данный вопрос может быть темой отдельной статьи. Остановимся на наиболее значимых проблемах присутствия социальных сетей в жизни общества:

- виртуальное общение постепенно вытесняет живое человеческое общение, а это особенно опасно для ещё только формирующейся личности;

- обезличенность акторов и возможность существования нереальных, придуманных людей;

- наличие различных виртуальных опасностей для ребёнка – начиная от контента не для детей и заканчивая различными криминальными проявлениями;

- как и в случае с компьютерными играми, формируется психологическая зависимость от социальных сетей – выход в виртуальное пространство становится обязательным ритуалом, а публикация своих фото, постов и сбор «лайков» – постоянной потребностью. Всё это нарушает психологическое состояние любого человека, его социальные связи, а особенно сильно это сказывается на детях.

К полезным функциям социальных сетей можно отнести, например, возможность разнообразить общение, поиск новых друзей по увлечениям и интересам, отсутствие границ в общении, образовательные возможности и целый ряд других.

По данным совместного исследования Фонда «Общественное мнение» и Российского общественного центра информационных технологий, проведённого в 2015 году, более 80% российских подростков имеют собственные профили в социальных сетях и выходят в сеть с собственных

¹ Research “Kids & gadgets” (VSMRB & Tvidi 2014), совместный проект ВШЭ и компании «Твиди». В опросе приняло участие более 900 детей в возрасте 6–15 лет. См.: <https://www.slideshare.net/VSMRB/research-kids-gadgets-vsmrb-tvidi-2014>

² Опрос недельной аудитории интернет-пользователей. 15–19 января 2016 года. 104 населённых пункта, 53 субъекта РФ, 1 000 респондентов. Интервью по месту жительства. Статистическая погрешность не превышает 4,3%.

электронных устройств. Среднее время, проведённое детьми в Интернете, составляет от 7 до 14 часов в неделю¹ [5]. При этом исследователи фиксируют, что большинство юных пользователей выходят в сеть бесконтрольно. Однако родители стабильно выражают обеспокоенность присутствием своих детей в сети – около 94% родителей однозначно считают, что необходимо следить за тем, что делает ребёнок в Интернете.

Таким образом, формирование нового информационного человека невозможно только за счёт деятельности двух традиционных социальных институтов – семьи и системы образования, которые всегда были ответственны за первичную социализацию подрастающих поколений и их эффективное и бесконфликтное вхождение в мир знаний, норм и ценностей общества. Новая социальная реальность требует выработки новых механизмов и учёта вновь появившихся социокультурных обстоятельств, влияющих на деятельность этих традиционных институтов. Однако надо помнить, что в решении проблемы «человек – гаджет» ответственность всё же принадлежит человеку.

Литература

1. *Абраменкова В. В.* Во что играют наши дети? : Игрушка и АнтиИгрушка. – Москва : Лепта-Пресс, 2006. – 634 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Система вещей : пер. с франц. – Москва : Рудомино, 1999. – 224 с.
3. *Брент К.* Интернет, видеоигры и телевидение. Статистика для детей. Данные исследовательской компании Common Sense Media [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.techaddiction.ca/media-statistic.html>
4. Интернет в России: динамика проникновения. Лето-2016 [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение» : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 18 октября 2016. – URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/13021>
5. Интернет: родительский контроль [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение» : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 3 июня 2015. – URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12181>
6. Как пройти в библиотеку? Пресс-выпуск № 2850 [Электронный ресурс] // ВЦИОМ : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 08.06.2015. – URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115279>
7. *Керделлан К., Грезийон Г.* Дети процессора : как Интернет и видеоигры формируют завтрашних взрослых / [пер. с фр. А. Луцанова]. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 272 с.
8. *Кастельс М.* Информационная эпоха : Экономика, общество и культура / пер. сангл. под науч. ред. О. И. Шкаратана ; Государственный университет «Высшая школа экономики». – Москва, 2000. – 606 с.

---

¹ Опрос проведён в апреле 2015 года по методике «ФОМнибус» с выборкой, репрезентирующей население России старше 18 лет. Вопросы задавались только тем, кто имеет детей моложе 18 лет, которые пользуются Интернетом. Вопросы составлены специалистами ФОМ и портала «Спутник.ру» при участии экспертов РОЦИТ.

9. *Компернолле Т.* Мозг освобождённый : как предотвратить перегрузки и использовать свой потенциал на полную мощь / пер. с англ. [Ирина Евстигнеева]. – Москва : Альпина Паблишер, 2015. – 570 с.
10. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга : становление человека печатающего / пер. И. О. Тюриной. – Москва : Академический Проект : Фонд «Мир», 2005. – 495 с.
11. *Мамфорд Л.* Миф машины : Техника и развитие человечества : [пер. с англ.]. – Москва : Логос Σ, 2001. – 404 с.
12. *Никитина М. В.* Ребёнок за компьютером. – Москва : Эксмо, 2006. – 287 с.
13. О компьютерных играх. Во что играют россияне? И как к этому относятся их родственники? [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение» : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – 15 июля 2013. – URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10991>
14. *Хейзинга Й.* Homo ludens; В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. и примеч. В. В. Ошиса ; общ. ред. и послесл. [с. 405–439] Г. М. Тавризян. – Москва : Прогресс : Прогресс-Академия, 1992. – 458 с.
15. *Флиер А. Я.* Некультурные функции культуры. Очерки. – Москва : МГУКИ, 2008. – 272 с.
16. *Эко У.* От Интернета к Гутенбергу: текст и гипертекст. Отрывки из публичной лекции Умберто Эко на экономическом факультете МГУ 20 мая 1998 [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер : [веб-сайт]. – Электрон. дан. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Int_Gutten.php
17. Tablets Becoming Must-Have Device For Kids Of All Ages. – Available at: <https://techcrunch.com/2013/10/03/kids-love-tablets>

ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

13.00.00 – Педагогические науки

ПРОДВИЖЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ГУМАНИТАРНАЯ ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РУССКОГО МИРА

Нина Александровна КОЗЛОВЦЕВА,

аспирантка Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия

e-mail: Nina_kozlovtseva@mail.ru

В статье исследуется роль продвижения образования на русском языке в контексте формирования адекватного образа Русского мира на мировой арене. Образование на русском языке, являясь одной из важных составляющих Русского мира, несёт в себе не только уникальные знания и методики, но и особые ценности и систему взглядов, отражающие сущность Русского мира. В связи с этим образование на русском языке становится важнейшим инструментом «мягкой силы» Российской Федерации и вносит существенный вклад в формирование адекватного образа Русского мира за пределами России. В статье рассматривается актуальная государственная политика по продвижению образования на русском языке, её основные направления и принципы, делаются выводы о её полноте и возможных путях развития.

Ключевые слова: Русский мир, образование на русском языке, государственная политика, формирование образа Русского мира, внешняя политика России.

PROMOTION OF EDUCATION IN RUSSIAN AS A HUMANITARIAN PRACTICE OF FORMING THE IMAGE OF THE RUSSIAN WORLD

N. A. Kozlovtseva, doctoral student of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

e-mail: Nina_kozlovtseva@mail.ru

The article explores the role of promoting education in Russian in the context of the formation of an adequate image of the Russian world on the world stage. Education in Russian, being one of the important components of the Russian world, bears in itself not only special knowledge and techniques, but also special values and a system of views which shows the essence of the Russian world. In this connection, education in

Russian becomes an important instrument of the soft power of the Russian Federation and makes a significant element of the formation of an adequate image of the Russian world. The article considers the actual state policy on promoting education in Russian, its principles, characteristics and conclusions about its completeness and possible ways of its development.

Key words: Russian world, education in Russian, state policy, formation of the image of the Russian world, foreign policy of Russia.

В современных условиях нестабильного и противоречивого развития всего мирового сообщества, в условиях идеологического, политического и экономического кризиса приоритетом во внешней политике России становится политика «мягкой силы» (soft power), отличительной чертой которой является способность достигать желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от подразумеваемой принуждения «жёсткой силы» (hard power) [8].

Источником такой «мягкой силой» считается Русский мир, трактуемый как трансконтинентальная надэтническая социокультурная общность, характеризующаяся пластичностью и динамичностью адаптации к мировым изменениям, объединяющая на основе добровольного участия всех людей, интересующихся и разделяющих ценности русской культуры и небезразличных к судьбе России, вне зависимости от страны их происхождения и проживания, вероисповедания или родного языка, – с целью сохранения и трансляции ценностей русской культуры посредством формирования адекватного образа России на мировой арене.

Исходя из такой трактовки Русского мира, можно выделить ряд ключевых его составляющих, как с точки зрения жителей России, так и с точки зрения людей, проживающих за границей. По данным проведённого нами опроса¹, ключевыми, с точки зрения представителей названных групп, являются: культура (по мнению 86% россиян и 82% проживающих за рубежом); русский язык (78% и 88% соответственно); история (72% и 33% соответственно); наука (39% и 71% соответственно); современная жизнь (47% и 45% соответственно) и менталитет русских (4% и 2% соответственно) [1, с. 294].

В связи с этим современная политика по формированию образа Русского мира включает в себя несколько ключевых компонентов:

- продвижение и поддержка русской культуры;
- продвижение и поддержка русского языка;
- продвижение образования на русском языке.

Представляется, что образование на русском языке может рассматриваться в качестве комплексного инструмента формирования образа Русского мира, так как оно отражает историю, культуру, современную жизнь

---

¹ Опрос был проведён в 2016 году в социальных сетях «Фейсбук» и «ВКонтакте». В опросе приняли участие 454 человека из 56 стран мира (России, ближнего и дальнего зарубежья).

и менталитет русских, предоставляется на русском языке и основано на ведущих достижениях российской науки.

На сегодняшний день в государственной политике Российской Федерации продвижение образования на русском языке реализуется по трём основным направлениям:

- 1) создание, развитие и поддержка русских школ за рубежом;
- 2) привлечение иностранных граждан и соотечественников за рубежом к получению среднего профессионального и высшего образования в России;
- 3) популяризация открытого образования на русском языке, подразумевающая разработку и внедрение дополнительных общеобразовательных и профессиональных программ, реализуемых в дистанционной форме с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Рассмотрим подробнее каждое из названных направлений, отметим основные мероприятия, реализуемые по каждому из них.

Как отмечается в государственных документах, *поддержка и продвижение в иностранных государствах общего образования на русском языке* являются важным компонентом гуманитарного и политического влияния Российской Федерации в мире, способствуют повышению эффективности распространения русского языка и культуры. Помимо этого, поддержка русских школ за рубежом содействует интенсификации мировых процессов интеграции, обусловленных глобализацией и интернационализацией, а также расширению возможностей международного гуманитарного сотрудничества [3].

При этом под «русской школой за рубежом» понимаются организации, реализующие основные и дополнительные общеобразовательные программы. Всего их четыре типа:

- 1) заграничные образовательные учреждения Министерства иностранных дел Российской Федерации;
- 2) российские общеобразовательные организации, а также их филиалы за границами Российской Федерации;
- 3) созданные в соответствии с международными договорами России образовательные организации;
- 4) зарубежные организации (государственные и частные), реализующие обучение на русском языке в соответствии с федеральными образовательными стандартами [3].

На сегодняшний день насчитывается более 10 000 таких школ в различных странах мира.

Можно констатировать, что русским школам за рубежом оказывается информационная поддержка нормативно-правового, образовательного, научного, просветительского и культурно-эстетического характера, а также учебно-методическая поддержка, в частности заключающаяся

в обеспечении школ учебно-методической, научной и художественной литературой. Например, готовятся специализированные учебные пособия, учитывающие особенности страны нахождения школы, специфику контингента учащихся (являются ли они детьми российских соотечественников или же иностранцами), уровень владения русским языком и т.д. Так, в последние годы активно разрабатываются методики, учебно-методические пособия по работе с детьми-билингвами, причём не только по обучению их русскому языку, но и по освоению ими иных предметов общеобразовательного цикла на русском языке.

Предполагается, что реализация названных мероприятий будет способствовать: а) повышению качества общего образования на русском языке за границами России; б) обеспечению востребованности российского общего образования; в) основанному на российских традициях и культуре воспитанию обучающихся; г) социализации обучающихся [3].

Ещё одним значимым направлением продвижения образования на русском языке является *работа по привлечению соотечественников за рубежом и иностранных граждан к получению среднего специального и высшего образования в России*.

Для осуществления данной цели запущен такой специальный портал, как StudyInRussia.ru, позволяющий больше узнать о специфике образования в России, о передовых вузах, возможных формах получения образования, а также об имеющихся стипендиях на обучение в России. Посредством данного портала Россотрудничеством и зарубежными представительствами МИД РФ производится отбор иностранных граждан и соотечественников за рубежом на обучение в России за счёт квот Правительства России (например, в 2016 году было выделено 15 000 бюджетных мест). Всего же, по данным на 2015–2016 учебный год, в 798 вузах России обучалось 221 400 иностранных студентов [4].

Безусловно, привлечение иностранных студентов для обучения в России возможно только посредством *повышения престижа российского образования в международных рейтингах*. На сегодняшний день в зарубежных странах ценятся только два направления российского образования: медицинское и частично IT-образование.

Для повышения престижности российского образования за рубежом с 2013 года реализуется государственный проект «5-100», целью которого является повышение конкурентоспособности ведущих российских университетов на мировом рынке образовательных услуг. По результатам конкурсного отбора для участия в программе был выбран 21 российский вуз.

Итогом данного проекта должно стать формирование в России к 2020 году современных университетов-лидеров с эффективной структурой управления и высокой мировой академической репутацией, соответствующих глобальным тенденциям развития и оперативно реагирующих на

изменения. Целевыми показателями эффективности проекта является наличие:

- не менее пяти университетов России в первой сотне в глобальных образовательных рейтингах, таких как рейтинг университетов мира “Times Higher Education”, всемирный рейтинг университетов QS и академический рейтинг университетов мира ARWU;

- более 15% иностранных студентов в каждом вузе;

- от 10% иностранных научно-педагогических кадров в каждом вузе [6].

Ещё одним значимым вопросом при продвижении российского образования является повышение уровня владения русским языком, без чего невозможно полноценное освоение образовательной программы.

Основным способом подготовки к поступлению в российские вузы является обучение на подготовительных факультетах образовательных организаций [7]. Согласно действующему законодательству, обучение на подготовительном факультете подразумевает не только обучение русскому языку, но и ряду специальных предметов в зависимости от будущего профиля обучения. Но здесь существует ряд проблем:

- недостаточное количество учебных часов на изучение русского языка (согласно требованиям, это количество не должно быть менее 612 учебных часов);

- трудность при освоении иностранцем специальных предметов на русском языке при отсутствии достаточного владения самим языком (изучение специальных предметов начинается через месяц после начала обучения русскому языку);

- наличие возможности после обучения на подготовительном факультете одного профиля и недостаточном освоении образовательных программ поступать на программы высшего образования иного профиля в рамках одного вуза, что сводит на нет предпрофессиональную подготовку студентов;

- отсутствие единых требований к выпускным испытаниям на подготовительных факультетах, а также к документам, которые выдаются по результатам такого обучения (особенно в вузах, не обучающих студентов по квотам Правительства России).

На сегодняшний день проводится активная оптимизация работы подготовительных факультетов. Для этого при Министерстве образования и науки Российской Федерации создана и действует рабочая группа по координации работ подготовительных отделений и факультетов федеральных государственных образовательных организаций, обеспечивающих подготовку иностранных граждан к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке.

Думается, что координация и унификация деятельности подготовительных факультетов (а не только в рамках федеральных государственных

образовательных организаций) со стороны Министерства образования и науки Российской Федерации будет способствовать повышению качества предоставления данных образовательных услуг.

Ещё одним перспективным направлением продвижения образования на русском языке является *развитие открытого образования*. Повышение интереса к открытому образованию обусловлено двумя ведущими тенденциями XXI века: возрастанием роли информационно-коммуникационных технологий в жизни современного общества, а также популярности концепции получения непрерывного образования в течение всей жизни (lifelong learning).

В связи с этим формат открытого образования видится в государственных документах в качестве способа создания новых условий для изучения русского языка и получения образования на русском языке. Обеспечение доступа иностранных граждан к открытому образованию на русском языке реализуется посредством расширения партнёрской сети «Институт Пушкина», а также развития системы центров коллективного доступа к российским образовательным, информационным, просветительским социокультурным материалам, которые создаются при российских центрах науки и культуры или образовательных учреждениях [6].

Для развития открытого образования на русском языке планируется:

- обеспечить участников партнёрской сети «Институт Пушкина» материально-техническими и учебно-методическими ресурсами;
- разработать и внедрить единое электронное образовательное пространство, включающее в себя значительное количество ресурсов для организации обучения русскому языку и на русском языке на всех уровнях подготовки, а также повышения квалификации преподавателей;
- запустить онлайн-школу на русском языке для увеличения контингента и проведения аттестации обучающихся;
- в рамках программы курсов открытого образования на русском языке обеспечить обучающихся комплексной поддержкой (технической, консультационной и тьюторской);
- внедрить в глобальных интернет-сообществах игровые приложения с русским образовательным содержанием;
- проводить активную информационную политику и продвижение ресурсов образования на русском языке в электронных и печатных средствах массовой информации [6].

На сегодняшний день партнёрская сеть «Институт Пушкина» объединяет организации из 17 стран мира. Подобные центры создаются на базе зарубежных образовательных организаций, заинтересованных в предоставлении дистанционного образования на русском языке, в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» (ФЦПРЯ), реализуемой Министерством образования и науки Российской Федерации. Развитие

партнёрской сети «Институт Пушкина» называется важнейшим инфраструктурным проектом ФЦПРЯ.

Одним из ресурсов, к которым должен быть обеспечен доступ в сети «Институт Пушкина», значимой платформой по продвижению образования на русском языке является портал «Образование на Русском», запущенный в сентябре 2014 года. Портал разрабатывался Государственным институтом русского языка имени А. С. Пушкина совместно с 20 российскими вузами из 9 регионов России. Портал включает в себя курсы по обучению русскому языку как иностранному, школу профессиональной подготовки преподавателей русского языка, общеобразовательные курсы на русском языке (различной тематической направленности), раздел по обучению русскому языку детей-билингвов, мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» и т.д.

На данный момент на портале зарегистрировано 1 131 474 человек, однако разработчики проекта планируют, что к концу 2020 года количество пользователей составит уже 10 миллионов человек.

Отметим, что за время существования портала его структура и содержание несколько раз подвергались существенной переработке. Это было связано с отсутствием на момент его запуска чёткого понимания принципов создания дистанционных образовательных ресурсов; интересов и потребностей целевой аудитории.

Об этих недостатках свидетельствует и то, что в первые два года существования портала количество его зарегистрированных пользователей составляло чуть более 300 000 человек при заявленных 1,5 миллиона. При этом, по статистике, каждый из пользователей портала проводил на нём около 5 минут. Значительный рост пользователей в последний год свидетельствует о существенных изменениях в содержании портала. Так, на нём стали проводиться вебинары и онлайн-лекции, олимпиады по русскому языку и т.д., что позволило привлечь большое количество людей. Однако для достижения 10 миллионов постоянных пользователей portalу необходимо продолжать работу над совершенствованием контента, который позволил бы охватить более широкий круг пользователей.

Ещё одним возможным направлением продвижения образования на русском языке видится *создание филиалов ведущих российских вузов в зарубежных странах*. На сегодняшний день такая деятельность ведётся, но является в основном инициативой самих вузов. Так, например, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова имеет 6 филиалов (5 из них в странах СНГ). В этом году планируется открытие филиала МГУ в Словении.

Создание филиалов ведущих российских вузов на территории иностранных государств будет способствовать повышению доступности и престижности образования на русском языке, наравне с реализуемыми

направлениями государственной политики в сфере продвижения русского образования.

Итак, исходя из сказанного выше, можно констатировать, что продвижение образования на русском языке сегодня входит в перечень государственных приоритетов, реализуется посредством ряда значимых мероприятий. Думается, что скоординированная, планомерная работа по достижению поставленных целей позволит добиться заметных результатов.

Литература

1. Козловцева Н. А. Русский мир как коллективная идентичность: 50 оттенков русскости // Культурная память и культурная идентичность : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых учёных (XI Колосницынские чтения) / науч. ред. Н. Б. Кириллова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 292–296.
2. Концепция государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом : утверждена Президентом РФ 3 ноября 2015 г. [Электронный ресурс] . – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71145978/>
3. Концепция «Русская школа за рубежом» : утверждена Президентом РФ 4 ноября 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71145980/>
4. Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации : статистический сборник. Выпуск 12. – Москва : Центр социологических исследований, 2015. – 196 с.
5. Постановление Правительства № 211 «О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров» (ред. от 10.02.2017) [Электронный ресурс]. – URL: <http://5top100.ru/documents/regulations/673/>
6. Постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 г. N 481 «О федеральной целевой программе “Русский язык” на 2016–2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/71032818/>
7. Приказ Министерства образования и науки РФ от 3 октября 2014 г. N 1304 «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке» [Электронный ресурс]. – URL: <http://минобрнауки.рф/документы/4853/файл/3745/m1304.pdf>
8. Nye Jr., Joseph S. *Soft Power. The means to success in world politics*. N.Y. : Public Affairs, 2004. – 193 p.

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ВОСПИТАНИЯ

13.00.00 – Педагогические науки

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО- КУЛЬТУРНОЙ АКТИВНОСТИ МОСКОВСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Евгения Вячеславовна КЛИМКОВИЧ,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин и истории права Московского городского университета управления Правительства Москвы, г. Москва, Россия

e-mail: klimkovich.ev@mail.ru

В статье предпринята попытка теоретического осмысления возможности развития социально-культурной активности студенчества как стратегического ресурса развития общества в целом и сферы культуры в частности. Исследованы роль, место, возможности и особенности социально-культурной деятельности в данном контексте. Представлен анализ практики реализации социально-культурного проекта, направленного на повышение уровня социально-культурной активности московского студенчества. Одним из значимых аспектов реализации деятельности по формированию личности, адекватной запросам общества, средствами социально-культурной деятельности, по мнению автора, является формирование специфической среды и соблюдение ряда условий, дающих возможность получения необходимого результата деятельности.

Ключевые слова: социально-культурная активность, социальное партнёрство, гражданская инициатива, социальная ответственность, креативные индустрии, творческо-производственная деятельность, образовательный процесс, проект.

DEVELOPMENT OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY OF MOSCOW STUDENTS IN THE CONTEXT OF PROJECT ACTIVITIES

E. V. Klimkovich, Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of social and humanitarian disciplines and history of law, Moscow Metropolitan Governance University, Moscow, Russia

e-mail: klimkovich.ev@mail.ru

The article attempted to theoretical reflection on the possibilities of development of social and cultural activity of students as a strategic resource the development of society as a whole, and the sphere of culture, in particular. Researched the role, location, features and social and cultural activities in this context. An analysis of the practice of implementing social and cultural project, aimed at improving the social and cultural activity of the Moscow students. One of the significant aspects of implementing adequate identity formation activities demands of society by means of social and cultural activities, according to the author, is the formation of specific environment and compliance with a number of conditions designed to achieve a specific result of the activity.

Key words: social and cultural activity, social and cultural project, social partnership, civil initiative, social responsibility, creative industries, creative and production activity, educational process.

Проблема развития социально-культурной активности московского студенчества является одной из наиболее актуальных проблем сегодняшнего дня. Ежегодно ряды московских вузов пополняют тысячи молодых людей, и большинство из них – это приезжие. Они оказываются в совершенно новой для них социально-культурной среде. Москва открывает перед вновь прибывшими широкие возможности для проведения досуга, саморазвития, самореализации. При контакте с иной социально-культурной средой молодые люди испытывают трудности по её освоению, что нередко приводит к диаметрально противоположному эффекту – возникновению различного рода девиаций.

Актуальной становится проблема поиска форм и методов работы, способствующих адаптации молодых людей к новым условиям, формированию их личности, отличающейся способностью к саморазвитию и самостоятельному решению вопросов социального функционирования.

Вторым важным аспектом рассматриваемой проблематики является формирование у студентов понимания значимости собственного творческого и интеллектуального потенциала для развития социально-культурной среды. Адекватная адаптация молодых людей к новым условиям позволит рассматривать их как важнейший стратегический ресурс развития города.

Одним из направлений деятельности по интеграции студентов в социально-культурное пространство может выступать развитие социально-культурной активности через участие в культурных проектах и мероприятиях.

Существенный вклад в раскрытие характеристик феномена социально-культурной активности, ценностных ориентиров молодёжи, подходов к организации проектной деятельности в исследуемом контексте внесли К. И. Вайсеро, И. А. Герасимова, Ю. Д. Красильников, О. Ю. Мацукевич, Ю. А. Стрельцов, Е. Ю. Стрельцова, Н. В. Шарковская, Н. Н. Ярошенко и другие [см.: 2; 3; 5; 6; 7; 10; 11].

Так, в исследованиях Н. Н. Ярошенко подчёркивается, что на современном этапе развития общества формируется новая парадигма социально-культурной деятельности, суть которой состоит в развитии социальной активности граждан, что неразрывно связано со свободой и социальной ответственностью личности, проявлением сущностных свойств социального субъекта, активностью, находящей выражение в деятельности. Основным признаком формирующейся парадигмы является привнесение в теорию социально-культурной деятельности представлений и постулатов духовно-ценностного порядка. Формирующаяся парадигма отражает поиск новых подходов к организации социально-культурной деятельности, которые приводят к изменению общественного сознания, позволяют разделить между государством и его членами ответственность по сохранению и развитию общества [11].

Н. В. Шарковская определяет понятие «социально-культурная активность» как качество личности, формирующееся на основе внешних (общественных) и внутренних (психолого-педагогических) факторов, проявляющихся в разных сферах социально-культурной деятельности, и выделяет два класса изучаемого феномена – с творческой и формальной выраженностью [10, с. 15].

Первый класс характеризуется способностью личности к преобразовательным процессам и выработкой собственных моделей социального поведения, второй – отсутствием желания к развитию творческого мышления и социальным инфантилизмом [10, с. 28–29].

Исследователь выделяет три ступени развития социально-культурной активности. На первой, начальной, ступени превалирует эмпирическая составляющая жизненного опыта личности, выраженная конкретными переживаниями культурных событий, имеющих преднамеренный характер. Степень свободы выбора личностью предметных социальных действий незначительна, речь идёт о личностном влечении.

На второй, средней, ступени личность начинает осознавать потребность в социальном взаимодействии с другими субъектами досуговых мероприятий, что способствует проявлению свободы воли в русле стандартов культурной деятельности.

Третья – высшая ступень, на которой прослеживается высокая концентрация эмпирического сознания личности, что создаёт условия для постановки и реализации целей, востребованных в среде конкретной культурной деятельности, для структурирования жизненного опыта личности, обладающего самостоятельной ценностью и способностью актуализироваться во вполне соответствующей культурным интересам ситуации [8, с. 116–121].

Социально-культурная активность представителей студенчества может проявляться через участие в общественных движениях, социально

полезной и культурно-досуговой деятельности, в деятельности по реализации культурных проектов и мероприятий, а также через инициацию перечисленных видов деятельности. Простое участие или вовлечённость студента в мероприятия может рассматриваться как низшая или средняя (при регулярном участии) степень его активности, а инициация проектов – в качестве своеобразного показателя высокой степени.

Как активная, так и пассивная включённость личности в культурные проекты и мероприятия позволяет человеку расширить свой диапазон знаний, а при активных формах деятельности – овладеть умениями и навыками.

Обратимся к исследованию в области педагогики досуга Ю. А. Стрельцова и Е. Ю. Стрельцовой, которые выделяют несколько сформировавшихся в ходе исторического развития подходов к осмыслению функциональности социально-культурной деятельности. Первый основывается на содержательно-целевом признаке и включает следующие функции: просветительно-воспитательную, культуротворческую и организации отдыха и развлечения. Основание второго – функции производства, сохранения, распространения и усвоения культурных ценностей. В третьем подходе добавляются функции организации коллективной эмоциональной жизни, формирования общественного мнения, создания культурно развивающей среды, коммуникативная и другие [7, с. 72–78].

Здесь же отмечается, что на современном этапе получил распространение подход, в рамках которого решается проблема всех реально существующих видов социально-культурной деятельности и синтезируются три вектора её развития – культура, общество, человек. Происходит выход на потребности и запросы человека, общества и самой культуры как относительно самостоятельного феномена общественной жизни. Производными векторов становятся креативная, социоорганизующая и личностно-развивающая функции.

Креативная функция проявляется через культуротворческую составляющую процесса организации досуга, когда досуговые занятия превращаются в культуротворческий фактор.

Социоорганизующая функция проявляется через возрастающую роль культурного досуга в духовном приобщении человека к социуму, социализацию и социальную адаптацию личности, укрепление общественных связей между людьми.

Личностно-развивающая функция – через приобщение людей к системе культурных ценностей, в процессе которого происходит целенаправленное развитие основных личностных потенциалов, включая познавательный потенциал (что человек знает), ценностно-ориентационный (что человек ценит), творческий (что и как человек создает), коммуникационный (с кем и как человек общается) [7, с. 29–30].

Теоретические изыскания в области развития социально-культурной активности только тогда являются действительно ценными, если находят отражение в практике проектной деятельности. Здесь следует отметить, что основанием для реализации проектов подобного рода является деятельностный подход, истоки которого берут начало в трудах Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева [см.: 1; 4].

Суть подхода состоит в том, что процесс обучения – это, прежде всего, деятельность самого обучаемого. Личность не может рассматриваться вне контекста её деятельности, вне её взаимодействия с окружающим миром, взаимоотношений с другими людьми, поскольку сама личность формируется в системе этих отношений. Знания приобретают личностную значимость только в том случае, если они получены в процессе самостоятельной исследовательской деятельности. Функциональные обязанности организаторов проекта при таком подходе сводятся к тому, что они лишь направляют деятельность участников, содействуют их эффективной исследовательской деятельности и помогают подвести её итоги. Подход предполагает соответствие системе дидактических принципов: деятельность – знания передаются в процессе осознанной деятельности; непрерывность – преемственность между ступенями передачи знаний, от простого к более сложному; целостность – знания не должны передаваться фрагментарно, должна формироваться целостная картина мира и своего места в нём; комфортность – предполагает исключение стрессообразующих факторов; вариативность – возможность развития вариативного мышления, понимание существования нескольких вариантов решения проблемы, выбор оптимального; творчество – ориентация на творческое начало личности.

В контексте рассматриваемой проблематики рассмотрим такой проект, как «Школа молодого москвича», который реализуется Государственным бюджетным учреждением культуры города Москвы «Московский многофункциональный культурный центр», начиная с 2014 года. Целевой аудиторией этого проекта является молодёжь, в частности московское студенчество, как стратегический ресурс развития общества. Основная идея состоит в том, чтобы помочь молодым горожанам сориентироваться в столице, пробудить интерес к культурным объектам города, к получению новых знаний о культуре и традициях. Второе предназначение – познакомить студентов московских вузов, приехавших из других городов, с правилами культуры поведения в Москве и тем самым помочь им адаптироваться к жизни большого города¹.

Для реализации идеи используются следующие формы работы: мастер-классы, семинары, лекции, городские квесты, интерактивные тре-

---

¹ Официальный сайт Московского многофункционального культурного центра: <http://m-c-m-c.ru/pages/o-tsentre> (дата обращения 21.04.2017 г.).

нинги, пешеходные экскурсии по городу, конкурсы. Занятия ведут профессионалы в области искусства, истории, культуры.

Проект реализуется через прохождение серии последовательных этапов. На первом, основном, этапе организуются встречи, семинары, лекции, дискуссии. Студенты получают знания о городе и о том, как можно сделать свою жизнь в городе интереснее. На втором этапе организуются выездные школы для студентов 1–2 курсов, проживающих в общежитиях. Выездные сессии предназначены для закрепления знаний в области проектирования и овладения навыками командной работы по созданию и реализации социально-культурных проектов.

На итоговом этапе студенты приглашаются к участию в ежегодном межвузовском конкурсе «Культурные игры», цель которого – поддержка студенческих социокультурных инициатив, соответствующих приоритетным направлениям развития культурной политики города Москвы.

Задачи конкурса: выявление и продвижение эффективных программ, а также технологий привлечения студенческой молодежи города Москвы к участию в общественно полезной деятельности; формирование сообщества студенческих лидеров для дальнейшей организационной и культурно-просветительской работы среди московской молодежи; создание условий для самореализации студентов, содействие и помощь в раскрытии и реализации их личностного и профессионального потенциала; привлечение внимания московских студентов к культурным объектам и событиям столицы.

Достижение цели проекта обеспечивается созданием целого ряда условий: восприятие участника, вовлеченного в процесс социально-культурного проектирования, как субъекта деятельности, как непосредственного проектировщика; наличие познавательного мотива у субъекта деятельности; единство содержательного и образовательного; высокая степень слияния субъекта деятельности и общности (или организации); постановка цели и задач, при которых проектирование деятельности осуществляется субъектом деятельности совместно с профессионалами. Такой подход обусловлен потребностями, системой мотиваций человека, формирующимися целями и задачами, которые обеспечат стимулирующее и развивающее воздействие на всех вовлеченных в процесс участников. В процессе участия происходит перевод действий с внешнего плана на внутренний план участника. В результате его интеллектуальной работы возникают идеи новых проектов, желание участия в них в новом качестве – очевиден переход от пассивных действий к действиям активным.

Реализация проекта основывается на понимании того, что каждая из задач субъекта деятельности должна становиться целью, результат достижения которой выражается в виде обретения конкретных знаний и навыков в области решения поставленной задачи.

Существо деятельности рассматривается:

– как решение задач, где главным является не нахождение правильного ответа, а сам процесс его получения – как способ деятельности, при этом деятельность одновременно является и целью, и результатом;

– как осознание того, что главным результатом деятельности являются изменения в субъекте деятельности, которые выражаются в повышении уровня его компетентности;

– как формирование понимания, что продукт деятельности (знания, умения, навыки) должен стать свойством субъекта.

Создание всех перечисленных условий направлено на развитие высшего уровня социально-культурной активности представителей студенческого сообщества, при котором участники не просто проявляют интерес к проекту и демонстрируют готовность к участию в подобных проектах, а когда у них появляется стойкая потребность к самостоятельному осуществлению подобного рода деятельности.

Практика развития социально-культурной активности студенчества в условиях проектной деятельности на локальном (вузовском) уровне получает всё большее распространение. Так, например, в Московском городском университете управления Правительства Москвы на кафедре социально-гуманитарных дисциплин и истории права с 2015 года на основе исследуемого подхода успешно реализуется проект «Лаборатория квеста».

Рассмотренный в статье подход будет способствовать не только адаптации молодых людей к новым условиям социального функционирования, но и обеспечит вовлечение московского студенчества как важнейшего стратегического ресурса города и носителя огромного интеллектуального потенциала в решение ряда важных городских проблем социокультурного характера.

Литература

1. *Выготский Л. С.* Мышление и речь : Психика, сознание, бессознательное : собрание трудов / текстологический комментарий И. В. Пешкова. – Москва : Лабиринт, 2001. – 366 с.
2. *Вайсера К. И.* Средства культуры как инструмент формирования социальной адекватности будущих управленцев // Вестник Таджикского национального университета. – 2016. – № 3–4 (205). – С. 130–136.
3. *Герасимова И. А.* Роль личностно-ориентированного подхода в выборе форм досуга молодёжью // Культура и образование : научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. – 2014. – № 2 (13). – С. 15–19.
4. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание, Личность. – 2-е издание. – Москва : Политиздат, 1977. – 304 с.
5. *Мацукевич О. Ю.* Развитие социального партнёрство в сфере культуры // Социально-культурная деятельность в условиях модернизации России :

- сборник статей по метариалам Всероссийской научно-практической конференции (24–25 января 2013 года). – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУКИ, 2013. – С. 252–258.
6. *Мацукевич О. Ю., Климкович Е. В.* Метод организационно-деятельностной игры в обучении основам социально-культурного проектирования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 6 (74). – С. 160–165.
  7. *Стрельцов Ю. А., Стрельцова Е. Ю.* Педагогика досуга : учебное пособие. – 2-е изд, испр., и доп. – Москва : МГУКИ, 2010.
  8. *Шарковская Н. В.* Социально-культурная активность – понятие современной социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 3 (71). – С. 116–121.
  9. *Шарковская Н. В.* Генезис понятия «социально-культурная активность» // Социально-культурная деятельность: опыт исторического исследования Вып. 3 : сборник статей / науч. ред. Е. М. Ключко, Н. Н. Ярошенко. – Москва : МГУКИ, 2013. — С. 72–81.
  10. *Шарковская Н. В.* Формирование социально-культурной активности личности в учреждениях культуры и образования: структурно-функциональный подход : автореферат дис. на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 13.00.05, 13.00.08 / Шарковская Наталия Владимировна ; [Место защиты: Моск. гос. ун-т культуры и искусств]. – Москва, 2009. – 48 с.
  11. *Ярошенко Н. Н.* История и методология теории социально-культурной деятельности : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 071800 – Социально-культурная деятельность. – [Изд. 2-е, испр. и доп.]. – Москва : МГУКИ, 2013. – 455 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

Галина Станиславовна ТИХОНОВСКАЯ,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурно-досуговой деятельности факультета социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, г. Москва, Россия

e-mail: galina_tikhonovskaya@mail.ru

В центре внимания автора – вопросы мировоззренческих ценностей народной педагогики, современное состояние функционирования народной культуры в социокультурном пространстве российского гражданского общества, проблемы воспитания подрастающего поколения на основах народных традиций, выступающих определяющим фактором сохранения духовных связей грядущих поколений с историческим прошлым своей страны, и другие. Здесь же автор ставит вопрос оптимизации функционирования народной художественной традиционной культуры в социокультурном пространстве общества, актуализируя такие направления, как активное включение подрастающего поколения во все виды народного творчества, возрождение фестивалей народного творчества, системная пропаганда народной культуры в средствах массовой информации.

Ключевые слова: фольклор, народные традиции, народная педагогика, народная драматургия, метод обрядовой игры, фольклорная культурно-досуговая программа.

ACTUAL PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF NATIONAL TRADITIONS IN THE ACTIVITIES OF CULTURAL INSTITUTIONS

G. S. Tikhonovskaya, Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of cultural and leisure activities, Faculty of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: galina_tikhonovskaya@mail.ru

The focus of the author are questions of ideological values of folk pedagogy, the current state of the functioning of national culture in social and cultural space of the Russian civil society, the education of the younger generation on the basis of national traditions, the determining factor in maintaining spiritual ties future generations with the history of their country, etc. Here, the author raises the question of optimizing the functioning of the national art of traditional culture in social and cultural space of society, actualizing areas such as active involvement of the younger generation in all kinds of folk art, the revival of folk arts festivals, systematic propaganda of national culture in the media.

Key words: folklore, folk traditions, folk pedagogy, folk drama, the method of ritual games, folk cultural and leisure program.

В условиях тотального расширения процессов глобализации и, как следствие, стирания границ национальных культур, значительно возрастает роль возрождения, сохранения и трансляции социально-культурных ценностей народной традиционной культуры. Известно, что народная культура выступает «защитным механизмом» [8, с. 55], способствующим сохранению и развитию духовной связи грядущих поколений с историческим прошлым своей страны.

Стоит вспомнить, что в октябре 2006 года в Москве в Центре международной торговли на Краснопресненской состоялся Первый Всероссийский форум «Россия праздничная», ставивший своей задачей широкую презентацию уникальных праздничных событий и творческого потенциала России, а также организацию диалога по проблемам отечественной праздничной культуры между обществом, властью и бизнесом. В обращении Координационного совета было сказано следующее: «Праздники – это не просто отрасль нематериального производства, а система, прямо влияющая на общественное устройство в целом. И недооценивать это просто опасно! Праздники – дань истории великой страны и её народа, это сбережение уникальных многонациональных традиций, это нравственное и духовное воспитание граждан России».

Ещё не так давно источником широкой пропаганды народной художественной культуры являлось отечественное телевидение. В эпоху социализма уделялось достаточно большое внимание развитию народного творчества. Специализированные телевизионные передачи и постоянные развёрнутые репортажи о фактах и событиях в сфере фольклорного творчества давали возможность широким массам телезрителей знакомиться с национальными особенностями фольклорной культуры многочисленных народов СССР, в живых картинах увидеть, например, молдавский зимний праздник «Плугошор», эстонский праздник «День старого города», всенародно любимый гоголевский праздник «Ярмарка в Сорочинцах», проходивший ежегодно в августе в знаменитой Диканьке на Полтавщине, белорусские фольклорно-обрядовые праздники «Колядки», «Купалы» и многие другие. Телевизионная программа «Радуга», существовавшая на телевидении не один год, знакомила телезрителей с уникальным фольклором народов мира.

Сегодня, к сожалению, на отечественном телевидении программы, посвящённые как русской, так и традиционной культуре других народов Российской Федерации, имеют весьма эпизодический или периферийный характер. Телевидение, в силу своей специфики, обладая мощными видеозрелищными и коммуникативными свойствами, могло бы сыграть значительную роль не только в развитии и распространении ценностей народной художественной культуры, но и способствовать формированию на этой основе национального самосознания, возрождению национальной

идеи единства нашего современного гражданского общества, что является весьма актуальным в настоящее время.

Вышедший в 1988 году сборник научных статей, посвящённый проблеме народного творчества в век телевидения, порадовал и даже восхитил не только научно-техническим подходом к пропаганде народных традиций, но и духовно-патриотической и гражданской направленностью и осознанием роли народного творчества в социокультурной практике нашего общества. Но, к сожалению, такие конструктивные высказывания авторов статей, как «... телевидение способствует сохранению традиционной культуры, делая достоянием зрителей те формы общения и передачи культурной информации, которые почти исчезли из нашей повседневности...», «... оно (телевидение. – Г. Т.) стало выполнять функцию своеобразного источника знаний во многих областях народной культуры...», «... средствам массовой коммуникации ... предстоит сыграть особую роль ... в освоении фольклорного наследия...» и другие, остались забытыми в научной литературе [7, с. 69, 19].

Нельзя не согласиться с мнением исследователя А. Сокольской о том, что в России только кое-где ещё сохранились «остатки подлинного музыкального фольклора, устной поэзии, ремёсел, старой праздничной культуры [7, с. 3]», но и это время стремительно и безвозвратно уходит. В связи с этим всё больше возрастает фактор репродуктивного воспроизведения, сохранения и передачи молодому поколению бесценных образцов народной художественной культуры.

В структуре народных традиций народная художественная культура занимает особое место. Народные художественные традиции, бытовавшие как естественная часть жизни людей в прошлые века, в настоящее время являются историко-культурным наследием, ценнейшим архивом народной культуры, хранящимся в описаниях историков-этнографов, искусствоведов, литературоведов и других любителей-собираателей.

Научные исследования в области народной художественной культуры показали, что фольклор, являясь самым искренним искусством, обладает важнейшим и бесценным качеством: в живых формах – песенных, музыкальных, пластических, поэтических, игровых – передавать тончайшие оттенки живого народного духа, историю бытования людей в ту или иную эпоху. Социокультурным следствием этого народного художественного процесса выступает уникальное явление – *народная педагогика* (термин введён К. Д. Ушинским), вобравшая в себя лучшие черты народной мудрости, её мировоззренческие идеалы человеческого общежития, отражённые в сказках, пословицах, поговорках, песнях, праздниках, обрядах, играх, народных промыслах. Формирующим компонентом выступает содержание этих форм, в центре которого находится понимание добра и зла, этические нормы человеческих взаимоотношений, поэтика повсе-

дневной жизни человека, его труда и отдыха. Доминантой данного содержания выступает мысль, отобранная и отшлифованная в течение многих веков, имеющая универсальное преемственное значение для последующих поколений.

А. Н. Толстой так оценил это явление: «Русский народ создал огромную изустную литературу: мудрые пословицы и хитрые загадки, весёлые и печальные обрядовые песни, торжественные былины – говорившиеся нараспев под звон струн о славных подвигах богатырей, защитников земли народа – героические, волшебные, бытовые и пресмешные сказки. Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов [3, с. 3]».

В недрах ещё древней народной художественной культуры возникло и развилось особое художественное явление – *народная драматургия*, воплотившая в художественном действии лучшие черты и духовные ценности народной педагогики. Так, первые досуговые формы, например, древних славянских народов функционировали в условиях пространственной среды живой природы. Объектный мир этой природы – деревья, растительность, животные, вода, земля, солнце – наполняли содержанием досуговые формы – игры, песни, хороводы, обрядовые действия. Органическое единство этих форм досуга с пространственной средой живой природы формировало духовную природу человека, её высшие качества, отождествлённые с этой родной средой обитания. В процессе этого художественно перевоплощённого досугового действия формировалась любовь к родной земле, нравственные качества, культура человеческого общения, её житейские нормы, традиции досуга, о чём явно свидетельствуют сохранившиеся раритеты русской народной художественной культуры.

Драматическое начало форм народной художественной культуры предопределило возникновение, становление и развитие специфического художественного метода – *метода обрядовой игры*. В процессе становления и развития этого метода рождались его сущностные свойства и характеристики – *традиционность, вариативность, импровизационность, синкретичность* [1, с. 6–11], которые с особой силой проявлялись в праздничной народной культуре.

Традиционность предполагала установление повторяемости заданных действий, отражающих эмоционально-образную специфику праздничного события. Новые элементы рождались на основе уже устоявшейся традиции и служили её дополнением и развитием. Это предопределяло

вариативность обрядового действия, обусловленного географической и диалектной средой, индивидуальным характером и манерой исполнения данного действия. *Вариативность* – способ существования фольклорной традиции. Благодаря этому свойству создаётся целостное представление о её историческом развитии, выделении в этой традиции наиболее существенных устоявшихся обрядовых элементов, сохраняющих исторический образ народного праздничного события. Вариативность обуславливала *импровизационность* обрядового действия, обогащение его новыми эмоционально-выразительными красками, что способствовало творческому развитию народных традиций.

Синкретичность предопределяла особый драматургический способ организации фольклорной формы, органично соединявший традиционный комплекс художественно-выразительных средств – слово, музыку, песню, танец, игру, но при этом центром праздничного народного действия являлось обрядовое действие, обладавшее сакраментальным смыслом.

Следует подчеркнуть, что единой структуры обрядовой игры в праздничных фольклорных формах не существует. Каждый исторически сложившийся народный праздник имел свою специфическую обрядность. Достаточно сопоставить структуру свадебного обряда, масляной недели, троицко-семицкую обрядность и другие. Но при этом в каждой праздничной фольклорной форме обязательными структурными элементами являлись: устное слово, ролевая игра, хоровод, пляска, песня, в том числе частушка, музыкальная игра на народном инструменте и собственно обряд как особое священнодействие.

Фольклорные культурно-досуговые программы учреждений культуры являются важнейшим средством пропаганды народных художественных традиций. Фольклорную программу мы рассматриваем как особый тип культурно-досуговой программы, основным типологическим признаком организации которой выступает *метод обрядовой игры*. Технологические свойства данного метода проявляются в организации фольклорного действия, в использовании специфических способов и приёмов народной драматургии, органично соединяющих песенно-поэтическое слово, танец, музыку, игру, обрядовое действие, наполненные образным содержанием. Определяющим фактором создания фольклорной программы выступает особая форма художественного мышления – *фольклорное мышление* сценариста-постановщика программ, а именно – его способность создавать в стилизованном обрядово-игровом действе образ народного духа, народного бытия, исторически ушедшего времени и тем самым укреплять позиции для сохранения и преемственности развития народных традиций, народной художественной культуры.

В этом процессе, безусловно, ведущую роль играют профессиональные, а также любительские коллективы, функционирующие в учрежде-

ниях культуры, которые в различных формах – песенных, музыкальных, танцевальных, обрядово-игровых – с этнографической точностью могут передавать историю бытования людей в ту или иную эпоху. В то же время возрастает значение организации фольклорных культурно-досуговых программ, вариативность и содержание которых не имеет художественных ограничений.

Эффективной формой деятельности учреждений культуры является художественно-публицистическая просветительская фольклорная программа. Такая программа, моделируемая на основе принципа иллюстрации, предполагает освещение фактов и сведений о традициях народной культуры, как исторического прошлого, так и фольклорных процессов, происходящих в современной социокультурной практике нашего общества.

Примером может служить учебная фольклорная просветительская программа «Красная книга Руси», которая была осуществлена автором статьи со студентами заочного отделения кафедры культурно-досуговой деятельности Московского государственного института культуры. Идеинотематической основой данной программы явилась статья известного журналиста В. Пескова «Прошлое в настоящем», поднимавшая проблему бережного отношения и сохранения бесценных раритетов русской народной старины – праздников, обрядов, игр, бытовой утвари, художественных промыслов, старинных архитектурных сооружений, призывая всем миром, сообща вести Красную книгу Руси. В данной учебной программе студенты показали такие фрагменты народной культуры, как «Театр Петрушки», «Ярмарка», «Девишник», обрядовый элемент праздника «Иванов день» – гадания девушек на венках, скоморошьи репризы и розыгрыши.

Весьма необходимой, на наш взгляд, является разработка моделей фольклорных программ для детей и подростков. Согласно мнению современных учёных-фольклористов, пристрастие к компьютерным играм, Интернету отдаляет детей от национального культурного наследия, что приводит к утрате отечественных традиций. Содержание многих телевизионных программ, построенных на чуждых иностранных образцах, усугубляет эту проблему. В то же время богатство детского фольклора трудно переоценить. Согласно исследованиям, детский фольклор – это инструмент защиты и сохранения душевного и физического здоровья ребёнка, его социализации, формирования связей между поколениями, любви к ближнему и к своей родине. Связь детского фольклора с живой природой, художественная образность, неизменная мировоззренческая направленность детских сказок (нравственная победа добра над злом) – всё это способно сформировать те черты будущей личности, которые всегда составляли базовую нравственную основу общества. Создание детских театрализованных культурно-досуговых программ на фольклорной основе, включающих в драматургически организованное игровое дей-

ство русские сказки, былины, сказания и другие формы народного устного и музыкального творчества, будет способствовать укоренению народных ментальных традиций в сознании подрастающего поколения.

Самой эффективной формой, используемой в учреждениях культуры, является фольклорное театрализованное представление, посвящённое календарному праздничному событию. Такое представление, осуществляемое по законам народной драматургии, предполагает широкий и необходимый набор эмоционально-выразительных средств, среди которых поэтическое слово, песни, частушки, хороводы, скоморошьи репризы, элементы обрядового действия. При этом существенным признаком фольклорного представления является его сюжетная основа. Моделирование сюжета может опираться на былины, легенды, сказки и сказания, а также на литературные произведения. Так, на кафедре культурно-досуговой деятельности Московского государственного института культуры были осуществлены уникальные разработки учебных фольклорных программ по пьесе А. Н. Островского «Снегурочка» (художественный руководитель курса И. Г. Складар), по сказке А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане...» (художественный руководитель курса Г. Г. Вельская), лично автором были осуществлены разработки и постановки фольклорных театрализованных представлений по мотивам произведений П. П. Бажова «Уральские сюжеты», традиционного праздника «Ночь на Ивана Купалу».

В заключение отметим: в условиях восстановления и укрепления государственности в современной России с новой силой актуализируются проблемы возрождения и воспитания духовной самобытности российского гражданского общества, и в этом процессе формирующее значение народной традиционной культуры трудно переоценить.

Без культурного наследия нет нации – главная мысль, прозвучавшая на Форуме культуры в Санкт-Петербурге (декабрь 2016 года), что ещё раз подтверждает значение народной традиционной культуры в духовной стабилизации и консолидации российского гражданского общества. В настоящее время важно расширять социокультурное пространство функционирования данной культуры в жизнедеятельности нашего общества. Оптимизация этого процесса нам представляется в актуализации следующих направлений:

- активное включение и подрастающих поколений, и взрослого населения во все виды и формы народного творчества в учреждениях культуры и дополнительного образования;
- широкое и систематическое освещение народных традиций в средствах массовой информации, внедрение в сетку вещания инновационных, креативных теле-, радиопроектов данной тематики;
- возрождение фестивалей народного творчества на различных уровнях – государственном, региональном, областном и уровнях местного

значения, что будет являться существенным фактором укоренения в сознании общества ценностей народной традиционной культуры, выработанных народами и нациями России.

Эффективная реализация данных направлений требует определённой направленности профессионального образования как будущих специалистов, так и настоящих специалистов-практиков учреждений культуры, поскольку именно профессиональное образование, по нашему мнению, является практически единственным фактором, гарантирующим не только непрерывность процесса развития и преемственности передачи народных традиций последующим поколениям, но и фактором обеспечения надлежащего уровня осуществления данной деятельности.

Литература

1. Зуева Т. В., Кирдан Б. П. Русский фольклор : учебник для высших учебных заведений. – 4-е издание. – Москва : Флинта : Наука, 2002. – 400 с.
2. Русские дети : основы народной педагогики : иллюстрированная энциклопедия / [Д. А. Баранов и др.]. – Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2006. – 566 с.
3. Русский фольклор : Песни, сказки, былины, прибаутки, загадки, игры, гадания, сценки, причитания, пословицы и присловья / [сост. и примеч. В. Аникина]. – Москва : Художественная литература, 1986. – 367 с.
4. Солодухина Т. К., Солодухин В. И. Основные направления воспитания этнокультурной ответственности в национально-культурных центрах // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 3 (65). – С. 137–143.
5. Стрельцова Е. Ю. Развитие научных знаний о народном художественном творчестве в системе художественного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 2 (58). – С. 256–262.
6. Тихоновская Г. С., Сапарова Ю. А. Константность и трансформация казахских народных обрядовых традиций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 3 (65). – С. 143–147.
7. Фольклор и викторина : Народное творчество в век телевидения : сборник статей / отв. ред. В. Н. Максимов, А. Л. Сокольская ; ВНИИ искусствознания. – Москва : Искусство, 1988. – 208 с.
8. Шубин Ю. А. Социально интеграционные функции народного творчества // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 5. – С. 55–59.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЁЖИ

Ирина Алексеевна ГЕРАСИМОВА,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, г. Москва, Россия

e-mail: gerasimova-ira@mail.ru

Софья Сергеевна ГУСЕНКОВА,

магистрант кафедры социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, г. Москва, Россия

e-mail: swim_sonya@mail.ru

В данной статье рассматривается проблема идентичности как нации в целом, так и отдельной личности. отождествляя себя с определённым социумом, человек определяет для себя социальные роли, регламенты поведения и прочее. Базой для включения в активную социальную жизнь, развития творческого потенциала, создания бесстереотипного коммуникационного поля, формирования ценностных ориентаций является социально-культурная деятельность, осуществляемая учреждениями дополнительного образования, в частности этнокультурными центрами, на основе использования культурно-образовательных, культуротворческих, информационно-просветительных, рекреационных, образовательных, исследовательских технологий, а также технологий межкультурного и межнационального обмена и сотрудничества. Её важнейшей целью является саморазвитие и самообразование личности, расширение коммуникативной зоны общения, формирование ценностных ориентаций, активизация творческого потенциала участников, помощь в изучении истории и традиций нации, создание условий для самоопределения и самоидентичности личности.

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, социально-культурная деятельность, межкультурное взаимодействие, этнокультурные центры, досуг, молодёжь.

FORMATION OF THE YOUNG'S ETHNOCULTURAL IDENTITY

I. A. Gerasimova, Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of Department of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: gerasimova-ira@mail.ru

S. S. Gusenkova, graduate student of the Department of social and cultural activities, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: swim_sonya@mail.ru

This article examines the problem of identity as a nation as a whole, as well as an individual. Identifying himself with a certain society, a person determines for himself social roles, rules of conduct and so on. The basis for the inclusion in an active social life, the development of creative potential, the creation of a non-stereotyped communication field, the formation of value orientations is the social and cultural activity carried out by institutions of additional education, in particular ethnocultural centers, through the use of cultural, educational, cultural, information, educational, recreational, educational, research technologies, as well as intercultural and interethnic exchange technologies and cooperation. Its most important goal is the self-development and self-education of the individual, the expansion of the communicative zone of communication, the formation of value orientations, the activation of the creative potential of participants, assistance in studying the history and traditions of the nation, creating conditions for self-determination and self-identity of the individual.

Key words: ethnocultural identity, welfare activity, cross-cultural interaction, ethnocultural centers, leisure, youth.

Стремительные изменения в мире в конце XX – начале XXI века, связанные в первую очередь с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, информатизации, гуманитаризации, резко обострили проблему идентичности. Общество не успевает адаптироваться к геокультурным изменениям, а личность, в свою очередь, приспособиться к социальной реальности. Известный американский политолог С. Хантингтон определил, что когда социум, группы ставят перед собой следующие вопросы: «Кто мы такие?», «Откуда мы?» и «Кто не с нами?», это говорит о вспышке глобального кризиса идентичности. Данные вопросы являются центральными не только для народов, пытающихся построить новые национальные государства, но и для многих других людей, которые стремятся к саморазвитию и самореализации, поиску новых ценностей [10, с. 59–60].

Молодёжь является самой незащищённой группой населения, подверженной влиянию извне. Причинами социально-культурной незрелости личности являются следующие факторы: разрыв связей современного поколения с предыдущим поколением; незнание истории и традиций своей страны, этнической группы; утрата значительной частью общест-венности общих и личностных идеалов; несформированность культурных ценностей; неспособность молодых людей отождествить себя с национально-государственной системой; нежелание брать ответственность на себя; неумение выстраивать межкультурные и межнациональные отношения.

Поскольку этническая самоидентификация и идентичность исследовались на стыках различных дисциплин, то основные подходы к её изучению можно соотнести с рядом отраслей знания.

В современных условиях наибольшую опасность для традиционной культуры народов и особенно для молодого поколения России представляют процессы не только ассимиляции, но и трансформации культур,

этнический сепаратизм, разрыв общения в пространстве культуры мира, постоянные конфликты на расовой и религиозной почве. Эти и другие составляющие социальной реальности нарушают традиционные формы идентичности, ставят под сомнение субъективные ощущения самоидентичности человека и народов, сформированные в рамках прежних традиций. Былое ощущение своего Я, которое обеспечивалось прежними формами идентичности, пришло в упадок. А интенсивные процессы смешения и наложения культур делают актуальным вопрос сохранения традиционных этнических идентичностей. Эту идею подтверждает Э. М. Андреев, формулируя фундаментальный вопрос, связанный с сохранением и дальнейшим развитием человеческого начала, человечности в самом человеке [1].

В психокультурной плоскости важнейшей проблемой личности становится социально-культурная идентичность. Дело в том, что проблемное поле и эффективность социально-культурной интеграции во многом определяет культурная идентификация – стремление субъекта к социальной консолидации (Э. Дюргейм), желание обрести общность «картины мира», чувство принадлежности к единому историко-культурному базису [2, с. 213].

В психологии появление термина «идентичность» принято связывать с именем Э. Эриксона. Но современные учёные находят истоки этого понятия немного ранее, а именно – в работах З. Фрейда «Толкование сновидений» и «Групповая психология и анализ эго». Он утверждал, что в процессе «идентификации» субъект неосознанно отождествляет себя с другим субъектом, а также он считал «идентификацию» механизмом усвоения ребёнком образцов поведения значимых других. Следует отметить, что в современной психологии принято отличать понятие «идентичность» от понятия «идентификация». Если под первым, вслед за Э. Эриксоном, сегодня понимают некое состояние самоотождествления, то идентификацию определяют как совокупность процессов и механизмов, которые ведут к достижению этого состояния [7].

С точки зрения культурологии, понятие «идентичность» имеет латинские корни и в самом общем виде означает «отождествление». Идентичность – это осознание, ощущение, переживание своей принадлежности к различным социальным группам: национальным, расовым, религиозным, языковым, профессиональным, политическим, а также иным общностям, или отождествление, идентифицирование себя с тем или иным человеком, идеальным образом или художественным персонажем.

Идентичность формируется в процессе сопоставления своих установок и ориентаций с установками и ориентациями других. Поэтому процесс идентификации происходит в рамках межкультурного общения и носит социальный характер.

Этнокультурная (этническая) идентичность – базовая антропологическая потребность. Человек всегда отождествляет себя с определённой культурой и различными её признаками: язык (как правило, родной); традиции и культурное наследие; немаловажную роль в жизни этноса играет образование. Эта тема является важной для понимания этнических проблем, поскольку школа с родным языком преподавания играет значительную роль в сохранении и передаче общественно-исторического опыта последующим поколениям. Этнокультурная идентичность любого народа складывается в результате знания событий своей истории и культуры, развития родного языка, образования, сохранения культурной самобытности, проявления уважительного отношения к другим культурам.

Для того чтобы рассмотреть один из видов идентичности, необходимо обратить внимание на то, что любая идентичность проявляется в коллективной форме – посредством взаимодействия индивида со значимыми другими в рамках единого культурно-символического пространства.

А. Г. Здравомыслов отмечал, что «Мы проявляет себя благодаря тому, что есть некоторые Они, отличающиеся от данного Мы языком, культурой, обычаями и другими характеристиками [5, с. 24]». Для того чтобы человек оставался «самим собой» в изменяющемся мире, понимание себя является совершенно необходимым условием, что предполагает установление как своего отличия от других людей, так и своего сходства с ними в соответствии с особенностями и признаками, характеризующими его идентичность.

В отличие от индивидуальной формы, коллективная форма социальной идентичности, считает И. В. Малыгина, формируется на уровне саморефлексии социума и выражается через язык, обычаи, мифы, религию, культуру, идеологию [6, с. 79–80]. Из этих форм социальной и культурной деятельности – «резервуара коллективной целостности», как называет их Эриксон, – человек определяет собственные социальные роли, регламенты поведения, а также их оценочно-смысловое наполнение. В этом случае базой для включения в активную социальную жизнь, развития творческого потенциала, создания бесстереотипного коммуникационного поля, формирования ценностных ориентаций является социально-культурная деятельность.

Необходимо подчеркнуть, что понятие социально-культурной деятельности достаточно объёмное. Между социальной и культурной деятельностью человека сложно провести грань. Скорее, мы можем проследить определённую взаимосвязь, так как любая культурная деятельность имеет социальную направленность. Известный представитель санкт-петербургской школы прикладной культурологии М. А. Ариарский говорит о том, что социально-культурная деятельность – это общественно целесообразная деятельность, которая обусловлена нравственно-интел-

лектуальными мотивами, по созданию, освоению, распространению и дальнейшему развитию ценностей культуры [3, с. 251]. Следует заметить, что социально-культурная деятельность реализуется во внеурочное и внерабочее время, а именно – в свободное, досуговое время.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что возникшие проблемы, связанные с самоидентификацией молодёжи можно эффективно решить с помощью создания социально-культурных условий, способствующих включению молодёжи в культурно-досуговую среду. Безусловно, важная роль в становлении этнокультурной идентичности у подрастающего поколения принадлежит таким социальным институтам, как семья, образование, учреждения культуры и искусства, этнокультурные центры, национально-культурные общества и другие.

Крупный учёный в области теории социально-культурной деятельности В. В. Туев подчёркивал, что «социально-культурная деятельность – это организуемый социальными институтами процесс приобщения человека к культурным ценностям общества и активного включения самого человека в этот процесс [9, с. 27]».

Деятельность этнокультурных центров и национально-культурных обществ направлена на сохранение культурной идентичности и общности этносов. На наш взгляд, важнейшей целью социально-культурной деятельности является организация и проведение социально-культурных мероприятий, таких как фестивали, дни культуры, тематические выставки, семинары, лектории, мастер-классы, научные конференции, издание газет и журналов и других.

Один из ведущих историков и теоретиков социально-культурной деятельности В. Е. Триедин утверждает, что социально-культурная деятельность – это специально организованный процесс, под которым следует понимать контролируемую социально-культурными институтами социальность и связь людей по производству, распространению и сохранению культурных ценностей, которые, в свою очередь, являются значимыми для государства или субъектов гражданского общества. В ходе данного взаимодействия направленно, в соответствии с заданной моделью, изменяются взаимодействие, отношение и общение между людьми, сами люди и мир, окружающий их [8, с. 7].

В современном обществе личность имеет большой спектр возможностей для творческого поиска, проявления активности в разных сферах общественной жизни, в том числе в социально-культурной деятельности, которая предоставляет максимальные возможности для выражения личностью субъектных качеств, формирования навыков разобщённости действий в досуговой среде, осознанного выбора форм и видов творческой самореализации. Социально-культурная деятельность прежде всего создаёт условия для развития личности. В свою очередь, этнокультур-

ные центры и национально-культурные общества предоставляют возможность выражения идентичности в разных формах социально-культурной деятельности.

Таким примером может послужить общественная организация российских немцев – Международный союз немецкой культуры. Главное своё предназначение Международный союз немецкой культуры видит в том, чтобы создавать условия для сохранения национальной самобытности немцев, проживающих на территории бывшего СССР, для возрождения и развития родного языка и культуры.

Обращаясь к признакам, характеризующим этническую идентичность национального меньшинства, надо выделить главный, которым является язык. Данный центр предоставляет широкие возможности для изучения немецкого языка, а именно:

- обучение родному языку для детей и молодёжи (воскресные этнокультурные языковые школы и кружки, языковые группы в детских дошкольных учреждениях, детские и молодёжные этнокультурные языковые лагеря, издание и рассылка литературы);
- популяризация родного языка, повышение мотивации к его изучению и развитию (разнообразные конкурсы);
- языковые курсы для взрослых;
- повышение квалификации преподавателей, работающих в рамках программы поддержки данного меньшинства (обучающие семинары, курсы повышения квалификации, конкурсы, издание и рассылка методической литературы).

Во-вторых, немаловажным фактором является соблюдение традиций, отмечание праздников и почитание исторических событий той культуры, с которой человек себя идентифицирует. В случае российских немцев это уникальный пример. Многие из них имеют немецкие корни. И хотя далеко не все придерживаются лютеранства и говорят по-немецки, но всё равно считают себя немцами. При этом подчёркивают, что их родина – Россия. Тем не менее большинство из них отмечают два Рождества и две Пасхи. В этом же ряду и День Победы. И хотя это праздник победы советского народа над нацистской Германией, многие граждане немецкой национальности в годы войны добровольно пополнили ряды Красной армии. Не обходят стороной и День России, и, конечно, День объединения Германии.

В-третьих, в качестве формы популяризации той или иной культуры проводятся открытые мероприятия, концерты, показы фильмов, авторские чтения, кружки, вечера или дни встреч, дискуссионные мероприятия на различные общественные и политические темы для всех желающих. Международный союз немецкой культуры приглашает посетить культурные мероприятия, подготовленные Российско-Немецким Домом в Москве. Примером могут послужить концерты, в программе которых произведения

И. Н. Гуммеля, Л. ван Бетховена, Р. Шумана, П. Хиндемита, И. Брамса, М. Регера и других известных композиторов в исполнении участников Независимого молодёжного музыкального проекта “Gradus ad Parnassum”; презентации выставок различных художников из числа российских немцев; показы кинофильмов на немецком языке в рамках киноклуба “Klarpe” с дальнейшей дискуссией и многое другое.

В-четвёртых, в настоящее время у каждого этнокультурного центра есть свой сайт и/или группа в социальной сети, которые служат для удовлетворения информационных потребностей. Как правило, в электронном ресурсе размещена актуальная информация о центре (структура, контакты), календарь событий, новостная лента, мультимедиа, блог для обсуждения вопросов и т.д. Информационный портал российских немцев RusDeutsch [11] был создан в 2003 году. За эти годы велась активная работа по развитию сайта. На данный момент он широко востребован, двуязычен. Основной задачей является информирование об истории, культуре, происходящих как в России, так и за её пределами событиях и различных видах деятельности, затрагивающих интересы российских немцев. Стоит отметить, что в центре внимания оказываются мероприятия, связанные не только с Международным союзом немецкой культуры, но и с другими органами самоорганизации российских немцев.

Подводя итоги, можно констатировать, что многие этнокультурные центры выстраивают свою работу с молодёжью, основываясь на технологиях социально-культурной деятельности, используя разнообразные формы и методы работы с подрастающим поколением. Данные учреждения пытаются учитывать интересы и потребности молодёжи, предлагая интерактивные формы работы, включая в проектную деятельность, используя культурно-образовательные, культуротворческие, информационно-просветительные, рекреационные, образовательные, исследовательские технологии, а также технологии межкультурного и межнационального обмена и сотрудничества.

Но вместе с тем проведённый контент-анализ этнокультурных центров выявил проблемное поле, в котором были структурированы следующие недостатки: стихийность и неупорядоченность действий, односторонний характер взаимодействия, ограниченность в использовании активных форм деятельности, неорганизованность социально-культурного пространства, неэффективность использования рекреационных технологий.

Следует отметить, что реализация системного подхода к формированию содержания работы этнокультурных центров требует, во-первых, выработки чёткой стратегии их деятельности с учётом местных особенностей; во-вторых, определения адекватных средств, планирования конкретных мероприятий и под них – соответствующего ресурсного обеспечения, в-третьих, создания социально-культурных условий, основанных на инте-

рактивных формах деятельности, учитывающих интересы молодёжи. Такой подход к организации деятельности этнокультурных центров будет способствовать повышению их социальной эффективности и авторитета среди представителей данной культуры.

Литература

1. *Андреев Э. В.* Социально-культурная идентификация: методологические проблемы исследования и реализации // Вестник Казанского технологического университета. – 2012. – № 2. – С. 94–98.
2. *Анцыферова Л. И.* Эпигенетическая концепция развития личности Эрика Г. Эриксона // Принцип развития в психологии : [сборник статей] / АН СССР, Ин-т психологии ; [отв. ред. Л. И. Анцыферова]. – Москва : Наука, 1978. – 368 с.
3. *Ариарский М. А.* Прикладная культурология : [монография] / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Ассоциация музеев России. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Эго, 2001. – 287 с.
4. *Герасимова И. А.* Ценностно-смысловая идентификация молодёжи в поликультурном пространстве мегаполиса // Социально-культурная идентификация жителей города Москвы : актуальные проблемы и пути их решения : материалы научно-практической конференции МГУУ Правительства Москвы, 20 декабря 2011 года / Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский городской университет управления Правительства Москвы» ; [сост. К. И. Вайсеро]. – Москва : МГУУ Правительства Москвы, 2012. – С. 45–47.
5. *Здравомыслов А. Г.* Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян // Социс. – 1996. – № 12. – С. 23–32.
6. *Малыгина И. В.* Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика : дис. на соиск. учен. степ. доктора философских наук : 24.00.01 – теория и история культуры / Малыгина Ирина Викторовна ; Московский государственный университет культуры и искусств. – Москва, 2005. – 305 с.
7. *Микляева А. В., Румянцева П. В.* Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования : монография. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 2008. – 186 с.
8. *Триодин В. Е.* Теория социально-культурной деятельности: объект и предмет исследования // Социально-культурная деятельность: теория, технология, практика : коллективная монография : в 2 частях / ред.-сост. Л. Е. Осипова ; науч. ред. В. Я. Рушанин. – Челябинск : ЧГАКИ, 2005.
9. *Туев В. В.* Социально-культурная деятельность: понятие и дефиниции // Социально-культурная деятельность: теория, технология, практика : коллективная монография : в 2 частях / ред.-сост. Л. Е. Осипова ; науч. ред. В. Я. Рушанин. – Челябинск : ЧГАКИ, 2005.
10. *Хантингтон С.* Кто мы? : вызовы американской национальной идентичности / [пер. с англ. А. Башкирова]. – Москва : АСТ : Транзиткнига, 2004. 637 с.
11. RusDeutsch: информационный портал российских немцев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rusdeutsch.ru>

СЕМЕЙНОЕ ТВОРЧЕСТВО – ВЕДУЩАЯ ФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ ДОСУГА СЕМЬИ

Татьяна Юрьевна СЕМАК,

аспирантка кафедры социально-культурной деятельности
Московского государственного института культуры, г. Москва, Россия

e-mail: tatianasemak@bitrix24.ru

В статье на основе анализа различных источников семейный досуг рассматривается в структуре современной социально-культурной деятельности. Выявляются типы семей, от которых зависит направление организации семейного досуга, осмысливаются основные тенденции развития семейного творчества как формы организации досуга семьи.

Ключевые слова: семейный досуг, семейное творчество, организация досуга, семейная аудитория, формы досуга.

FAMILY WORK IS A LEADING FORM OF LEISURE OF THE FAMILY

T. Yu. Semak, doctoral student of the Department of social and cultural activities,
Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: tatianasemak@bitrix24.ru

In article on the basis of the analysis of various sources of family leisure is seen in the structure modern social and cultural activities. Identifies types of families from which depend on the direction of the organization of family leisure, interprets the main directions of development of family art as a form of organization of family leisure.

Key words: family leisure, family creativity, organization of leisure, family audience, form of leisure.

Качественным семейным досугом, несомненно, следует считать удачное сочетание в нём активного и интересного отдыха для детей и взрослых, положительных эмоций, возникающих в результате самовыражения, а также социально-педагогической ценности.

Рациональное распределение свободного времени на воспитание детей и организацию досуга – социальная функция современной семьи. При этом существенное значение приобретает устранение стихийности в совместном семейном досуге, ориентация на различные активные формы времяпровождения. Тут следует обратиться к педагогике досуга, направленной на формирование умений и навыков грамотного использования своего свободного времени [11].

Каждая семья, разумеется, предпочитает совместные досуговые занятия с детьми. Тем не менее обращает на себя внимание тот факт, что общесемейные виды и формы досуга уступают по популярности дет-

ским. При этом характерно, что преимущественно в таком досуге задействованы матери, а формы общесемейного времяпровождения развиты недостаточно.

Между тем в социально-психологическом отношении современная семья стремится к многообразию, к нестандартным досуговым занятиям. Учитывая, что внутрисемейные взаимоотношения уже сами по себе имеют реабилитирующую функцию, благоприятно воздействуют на психологический климат, ориентация на «организацию совместной общественно полезной и досуговой деятельности взрослых и детей положительно скажется на укреплении и сплочении семьи [9]».

Мы будем придерживаться определения семейного досуга, данного С. В. Лавренцовой: «Семейный досуг – это часть свободного времени, которая предполагает добровольное и совместное участие членов семьи в разнообразных видах как активной, так и пассивной деятельности, способствующей сплочению семейного коллектива, направленная на развитие личности, восстановление психических и физических сил, а также на формирование родительских и супружеских отношений, на генерацию, хранение и развитие нравственных и культурных ценностей, норм, образцов поведения членов семьи [11, с. 7–8]».

Досуг реализует две социально значимые функции – развлекательную и формирующую личность человека. Одна из ведущих функций семьи – организация досуга. Эффективность реализации данной функции определяется по нескольким ключевым направлениям: наличием свободного времени, развитием современной индустрии досуга, продуманным выбором форм и средств использования свободного времени.

Основной принцип организации семейного досуга являет собой ориентацию на всех членов семьи, при учёте их возрастных, психофизиологических особенностей, ценностей и интересов [9, с. 170].

При организации культурно-досуговой работы с семьёй важно проанализировать семейную аудиторию. В словаре русского языка С. И. Ожегова термин «семья» означает: «группа живущих вместе близких родственников или объединение людей, сплочённых общими интересами [14]».

Для ребёнка семья – это та среда, в которой складываются условия его физического, психического, эмоционального и интеллектуального развития. Бесспорно, важна грамотная организация свободного времени, чтобы равноценно наполнить его активным взаимодействием между всеми членами семьи [3, с. 73].

Главной целью организации общесемейного досуга является восстановление и поддержание здоровья, удовлетворение различных духовных потребностей семьи.

Можно утверждать, что досуг в известном смысле строит семейную жизнь, чем и определяется его огромное социальное значение.

Многие эстетические и духовные нормы и ценности, как правило, транслируются на семейно-бытовую среду, что приводит к наполнению досуга нетрадиционными формами, установлению дружеских отношений в семье и социуме [13].

Для успешной реализации культурно-досуговой деятельности следует учитывать всё многообразие типов современной семьи.

Необходимо также внимательно подходить к рассмотрению некоторых групповых психолого-возрастных особенностей семейной аудитории.

С. Ю. Гацук выделяет следующие возрастные аудитории: детская, семейная, подростковая, молодёжная, люди «третьего возраста».

Исходя из структуры семьи, в составе семейной аудитории можно выделить: детскую аудиторию, родительскую аудиторию и прародительскую аудиторию [4].

По мнению С. Ю. Гацук, ориентируя досуг на детскую аудиторию, следует помнить, что ведущим видом деятельности дошкольников является игра. Также обязательно включать в развлекательную и развивающую программу подвижные формы детского досуга. Для детей высока значимость именно семейного досуга, роль родителей для ребёнка здесь является основополагающей. С точки зрения охвата всех возрастных групп семьи не лишним будет также уделить внимание категории людей «третьего возраста», которые, вероятно, уже вышли на заслуженный отдых. Бабушки и дедушки, в силу большого количества свободного времени, охотно примут участие во всех проявлениях социально-культурной жизни. Им необходима сама возможность поделиться с окружающими своим богатым жизненным опытом, вспомнить молодость. Важным остаётся вопрос формы и содержания досуга, зависящий от самого младшего члена семьи [4].

При организации программ культурно-досуговой деятельности важно ознакомиться с социально-демографическим положением, выявить структуру, понять, что представляет собой современная семья. В процессе проектирования семейных досуговых программ нужно не только учитывать потребности и интересы, но и знать возрастные и психологические особенности всех её членов.

Согласимся с Т. А. Куликовой, которая в своём учебнике по семейной педагогике и домашнему воспитанию анализирует ряд исследований по вопросу интересов и склонностей в проведении досуга. Т. А. Куликова приводит интересный пример исследования Л. С. Жарковой, в котором заметно, что преимуществом у всех возрастных групп пользуются такие формы досуга, как просмотр телепередач, кинофильмов, реже чтение или посещение концертов, меньшей популярностью пользуется участие в самодеятельности. Тем не менее отмечен высокий интерес у молодых родителей к участию в неформальных объединениях, интерес к танцам.

Фиксируются определённые различия в проведении досуга, проявляющиеся в зависимости от возраста, семейного положения, профессии и пола [10, с. 130–132].

Теоретический анализ работ позволил сформулировать следующие характеристики семейного досуга: это коллективная деятельность, формы и содержание проведения которой будут зависеть от культурного уровня, образования, доходов, места проживания, национальных традиций, возраста членов семьи и их индивидуальных интересов. Семейный досуг исполняет специфическую роль, направленную на сплочение семьи как коллектива, на повышение образовательного и общекультурного уровня членов семьи, а также представляет собой действенное средство семейного воспитания и т.д. Как отмечает Т. А. Куликова, если семьи придерживаются различных культурных ценностей, то соответственно получаются разные результаты воспитания. Очевидно, что дети значительно «выигрывают» в нравственном и художественном развитии, если родные им люди не просто «потребляют» культуру, но и сами занимаются творчеством [10].

Формы семейного досуга, как и сами семьи, имеют различия по определённым признакам, таким как: количество детей, состав и структура семьи, тип лидерства и уклад семьи, тип потребительского поведения и особые условия жизни. В широком смысле семейный досуг можно различать как домашний и внедомашний [6, с. 98–102].

По мнению А. В. Рябовой, при организации совместной досуговой деятельности детей и родителей встречается немало сложностей и проблем. Это может быть и отсутствие опыта досугового взаимодействия в семье, неумение членов семьи проводить свободное время вместе, непринятие родителями интересов, увлечений, досуговых предпочтений детей и наоборот, однообразие форм общения детей и родителей, построенных по принципу «руководство – подчинение» и прочее [15, с. 48–54].

В последнее время стало очень популярным посещать развлекательные центры, куда взрослые и дети отправляются вместе, но проводят досуг по своим особым программам: детям предлагаются подвижные или компьютерные игры, анимация, аттракционы, а родителям – посещение кафе, кинотеатра, поход по магазинам. Насколько такое времяпрепровождение способствует развитию и упрочению семейных уз, сказать затруднительно [7].

Анализ насущных проблем становления культуры семейного досуга выявил неумение некоторых семей грамотно организовывать своё свободное время. По этой причине большинство видов культурно-досуговой деятельности семьи, как правило, носит самодеятельный характер и реализуется в форме любительского творчества.

Максимально удачным способом решения вышеуказанной проблемы может стать семейный клуб, позволяющий объединять воспитательные

возможности родителей, создавать условия для обмена педагогическим опытом.

На сегодняшний день в педагогической теории и практике уже создано множество форм организации культурно-досуговой деятельности молодёжи и детей. Все они отличаются друг от друга некоторыми признаками: количественными, временными, видовыми и прочими. Вне формы процесс этой деятельности осуществляться не может [2, с. 45].

Сейчас главной задачей учреждений культуры становится организация культурно-досуговой занятости детей с учётом их предпочтений, так как в силу своих возрастных особенностей они ещё не готовы противостоять некоторым опасностям и вредным привычкам. Именно поэтому грамотная организация досуга детей и молодёжи рассматривается сегодня как альтернатива асоциальному поведению [8].

Культурно-творческая деятельность развивается в различных формах и направлениях. Наибольшей популярностью пользуется деятельность в сфере искусства. Широкое распространение имеет любительское исполнение. Следует отметить, что массовое развитие получает любительское художественное творчество. Оно существует в форме художественно-исполнительской и художественно-творческой деятельности [5, с. 91].

Занятия художественным творчеством стимулируют эмоциональное развитие личности, её стремление к прекрасному. Участие в художественной самодеятельности можно рассматривать не только как способ эстетического наслаждения, но и как метод общения, способ коммуникации с людьми. К видам художественного творчества относится фольклор, танец, музыка, театр, изобразительное искусство, декоративно-прикладное искусство.

Формы и направления работы социально-культурных институтов с семьёй весьма разносторонни. Ставшие привычными семейные праздники и клубы, индивидуальные формы работы обогащаются новым содержанием, опираясь на интересы и запросы семьи [1].

Одной из основных форм семейной культурно-досуговой деятельности можно назвать праздник. Значение праздника, который создаёт яркое, красочное мироощущение, наделяет положительной энергетикой, даёт стимул для дальнейшей работы, позволяет расширить рамки событийных представлений, воздействует на различные сферы культуры, в жизни ребёнка велико. В процессе проведения праздников каждый ребёнок имеет возможность проявить себя, продемонстрировать свои навыки, умения и творческую инициативу. Все формы и виды культуры удачно проявляются через праздник [12].

По нашему убеждению, среди множества способов, направленных на поддержание семейной гармонии, свою нишу занимает семейный досуг – совместное проведение свободного времени.

Практика показывает, что вовлечение всех членов семьи в совместную досуговую деятельность укрепляет семейные отношения.

Из этого следует, что профессиональная организация семейного досуга в социокультурном учреждении даёт возможность семье активно, разнообразно, творчески проводить свободное время, выбирать подходящие виды и формы досуга, самореализовываться, находить друзей, реализовать потребность в общении и познании. Интересно и грамотно организованный семейный досуг – составляющая гармоничных взаимоотношений в семье [16].

Поэтому, говоря о направлениях и формах организации досуга семьи, необходимо учитывать, что для семейного досуга важны рациональность занятий с точки зрения отдыха и наличие в них воспитательного компонента.

Подводя итог, можно отметить, что социально-культурная деятельность, особое место в которой занимает художественное творчество, обладает значительным педагогическим потенциалом. А среди широкого разнообразия направлений и форм досуга семьи необходимо выделить семейное творчество – как форму, вызывающую особый интерес со стороны детей и родителей. Востребованное в современных российских семьях художественное творчество, соединяющее отдых, эстетическое воспитание и личностное развитие, способно также сформировать особый микроклимат в семье.

Литература

1. *Азарова Р. Н.* Педагогическая модель организации досуга обучающейся молодёжи // Педагогика. – 2005. – № 1. – С. 27–32.
2. *Болотина Л. Р., Баранов С. П., Комарова Т. С.* Дошкольная педагогика : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Изд. 2-е. – Москва : Академический Проект ; Культура, 2005. – 240 с.
3. *Гаспарян Ю. А.* Семья на пороге XXI века : (Социологические проблемы) / под ред. К. Н. Хабибуллина ; Национальная академия наук Республики Армения, Институт философии и права. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1999. – 320 с.
4. *Гацук С. Ю.* Технологические аспекты основы подготовки анимационных программ // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона : материалы Пятой Всероссийской электронной научно-практической конференции, г. Самара, январь-декабрь 2007 г. / Федеральное агентство по культуре и кинематографии, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Самарская государственная академия культуры и искусств» ; [редкол. : М. Г. Вохрышева, Е. В. Вохрышева]. – Самара : Самарская государственная академия культуры и искусств, 2008. – С. 393–398.
5. *Грыгаровіч Я. Д., Смолік А. І.* Прыкладная культуралогія : вучэб. дапам. для

- студэнтаў спец. “культуралогія” ўстаноў, якія забяспечваюць атрыманне выш. адукацыі / Бел.дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2005. – 216 с.
6. *Жарков А. Д.* Культурно досуговая деятельность как самостоятельная отрасль педагогической науки // Образование и общество. – 2007. – № 2. – С. 98–104.
  7. *Захаров А. В.* Развлечение subspecies социологии // Социологические исследования. – 2008. – № 1.
  8. *Иванова Т. В.* Социально-педагогическая составляющая системы дополнительного образования детей // Педагогика: традиции и инновации : материалы международной заочной научной конференции (г. Челябинск, октябрь 2011 г.). Т. 1 / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 84–87.
  9. *Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д.* Социально-культурная деятельность : учебник. – Москва : МГУКИ, 2004. – 539 с.
  10. *Куликова Т. А.* Семейная педагогика и домашнее воспитание : учебник для студентов средних и высших педагогических учебных заведений. – Москва : Академия, 1999. – 232 с.
  11. *Лаврецова С. В.* Социально-культурная деятельность как средство оптимизации семейного досуга : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Лаврецова Светлана Васильевна ; [Место защиты: С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов]. – Санкт-Петербург, 2007. – 19 с.
  12. *Леванова Е. А., Волошина А. Г.* Игра в тренинге. Возможности игрового взаимодействия. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 208 с.
  13. *Мещерякова И. В.* Организация проведения культурно-досуговой работы в семье : учебное пособие для студентов специальности 100110.65 (230600) «Домоведение». – Санкт-Петербург : Из-во СПбГУСЭ, 2011.
  14. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – Москва : А ТЕМП, 2010. – 944 с.
  15. *Рабава А. В.* Магчымасці турызму у арганізацыі сямейнага адпачынку // Сацыяльна-педагагічная работа. – 2003. – № 5. – С. 48–54.
  16. *Талпенко Е. В.* Организация досуга городской семьи как педагогическая проблема // Социально-педагогическая работа. – 2008. – № 89. – С. 32–36.
  17. *Ярошенко Н. Н.* Ценностное содержание образования в сфере культуры и искусств: контекст межкультурного взаимодействия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 5. – С. 27–34.
  18. *Ярошенко Н. Н.* Развивающая среда и социально-культурная деятельность в контексте педагогики культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 6 (50). – С. 130–134.

ЗНАЧЕНИЕ РУССКОГО ТАНЦА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЙ

Валерия Михайловна МАЙОРОВА,

доцент кафедры народного танца хореографического факультета
Московского государственного института культуры, Москва, Россия

e-mail: leramura@yandex.ru

В настоящей статье рассматривается русский народный танец как специфический феномен, основывающийся на традициях русской культуры. Раскрывается необходимость изучения русского танца в процессе обучения студентов хореографических специализаций в учебных заведениях культуры и искусств. Выявляются проблемы, присущие русскому народному танцу на современной сцене. Обозначены возможные векторы развития русского народного танца на сцене в профессиональных и любительских коллективах. Знание богатейшего наследия народного хореографического искусства, традиций русского хореографического фольклора во всём его жанровом многообразии, владение опытом выдающихся мастеров русского сценического танца позволяют специалистам – выпускникам высших учебных заведений, искать новые решения при создании современных хореографических произведений.

Ключевые слова: русский народный танец, процесс обучения, студенты хореографических специализаций.

THE VALUE OF RUSSIAN DANCE IN THE PROCESS OF TEACHING STUDENTS DANCE MAJORS

V. M. Mayorova, Associate Professor of the Department of Folk Dance,
Faculty of Choreography, Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

e-mail: leramura@yandex.ru

This article is concerned to Russian folk dance as a specific phenomenon, based on the traditions of Russian culture. It reveals the need to study the Russian dance in the process of teaching students dance majors in educational institutions of culture and arts. Problems of studying Russian folk dance on the scene today are identified. Possible future development vectors of Russian folk dance on stage in professional and amateur collectives are made. Knowledge of the rich heritage of folk choreographic art, folklore traditions of Russian Ballet in all its genre diversity, ownership experience outstanding masters of Russian character dance will allow specialists-graduates of educational institutions to carry out the search for new solutions to create modern dance works.

Key words: Russian folk dance, the learning process, students dance majors.

Народное хореографическое искусство представляет собой специфический феномен, основывающийся на традициях русской культуры. Восприятие народной хореографической культуры оказывает прямое влияние

на культурный и нравственный уровень молодого поколения. Именно через культуру и искусство раскрывается духовность общества.

Основной задачей вузов культуры и искусств является подготовка высококвалифицированных кадров, способных успешно действовать в профессиональной сфере. Необходимо обеспечить такой уровень профессионального образования, который позволит воспитать компетентных специалистов в области любительского и профессионального хореографического искусства, готовых искать решения профессиональных проблем и задач, стоящих перед современным искусством, понимать, сохранять, развивать и пропагандировать национальную культуру.

На настоящий момент необходимость разработки новых педагогических технологий, реформирования программ и методик обучения специалистов в области хореографического искусства представляется очень актуальной. При этом вузам культуры и искусств необходимо ориентироваться на общекультурные и профессиональные компетенции, которые должны быть сформированы у будущих специалистов в период обучения, а после окончания учебного заведения помогут им стать востребованными на рынке труда.

В современных условиях всё более отчётливо осознаются значимые задачи и потребности культурной идентификации, связанные:

- с потребностью сохранения богатейшего наследия народного искусства, традиций русского фольклора во всём его жанровом многообразии в контексте реальной угрозы тотальной унификации культурного мира, глобализации, культурной экспансии;
- с потребностью сохранения этнокультурного облика России, что осложняет обширность территории, природные различия, многонациональный состав населения;
- с потребностью в освоении фольклора, русского народного танца в контексте системы профессионального хореографического образования.

Незнание подлинной истории, традиций народной хореографии обедняет содержание профессиональной подготовки специалистов в области хореографического искусства, призванной воспитывать и формировать мировоззрение и художественный вкус молодого поколения. Действующая система профессиональной подготовки в сфере хореографического искусства не всегда позволяет в полной мере раскрыть творческий потенциал будущих специалистов.

Так, при просмотре танцевальных коллективов в качестве члена жюри на фестивалях и конкурсах, при проведении конференций, мастер-классов, «круглых столов» автором были выявлены следующие недостатки:

1. Слабое знание фольклорных традиций. В конкурсных программах фестивалей в номинациях «Народный танец», а в особенности «Народно-стилизованый танец», много внимания уделяется стилизации материала,

а не традициям исполнения, что в корне неверно. То же самое касается и подбора музыкального материала, и костюмов, и особенно лексики.

2. Теоретически и практически неверное исполнение региональных особенностей русского танца. Несмотря на достаточную разработанность темы в специализированной литературе (Т. А. Устинова, А. А. Климов, Н. И. и Н. А. Заикины, И. И. Веретенников, А. В. Руднева, М. П. Мурашко, М. Д. Яницкая и другие), педагоги и балетмейстеры в своей практике часто демонстрируют незнание региональных особенностей русского танца. Поэтому часто случается, что в ходе проведения фестивальных (конкурсных) программ можно увидеть танцы, в которых используется музыка из одного региона, костюмы из другого, а лексический материал из третьего.

3. Незнание смысла обрядов. Нередко в сценическом исполнении при постановке танца на основе обряда берётся только внешняя сторона обряда, а глубинный смысл либо недостаточно выявлен, либо вовсе искажается. Это особенно обидно, так как обряды складывались в течение многих веков благодаря нашим предкам.

4. Недостаточное владение лексикой и техникой русского танца. Наблюдается процесс засорения лексики русского танца чужеродными элементами, несвойственными характеру русского танца. Например, мужчины и женщины нередко исполняют движения в одном характере, несмотря на физиологические и эмоциональные различия. В результате искажается образ скромной русской девушки и удалого русского парня.

5. Недостаточное знание особенностей преподавания русского народного танца в различных хореографических учебных заведениях. Нередко педагоги, выучившись по одной системе, не имеют представления о других системах преподавания, даже теоретически. Поэтому они, как правило, не знают:

- репертуар профессиональных коллективов русского танца;
- образцы творчества выдающихся балетмейстеров русского танца;
- балетмейстерские стили русского танца.

На наш взгляд, необходимо следовать рекомендациям и традициям, выработанным за многие годы и выдающимися мастерами, и учебными заведениями. Опыт мастеров русского танца зафиксирован в специализированной литературе: А. А. Лопухов, А. А. Бочаров, А. Ширяев, Т. С. Ткаченко, Г. П. Гусев, И. А. Моисеев, Т. А. Устинова, А. А. Климов, А. А. Борзов, М. П. Мурашко и другие.

К сожалению, не во всех учебных заведениях изучается репертуар, балетмейстерские стили и лучшие образцы творчества выдающихся мастеров русского танца. Это наследие хранят государственные ансамбли танца и танцевальные группы государственных русских народных хоров. Педагогам и учащимся хореографических специализаций следует регу-

лярно посещать концерты и смотреть видеозаписи хореографических коллективов.

Высококласному специалисту для успешной профессиональной деятельности необходимо знать, владеть и уметь эффективно применять на практике:

- фольклорные традиции;
- региональные особенности русского танца;
- обряды;
- лексику и технику русского танца;
- особенности преподавания русского народного танца в хореографических учебных заведениях;
- репертуар профессиональных коллективов русского танца;
- балетмейстерские стили русского танца;
- образцы творчества выдающихся балетмейстеров русского танца.

В настоящее время в Московском государственном институте культуры разработан и преподаётся комплекс дисциплин, направленный на изучение русского народного танца.

В результате изучения дисциплин «Русский танец», «Региональные особенности русского танца», «Методика преподавания русского танца», «Композиция русского танца», «Танцевальный фольклор» возможно достичь необходимого уровня профессионального образования, если будут:

- раскрыты значение и сущность русского танца и методика его преподавания в процессе профессиональной подготовки студентов хореографических специализаций;
- выстроена структура профессионально-специализированной компетентности в области русского народного танца с точки зрения знаний, навыков и умений в профессиональной работе в качестве балетмейстера, педагога, исполнителя-репетитора;
- обоснована дифференцированная методика профессиональной подготовки студентов хореографических специализаций средствами русского танца, которая включает в себя: компонент знаний; педагогико-методический компонент; рефлексивный компонент; художественно-творческое мышление; практико-ориентированный (исполнительский) компонент.

Дисциплины «Русский танец», «Региональные особенности русского танца», «Методика преподавания русского танца», «Композиция русского танца» необходимо изучать в комплексе.

Целями освоения дисциплин «Русский танец», «Региональные особенности русского танца», «Методика преподавания русского танца», «Композиция русского танца» являются:

- овладение знаниями и навыками в технике, стиле и манере русского танца;

- расширение творческого диапазона бакалавров хореографического искусства, получение базовых знаний и навыков в области русского танца, способствование интеграции дисциплин народно-сценического танца в системе профессиональной подготовки выпускников;
- формирование профессиональных навыков и умений в освоении стилистических особенностей, лексического материала и исполнительского мастерства в русском танце;
- развитие творческого мышления и творческого потенциала будущих педагогов через освоение лучших образцов, методик и техник различных направлений русского танца.
- освоение пластической манеры, стиля и техники русского танца, методики его преподавания и создания современных хореографических произведений в этой танцевальной манере.

В результате освоения дисциплин «Русский танец», «Региональные особенности русского танца», «Методика преподавания русского танца», «Композиция русского танца» обучающийся должен *знать*: задачи, программное содержание и методы обучения хореографии; принципы развития художественно-творческих способностей, личностных качеств и черт характера; методы проведения занятий; закономерности формирования профессиональных способностей, средства и способы развития выразительности; правила исполнения и преподавания движений и комбинаций; концепцию определяющей роли собственной деятельности в развитии личности применительно к процессу хореографического обучения; принципы построения урока хореографии; формы контроля успеваемости; методическую литературу по преподаваемому предмету; *уметь* сочинять различные танцевальные комбинации и развёрнутые этюды на материале русского танца; *владеть* основными техническими принципами исполнения русского танца и воплощения их в практической работе.

Знание богатейшего наследия народного искусства, традиций русского хореографического фольклора во всём его жанровом многообразии, владение опытом выдающихся мастеров русского сценического танца позволят специалистам – выпускникам учебных заведений, находить новые решения при создании современных хореографических произведений.

Литература

1. *Богданов Г. Ф.* Традиционная русская народная хореография : жанры, формы, композиции (от истоков до начала XX века) : учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 071500 «Народная художественная культура» (квалификация : «бакалавр»). – Москва : МГУКИ, 2014. – 442 с.
2. *Борзов А. А.* Танцы народов мира. – Москва : Ун-т Натальи Нестеровой, 2006. – 494 с.

3. *Гусев Г. П.* Народный танец : методика преподавания : учебное пособие для студентов вузов культуры и искусств. – Москва : Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2012. – 608 с.
4. *Заикин Н. И., Заикина Н. А.* Областные особенности русского народного танца : учебное пособие для студентов вузов искусств и культуры. – Орел, 1999. – 552 с.
5. *Калыгина А. А.* Педагогический потенциал русского народного танца и его реализация в воспитании подрастающего поколения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 2 (70). – С. 177–181.
6. *Картавцева М. Т.* Эстетическое воспитание детей на материале русского музыкального фольклора // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 3 (71). – С. 243–250.
7. *Климов А. А.* Основы русского народного танца : [учебник для вузов искусств и культуры]. – [2-е изд., испр. и доп.]. – Москва : Изд-во Московского гос. ин-та культуры, 1994. – 318 с.
8. *Лобанов И. В.* Новая модель повышения качества образования в российских вузах культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 3 (71). – С. 11–18.
9. *Майорова В. М.* Исполнительская культура студентов хореографических специализаций как предмет теоретического анализа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 2 (70). – С. 236–240.
10. *Мурашко М. П.* Классификация русского танца : [монографическое исследование]. – Москва : МГУКИ, 2012. – 550 с.
11. *Устинова Т. А.* Фольклорные танцы Тверской земли. Записаны Т. А. Устиновой в Тверской губернии в 1938 году. – Тверь : Тверской ОДНТ, 2002. – 159 с. : ил.

ЛИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ И ДРУГА

Анна Александровна СБИТНЕВА,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры журналистики
факультета медиакоммуникаций и аудиовизуальных искусств
Московского государственного института культуры, г. Москва, Россия

TO THE MEMORY OF TEACHER AND FRIEND

A. A. Sbitneva, Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor
of the Department of journalism, Faculty of Media and Audiovisual Arts (MAIS),
Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia

Не стало А. М. Иоффе. Сообщение, пришедшее в начале марта – потрясло многих. Мы знали: он болел, лечился... И всё же, всё же...

О том, что жизнь может оборваться в любую минуту, как-то не хочется думать.

Александр Мануилович, или Саша, как многие его тогда звали, – ветеран МГИКа, был, без преувеличения, одним из самых известных и ярких выпускников второго десятилетия. Ученик известного профессора-книговеда А. Д. Эйхенгольца, Иоффе успешно продолжил научное развитие новой отрасли библиографической науки – книговедения и истории книги, а затем возглавил эту научную школу, став научным руководителем диссертаций ряда аспирантов.

Человек огромной научной эрудиции и высоких интеллектуальных познаний, А. М. Иоффе успешно руководил научными изысканиями своих молодых подопечных. В каждой диссертационной работе, созданной под его началом, Иоффе стремился к совершенству, и ему это удавалось. Мы, молодые аспиранты, нередко не понимали его: почему он заставлял переписывать, казалось бы, безупречно выполненные главы и разделы наших сочинений, к которым уже и придраться невозможно! А он настаивал на переработке представленных ему страниц текста по несколько раз, по принципу: «нет предела совершенству». Результатом вот такого повышенного научно-педагогического внимания были блестяще защищённые диссертационные работы В. А. Андреева, В. В. Добровольского, М. Ш. Махарадзе, А. А. Сбитневой и других аспирантов, в которых Иоффе буквально вкладывал свою душу и свои обширные познания.

Александр Мануилович был книжником от Бога! Не забуду его квартиру в Химках, где главным предметом мебели были ... книги. Он собирал их всю жизнь. Это была единственная статья расхода, вещами он мало интересовался. Зато на книги тратил всё. Этот «книжный арсенал» позволил ему знать досконально не только содержание многих книг, но и историю их издания и распространения, создать ряд интереснейших историко-книжных сочинений, в том числе его знаменитую монографию об истории издания марксистской литературы в России в начале XX века.

Александр Мануилович был не только библиографом и книговедом. У него был замечательный поэтический дар. Надо признать, что стихами «балуются» многие представители нашей творческой интеллигенции. Но Иоффе был не только книжником, но и поэтом «от Бога». Если бы у него было время и желание стать членом Союза писателей СССР, то его, думается, без особого труда приняли бы в это сообщество «небожителей», какими были в глазах многих его современников писатели и поэты.

Его стихи, не раз отмеченные в «большой прессе» прекрасными отзывами литературных критиков, собраны в сборники, выпущенные нашими центральными издательствами. А литературные вечера в нашем Институте, которые регулярно проводил поэт А. Иоффе, неизменно собирали большую читательскую аудиторию из преподавателей и студентов.

И ещё об одном удивительном качестве А. М. Иоффе нельзя не сказать. Это его удивительная доброта и желание всемерно помогать всем, кто попадал в затруднительное положение как финансово-материального, так и морального характера. Он устремлялся на помощь всем, кто, по его мнению, не мог самостоятельно справиться с постигшей его бедой.

Ещё со времён моей аспирантуры я слышала о нём удивительные истории. Узнав о материальных трудностях какого-либо студента или аспиранта, А. М. немедленно оказывал, вопреки сопротивлению нуждающегося, материальную помощь, разумеется, из своего кармана, находил время приходить в райисполком и райком, когда речь заходила о помощи в улучшении жилищных условий кого-либо из сотрудников кафедры или во время некоторых тяжб по гражданским делам и пр. В рамках данной небольшой публикации невозможно подробно рассказать, но слава о добрых и благородных деяниях Иоффе была широко известна и за пределами нашего вуза.

В 1990-х годах волею судеб Александр Мануилович уехал из России и оказался на чужбине, но и там он не терял духовной связи ни с родиной, ни с родным Институтом. Чего стоит один только сборник «Подмосковная Сорбонна за дорогой кольцевой», посвящённый родному Институту, стихи которого дышат теплом и любовью к его альма-матер!

Другой сборник, вышедший не так давно, – «На дуэли с судьбой», также пронизан лирикой и гражданственностью. На знаковые события в

современной России он неизменно откликнулся поэтическими строками. Он очень переживал из-за событий в Донбассе. Его стихи, написанные во время трагических военных событий в Новороссии, нельзя читать без искреннего волнения, особенно стихотворение, где рефреном идёт строка из Гоголя: «Тиха украинская ночь».

А. М. Иоффе оставил о себе незабываемую память в сердцах всех, кто его знал.

«А перед памятью и смерть бессильна».

А. Иоффе

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Я в старом альбоме
    найду фотографию деда,
И старые письма его
    фронтовые найду.
И в майское утро
    на праздник великой Победы
В бессмертном полку
    с фотографией деда пойду.
В едином порыве
    колонна идёт за колонной
По площади Красной
    и в дальнем сибирском краю.
Народ вспоминает
    героев своих поимённо.
И значит, вы снова живые
    и снова в строю.

Припев:

Друзья мои и братья боевые,
Уходят вдаль дороги фронтовые.
Но факел вашей славы не погас.
Бессмертный полк, бессмертная Россия,
Спасённый мир благословляет вас!

Народная память –
    что может быть выше награды –
Дожившим до солнца победы
    и павшим в бою.

Вы слышите песни,
    вы слышите гром канонады,
Вы снова вернулись
    в семью фронтовую свою.
На смену героев
    поднимутся новые дети.
Победное знамя украсит
    небесную синь.
Вы снова пройдёте в колоннах
    грядущих столетий,
Как слава России,
    как витязи русских былин.

Припев:

Друзья мои и братья боевые,
Уходят вдаль дороги фронтовые.
Но факел вашей славы не погас.
Бессмертный полк, бессмертная Россия,
Спасённый мир благословляет вас!

*Май 2016 года,
г. Кёльн*

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.

2. Объём статьи не должен превышать 15–16 тыс. печатных знаков, включая пробелы, но не более 20 тыс. знаков, включая пробелы.

3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.

4. К статье прилагаются:

а) аннотация (один абзац 100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;

б) сведения об авторе: ФИО полностью, на русском и английском языках (на английском языке ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-L C)), место учебы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), электронный адрес;

в) рецензия научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполняется работа, на бланке учреждения, с заверенной подписью (к статье на соискание докторской степени необходимо представить 2 рецензии специалистов в данной области).

5. Статьи принимаются в двух экземплярах – печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.

***

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может находиться в редакционном портфеле до года. Отклонённые статьи не возвращаются и не рецензируются.

DEAR AUTHORS!

The journal accepts for publication articles that have not been previously published. The article should have a scientific novelty, should reflect the main results of the author's research, should correspond with the general direction of the magazine and should be interesting to a wide range of the Russian scientific community.

The article can include (if necessary) a minimum amount of tables, formulas, and plots. The article should include a conclusion. All abbreviations and scientific terms should be disclosed. You should not abuse the Internet sources. If their use is necessary you should give references in accordance with the rules of registration of bibliographic apparatus of scientific articles.

Requirements for publishing

1. The text is typed in the Microsoft Office Word, font – Times New Roman, size 14, spacing – 1,5.

2. The scope of article should not exceed 15–16 thousand printed characters, including spaces, but no more than 20 thousand characters, including spaces.

3. References should be located at the end of the article in the alphabetical order, bibliographic descriptions in the list should be drawn up in accordance with GOST 7.05–2008, references in the text of the article should be given in brackets.

4. You should add to the article:

a) the abstract (one paragraph of 100–250 words) in English and Russian, as well as keywords to an article in the Russian and English languages;

b) information about the author: full name, in the Russian and English languages (English name of the authors should be represented in accordance with one of the accepted international system of transliteration, it is desirable to use either the International Standard ISO 9:95 (GOST 7.79–2000) or the system of transliteration of American Library Association and the Library of Congress (ALA-LC), place of study and work, position, telephone number (preferably a mobile), e-mail;

c) review and recommendations of the supervisor of the Department where the work is performed in a form of the institution with certified signature; 2 reviews from the specialists in the certain filed should be added to the article for a reward of Doctorate.

5. Articles are accepted in two copies – printed and electronic. The printed text on the paper must be identical to the text of the electronic version.

***

The Editorial Board reserves for itself the right to select the materials. The article, after its approval by the editorial board of the journal, may be in an editorial portfolio up to one year. Rejected articles will not be returned and will not be reviewed.

Scientific academic journal "Cultural & Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts" is included by the Supreme certification Commission of Ministry of Education and Science of Russian Federation in the new list of leading peerreviewed scientific journals and publications (as of 06.06.2017), in which basic scientific results of dissertations for the award of a scientific degree of doctor and candidate of Educational Sciences and Cultural Studies should be published

It is published since 2008. It is issued four times a year

The founder of journal is Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «MOSCOW STATE INSTITUTE OF CULTURE»

CHIEF EDITOR – CHAIRMAN OF THE EDITORIAL COUNCIL

Lobanov Ivan Vasilyevich, Ph.D. (Legal Sciences), Rector of the Moscow State Institute of Culture

EDITORIAL COUNCIL

Arakelova Aleksandra Olegovna, Full Doctor of Art Criticism, Professor, Director of the Department of Education and Science of the Ministry of Culture of the RF, Honored Worker of Culture of the RF

Malyshev Vladimir Sergeevich, Ph.D. (Economics), Full Doctor of History of Arts, Professor, Rector of the Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov, Honored Worker of Culture of the RF, Academician of the Russian Academy of Education, President of Association of Educational Institutions of Cultural and Art

Turgaev Aleksandr Sergeevich, Full Doctor of History, Professor, Rector of the St. Petersburg State Institute of Culture, Honored Worker of Higher School of the RF

Shrayberg Yakov Leonidovich, Full Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Department of Informatization of Culture and Electronic Libraries, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture, Honored Worker of Culture of the RF, Director General of Russian National

Public Library for Science and Technology, Vice-President of Russian Library Association (RLA), President of the International Association of Users and Developers of Electronic Libraries and New Information Technologies (ELNIT)

Yusupov Rivkat Rashidovich, Full Doctor of History, Professor, Rector of the Kazan State Institute of Culture, Honored Worker of Science of the RF, Honored Worker of Science of the Republic of Tatarstan

EDITORIAL BOARD

SECTION OF ART CRITICISM (17.00.00 – ART CRITICISM)

Arakelova Aleksandra Olegovna, Full Doctor of Art Criticism, Professor, Director of the Department of Education and Science of the Ministry of Culture of the RF, Honored Worker of Culture of the RF

Malyshev Vladimir Sergeevich, Ph.D. (Economics), Full Doctor of History of Arts, Professor, Rector of the Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov (VGIK), Honored Worker of Culture of the RF, Academician of the Russian Academy of Education, President of the Association of Educational Institutions of Cultural and Art

Efimova Natalya Ilyichina, Full Doctor of Art Criticism, Professor of the Department Theory and History of Music, Faculty of Musical Arts, Moscow State Institute of Culture

SECTION OF CULTURAL STUDIES (24.00.00 – CULTURAL STUDIES)

Aronov Arkady Alekseevich, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Full Doctor of Cultural Studies, Head of the Department of History, Cultural History and Museology, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture, Honored Worker of Higher Professional Education of the RF

Voevodina Larisa Nikolaevna, Full Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

Esakov Valery Anatolyevich, Full Doctor of Cultural Studies, Professor, Vice Rector for Scientific Activity and Board of Trustees, Moscow State Institute of Culture, Honored Worker of Culture of the RF, Honored Worker of the General Education of the RF

Mal'ygina Irina Viktorovna, Full Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory of Culture, Ethics and Aesthetics, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

SECTION OF LIBRARY AND INFORMATION ACTIVITY (05.25.00 – DOCUMENTARY DATA)

Mazuritsky Aleksandr Mikhailovich, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Library Science and Bibliology, the Department of Informatization of Culture and Electronic Libraries, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

Lopatina Natalya Viktorovna, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Library Science and Bibliology, Faculty of Social Studies and Humanities, Moscow State Institute of Culture

Ivanova Galina Aleksandrovna, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Management of Information and Library Activity, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture

Stolyarov Yury Nikolaevich, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Management of Information and Library Activity, Faculty of Social Sciences and Humanities, Moscow State Institute of Culture, Chief researcher of the Akademizdatcenter "Nauka" RAS, Honored Worker of Higher School of the RF

SECTION OF LITERARY STUDIES (10.01.00 – LITERARY STUDIES)

Kolomiytseva Elena Yuryevna, Full Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism, Faculty of Mass Media and Audiovisual Arts, Moscow State Institute of Culture

Luchinsky Yury Viktorovich, Full Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University, member of The Union of Journalists of Russia, Honored Worker of Higher Professional Education of the RF

Tertychnyi Alexandr Alekseevich, Full Doctor of Philology, Professor of the Department of Periodical Press, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, member of The Union of Journalists of Russia

Shkondin Mikhail Vasilyevich, Full Doctor of Philology, Professor of the Department of Periodical Press, Leading Researcher at the Problem Research Laboratory for Complex Studies of Current Issues of Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University

SECTION OF PEDAGOGICS AND SOCIAL AND CULTURAL EDUCATION (13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES)

Zharkova Alena Anatolyevna, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Faculty of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

Streltsova Elena Yuryevna, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of Folk Artistic Culture, Faculty of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

Khristidis Tatyana Vitalyevna, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogics and Psychology, Faculty of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture

Sukalo Aleksandr Aleksandrovich, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Social and Cultural Activities, St. Petersburg State Institute of Culture

Yaroshenko Nikolay Nikolaevich, Deputy Editor, Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activities, Moscow State Institute of Culture